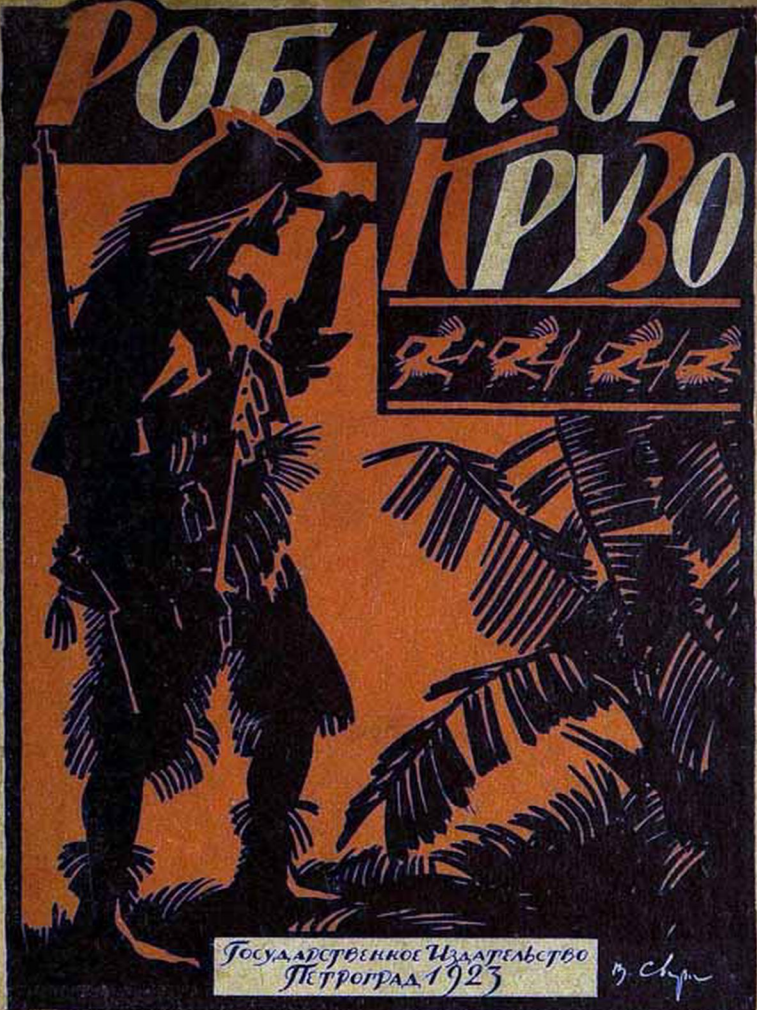
Робинзон Крузо



Государственное Издательство
Петроград 1923

Жизнь и приключения Робинзона Крузо [В переработке М. Толмачевой, 1923 г.]

Даниэль Дефо

Аннотация
Даниэль Дефо. ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО
I. РОБИНЗОН КРУЗО И ЕГО СЕМЬЯ
II. ОТПЛЫТИЕ. БУРЯ. КРУШЕНИЕ
III. НА БЕРЕГУ. НОЧЛЕГ НА ДЕРЕВЕ
IV. ПЕРЕВОЗКА ВЕЩЕЙ С КОРАБЛЯ
V. ПЕРВЫЕ ДНИ НА ОСТРОВЕ
VI. УСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ. БОЛЕЗНЬ. ПОСЕВ
VII. «ДАЧА» РОБИНЗОНА. ГОДОВЩИНА НА ОСТРОВЕ
VIII. ХЛЕБ. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ. ОСМОТР ОСТРОВА
IX. ЛОДКА. УТОПЛЕННИК. ОПАСНАЯ ПРОГУЛКА
X. ХОЗЯЙСТВО РОБИНЗОНА. СЛЕД НА ПЕСКЕ. ДИКАРИ
XI. ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ПЕЩЕРЫ. СНОВА ДИКАРИ
XII. РОБИНЗОН, НАКОНЕЦ, НЕ ОДИН
XIII. РОБИНЗОН И ПЯТНИЦА
XIV. НЕЛАДЫ. БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ
XV. ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ С ПЯТНИЦЕЙ

XVI. НОВАЯ ЛОДКА. ДИКАРИ
XVII. РАДОСТЬ ПЯТНИЦЫ. СПАСЕНЬЕ ИСПАНЦА
XVIII. УСМИРЕНИЕ БУНТА. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. ОТЪЕЗД

Аннотация

В переработке для детей старшего возраста М. Толмачевой под редакцией А. М. Калмыковой. Издано в 1923 г.

Даниэль Дефо
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО

Д. ДЕФО

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РОБИНЗОНА КРУЗО

В переработке для детей старшего возраста

М. Толмачевой

под редакцией А. М. Калмыковой

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1923 - - ПЕТРОГРАД

I
РОБИНЗОН КРУЗО И ЕГО СЕМЬЯ

В английском городе, Иорке, жил некогда старый купец Джон Крузо. Все местные жители хорошо, знали его лавку, находившуюся на площади, как раз напротив старинного мрачного собора.

Лавка была просторна, но темна, потому что освещалась только открытой дверью да небольшим оконцем с цветными стеклами. Крузо торговал разными заморскими товарами, и чего только тут не было: пестрые шали лежали на полках толстыми кипами, туфли, шитые золотом, из красного и зеленого сафьяна, женские гребни и другие безделушки из слоновой кости, куски янтаря и драгоценные камни. А по другую сторону стояли бочки с желтоватыми кусками сахара, висели связки крепко пахнущего табаку разных сортов и вяленые рыбы, нанизанные на бечевку. Старый хозяин вежливо и приветливо встречал покупателей, которых всегда было довольно. Ему помогали два подручных, подростки лет 15–16, но главным помощником считался единственный

сын хозяина — Робинзон. Это был красивый, рослый молодой человек лет 20-ти с небольшим, но характер у него был совсем не отцовский. Он совсем не любил иметь дела с покупателями, и, когда ему приходилось заменять отца в лавке, он был так рассеян, небрежен и невнимателен, что путал цены, забывал, где что лежит, и нисколько не старался угодить и продать подороже.

Другое дело, когда все расходились и лавка оставалась пуста. Тогда он любил подолгу перебирать вещи, размышляя о них. Вот огромный клык слона, драгоценный товар, получаемый из Индии. Мысли его улетали далеко. Какова эта страна? Заезжие купцы говорили, что там нет зимы, что все там другое, что огромные слоны, послушные, как лошади, служат черным людям. Ах, повидать бы все это!

А вот сахар, до которого он был большой охотник. Его добывают из сахарного тростника, растущего в Южной Америке. Говорят, можно нажить большие деньги, разводя его. Хорошо бы поехать да попытать счастья!

Так долго перебирал он вещь за вещью, словно прислушивался к каким-то сказкам, которые неслышно рассказывали ему они. Потом выходил на порог дома и стоял, задумчиво глядя на

большую дорогу, уходящую к большому городу Гуллю. Тот недалеко лежал от моря, на такой большой реке, что морские иностранные суда могли доходить до самого города.

Родителям совсем не нравилось поведение сына, и они не раз горько укоряли его за это.

— Из тебя никогда не выйдет порядочного купца, если ты будешь вести себя таким образом! — говорил отец. — Все мои покупатели недовольны, когда ты прислуживаешь им в лавке. Ты не годен ни на что!

— Нет, отец, это не так! — горячо воскликнул Робинзон. — Ты сам знаешь, что никто лучше меня не умеет исполнять твоих поручений. Разве я плохо закупил для тебя в прошлый раз партию табаку тонких сортов? А как бережно доставил тебе эти драгоценные кубки из цветного стекла, так что ни один не разбился! Это потому, что мне нравится это дело, мне нравится ездить по чужим местам, я люблю бывать в Гулле! — и в его воображении живо встал шумный город на берегу большой реки, ряды всевозможных судов на ней, говор и движение пестрой толпы. Потом он печально взглянул на пустынную площадь перед окнами. — Здесь мне все надоело, здесь мне скучно, отец! Я хочу работы, а разве это работа

— стоять за прилавком? Ты мне рассказывал сам, что нажил состояние упорным трудом, жил в разных странах, испытал нужду, горе и радость, и я хочу того же! Отпусти меня, отец! Пошли куда-нибудь далеко, и я — обещаю тебе исполнить всякое твое поручение хорошо и добросовестно!

Но тут вступалась мать.

— Молчи, Робин! Ты говоришь, как безумный! Твой старший брат тоже хотел искать счастья в чужих краях, стал военным и убит в сражении. Теперь хочешь уйти и ты и оставить нас с отцом одних! Ты не ценишь того, что можешь жить спокойно, в полном достатке, не подвергаясь никаким опасностям. Скажи же ему, отец, что его слова не имеют никакого смысла!

Но отец только печально покачивал головой, и Робинзону казалось, что тайно тот на его стороне.

Раз, в тихий вечер конца лета, Робинзон тихо бродил по улице, грустный и недовольный. Днем отец вернулся из Гулля, куда на этот раз ездил сам, не пустив почему-то сына. Теперь старики сидели в комнате, у открытого окна, и, подойдя к дому, сын нечаянно услышал их речи. Несколько слов так поразили его, что он невольно остановился, как вкопанный.

— Нет, жена, что и говорить — малый-то наш прав! — говорил отец. — Смотри, каким сильным да здоровым ты его вырастила. Ему надо работы по горло — и рукам, и голове, чтоб он был доволен, а так он словно рыба без воды. Уж ты не плачь, мать, а я ведь сегодня повидал старого приятеля моего, и он согласен малого взять с собой…

— Куда, отец?

Темная фигура юноши внезапно появилась в окне.

Одним прыжком очутился он в комнате и в волнении упал перед отцом на колени, сжав руку его в своих руках.

— Куда, отец, возьмет он меня с собой?

— Ты так спешишь узнать? Ну, слушай, если так…

И Робинзон узнал, что старый приятель отца скоро отплывает на собственном судне в Бразилию для закупки разных товаров и согласен взять его с собой для некоторых торговых поручений отца. Радость Робинзона была так велика, что даже слезы матери иссякли при виде его ликования.

Все его мечты сбывались, и даже шире, чем он мечтал. С благодарностью и вниманием выслушал он на другой день приказания отца,

несколько дней ушло на приготовления к отъезду, и вот уж он на борту корабля, в Гулле, в новом, только что купленном платье, с объемистой кожаной сумкой, полной деловых бумаг, с достаточным количеством золотых монет в наглухо зашитом мешочке на груди. Кроме этого, в трюме корабля ехало с ним несколько больших ящиков, набитых разными мелочами: стеклянными бусами, медными браслетами и перстнями, гребенками, небольшими зеркалами и другими блестящими побрякушками, на которые дикари охотно меняют, золотой песок, слоновую кость и драгоценные сорта дерева.

Бодр и весел прохаживался по палубе Робинзон, нетерпеливо поглядывая в туманную даль, куда уходила река и где, он знал, было это таинственное море. Назавтра, на рассвете, было назначено отплытие.

II
ОТПЛЫТИЕ. БУРЯ. КРУШЕНИЕ

1 сентября 1659 года Робинзон Крузо покинул родину. В те времена пароходы еще не были изобретены, и суда двигались либо при помощи весел, либо на парусах. Корабль, который увозил Робинзона, плавно движимый легким попутным ветерком, с каждой минутой приближался к открытому морю. Плотный утренний туман, словно молоко разлитый по окрестностям, начал таять, редеть от лучей подымающегося солнца, и вдруг перед Робинзоном открылась чудная картина: они уже были в море, синие волны ровными рядами бежали вдаль, вода пенилась у борта корабля, загораясь тысячами серебряных звездочек, дул ветерок, от которого так легко дышала грудь. Белые птицы, чайки, с резкими криками кружились около корабля, то почти касаясь крылом воды, то поднимаясь выше мачт. Но мало-по-малу птицы отстали, земля позади стала словно таять и уходить, и вот уж кругом ничего не видно, кроме воды, и мерно поскрипывает корабль, подымаемый и опускаемый волнами.

Робинзон наглядеться не мог на невиданную картину. К полудню волнение усилилось, стало трудно держаться на ногах, за ним пришли звать, обедать, но ему было не до еды; кое-как добрался он до своей койки и повалился на нее совсем больной. Стало жутко при мысли, что только тонкая перегородка отделяет его от морской бездны, потянуло вернуться на берег, домой, здесь чувствовал он себя таким беспомощным и слабым.

Рис. 1. Робинзон благополучно плывет при попутном ветре.

Друг отца зашел навестить и, посмеиваясь, похлопал его по плечу.

— Что, молодой товарищ, пожалуй, дома-то лучше? Уж кто пускается в море, тот должен быть готов ко всему. Впрочем, пока бояться нечего, этот ветер, может быть, и не совсем приятен новичку, но зато как славно гонит он нас вперед! Все паруса подняты, и корабль наш летит, как птица. Если дело пойдет так, то не пройдет и трех недель, как мы увидим берега Бразилии.

За ночь ветер утих, и утром Робинзон снова любовался прекрасным морским видом. Ему теперь совестно было своего вчерашнего страха, и он решил вперед быть храбрым. Матросы, которым хорошая погода давала некоторый досуг, мимоходом заговаривали с ним.

— Смотри-ка! Видал ли ты такие цветы? — усмехаясь, спросил один, кивнув головой на воду.

Робинзон перегнулся через борт и с изумлением стал наблюдать морскую глубину. Вода была необыкновенно прозрачна, взор уходил туда без конца, различая все новые и новые формы. Там росли словно волшебные сады, тянулись колеблемые течением чудовищные ветки странных

растений, плавали какие-то шары, звезды, мелькали рыбы разных величин, разнообразного вида и цвета. Один раз Робинзону так захотелось вытащить из воды и разглядеть поближе какую-то диковинную полупрозрачную чашу, отливавшую всеми цветами радуги, что он схватил ведро на очень длинной веревке и пытался вычерпнуть ее. Но скоро убедился, что об этом и думать нечего, так глубоко сидела его добыча.

С каждым днем становилось жарче. Робинзон уж давно, с некоторым сожалением, снял свои новый суконный камзол и ходил, как и все, в белой полотняной одежде. На острове Мадере, к которому приставали за новым запасом провизии и питьевой воды, впервые увидел Робинзон пальмы и другие растения жарких стран; да и люди тут были совсем другие, чем в Англии.

Как ни много воды было кругом, для питья все же приходилось везти воду с собой, потому что морская горько-соленого вкуса и не годится для питья. Не только земля, но и небо менялось по мере того, как шло их путешествие: звезды стали ярче, крупнее, и среди них его научили различать пять прекрасных звезд, составлявших созвездие Южного Креста. Ночью море светилось иногда, словно все горя каким-то непонятным огнем.

Видя удивление Робинзона, один матрос зачерпнул раз этого огня, но в ведре плескалась только холодная, темная вода. Капитан объяснил ему, что свечение происходит от множества крошечных, невидимых простому глазу животных, имеющих способность светиться, вроде наших светляков.

— Ах, как я рад, что поехал с вами! — пылко воскликнул как-то Робинзон. — Я стал совсем другим человеком, я так много узнал. И бури я не боюсь теперь больше!

— Пока наше плавание идет очень счастливо, — ответил приятель отца, — а про бурю пока лучше не будем говорить!

Так прошло еще несколько дней. Выйдя раз утром на палубу, Робинзон заметил, что Джеральд с капитаном о чем-то оживленно беседуют. Их лица были так озабочены и серьезны, что юноша не решился к ним подойти, а обратился к одному из матросов, тревожно всматривавшемуся куда-то вдаль, туда же, куда и капитан.

— В чем дело, Дик?

— Да, кажется, нас изрядно потреплет сегодня! — ответил тот угрюмо.

— Почему же ты это думаешь?

Матрос молча показал на темное облачко у

самого края неба.

«Странные люди! — подумал Робинзон, — на небе яркое солнце, море, как зеркало, стоит ли бояться какого-то облачка? Ну, и пусть потреплет, я еще этого не испытал. Корабль наш построен хорошо и крепко, а какой же я буду моряк, если не изведаю разочек настоящей бури!»

Облачко между чем быстро росло.

Солнце начало меркнуть, в воздухе стояла совершенная тишь, паруса бессильно повисли.

Но громовый голос капитана звучал, не умолкая.

Матросы, как кошки, влезали и спускались с мачт с необыкновенной быстротой. Робинзон не понимал, в чем дело, но видел, что идет какая-то важная и спешная работа. И вдруг он понял все: облачко, уже превратившееся в черную, грозную тучу, закрыло солнце, пронесся страшный порыв ветра, сваливший его с ног. Кое-как поднявшись и схватившись за протянутый канат, Робинзон с изумлением увидел, что все море внезапно точно закипело: огромные валы покрытые пеной, со свистом и грохотом обрушивались друг на друга, корабль то проваливался словно в бездну, то снова взбирался на гребень волны. Крепко вцепившись в свой канат, прижавшись

спиной к выступу капитанской будки, Робинзон неподвижно сидел, с замирающим сердцем. Так прошел весь день, вечером разразилась жестокая гроза. Весь мокрый от хлынувшего ливня, Робинзон с трудом добрался до своей каюты. Проведя почти без сна всю ночь, утром он снова поднялся на палубу. Ветер бушевал с прежней силой, хорошего было мало. Пробегая мимо, матрос крикнул ему, что грот-мачта так расшатана ветром, что придется, пожалуй, ее срубить. Другой махнул рукой и крикнул, что ни капитан, никто другой не знает, куда их занесло. Так прошел весь долгий день, за ним и другой и третий. Измученные люди едва находили в себе силы исполнять приказания капитана, никто не думал ни о пище, ни о сне. Наконец, ветер начал немного стихать, но пришла новая беда: на корабле появилась течь. Все, кто только оставался на ногах, были призваны вычерпывать воду.

Робинзон работал вместе с другими, но вода нисколько не убывала. Всю ночь работали люди, разделившись на две смены, утро принесло им как будто радость — солнце встало, лучезарное, как прежде, море заметнее успокаивалось, у всех воскресла надежда на спасение.

В полдень матрос, бывший на мачте, закричал:

— Земля! Земля!

Скоро всем стала видна вдали темная полоска земли, но капитан не мог определить, что за берег это был. Руль повернули в сторону земли, с новой надеждой заработали люди. Крупные волны, все еще ходившие по морю, быстро гнали корабль к желанному берегу, как вдруг раздался страшный треск, и сильный толчок сшиб всех с ног. В первую минуту у всех мелькнула мысль, что корабль раскололся пополам. Его движение внезапно прекратилось, он остановился, как прикованный. Тогда все поняли, что волнами корабль брошен на подводный камень. Вода с силой хлынула в образовавшуюся пробоину, корабль погибал…

Но неужели умереть теперь, в виду близкой земли? Капитан приказал спустить шлюпку, куда должны были поместиться все. Когда это было сделано, с большим трудом спустились в нее и направились к берегу. Но скоро все с ужасом увидели белую полосу пены и поняли, что весь берег окаймлен подводными скалами и подойти к нему даже в шлюпке нет возможности. Огромные волны налетали сзади и обливали всех сидящих в лодке… Вдруг раздался общий вопль ужаса: лодка опрокинулась.

Рис. 2. С гибнущего корабля люди плывут к берегу на лодке.

Робинзон почувствовал, что погружается в воду с головой и захлебывается, но он был хороший пловец, и скоро ему удалось вынырнуть и перевести дух, пока новая волна снова не овладела им. Зато она подтащила его настолько близко к берегу, что он внезапно почувствовал твердую почву под ногами. Ему удалось пробежать с десяток шагов, когда следующая волна снова овладела им, как кошка мышью. Задержав дыханье, бедняга изо всех сил старался не дать оттащить себя от берега. Он снова успел продвинуться немного вперед, вода доходила уже едва до колен, когда

новый огромный вал снова накрыл с головой, увлек за собой и бросил с размаху на что-то твердое, так, что Робинзон лишился чувств.

III
НА БЕРЕГУ. НОЧЛЕГ НА ДЕРЕВЕ

Так и не узнал никогда Робинзон, долго ли продолжалось его обморочное состояние.

Первое, что он понял, когда, наконец, пришел в себя, это то, что он жив. Над ним было голубое небо, и невдалеке слышен был шум морского прибоя. Тогда он приподнялся и увидел, что лежит на большом камне, плоском, как стол. Кругом воды не было. Видимо, волна закинула его сюда во время прилива, а теперь был отлив, и пространство между его камнем и видневшейся зеленью было совершенно сухо. Не долго думая, Робинзон соскочил с камня и со всех ног пустился туда. Сознание, что он жив, цел и невредим, наполняло его таким восторгом, что он кричал и прыгал на ходу, и взмахивал руками, и не знал уж, как выразить свое счастье.

Незнакомая чаща леса встретила его. Он осторожно ступил несколько шагов — невиданные деревья, цветы и травы окружили его. И ему вдруг стало жутко: он один, что там дальше в лесу? Но неужели он в самом деле так таки один и остался?

Неужели все остальные действительно погибли? Он стал звать, аукать, никто не откликнулся.

Опрометью выбежал он снова на открытый морской берег. Ничего… Все пусто… Вон что-то небольшое чернеет у самой воды — матросский башмак, а вон мирно покачивается на волнах широкополая шляпа, вот и все. Тогда он поспешно взобрался на утес, возвышавшийся невдалеке, и вдруг увидал свой корабль. Он, видимо, находился все на том же месте, крепко засев на мели. Но никаких признаков жизни не было заметно кругом.

Ужас и отчаяние овладели тогда Робинзоном, он бросился на землю, принялся плакать и стонать. Куда занесла его судьба? Как будет жить он совсем один?

Вот выйдут сейчас из леса дикие звери и растерзают его или свирепые дикари возьмут в рабство.

У него нет никакого оружия, он беспомощен и беззащитен… Не лучше ли сейчас броситься с этой скалы в море и этим прекратить свои страдания?

Он огляделся — солнце уже близилось к закату, море тихо плескалось, в лесу посвистывали птицы, зелень была так сочна и роскошна. Робинзон

вдруг почувствовал голод и жажду, его потянуло поискать пресной воды. Боязливо оглядываясь по сторонам, вернулся он в лес, шаг за шагом робко углубился в него. Особенно яркая и густая трава на одной лужайке привлекла его внимание: не признак ли это близкой воды?

Так и оказалось — светлый ручеек, тихо журча, протекал тут.

С наслаждением напился Робинзон холодной воды, освежил голову, бодрость несколько вернулась к нему. Но солнце уже садилось, сейчас должна была наступить темнота, потому что в жарких странах не бывает сумерек. О том, чтобы искать пищу, нечего было и думать. К тому же он чувствовал смертельную усталость.

Раскидистое дерево с толстыми ветвями было около него. Робинзон решил провести ночь на его вершине: на земле он не смел оставаться из страха диких зверей. С детства славился он искусством лазать по деревьям, поэтому без труда взобрался повыше и теперь, выбрав толстую ветвь, уселся на ней верхом, прислонясь спиной к стволу, а чтобы не упасть как-нибудь во сне, утвердил поперек груди тут же выломанный сучок. Не прошло и пяти минут, как он уснул глубоким сном, как будто лежал в самой мягкой

к теплой постели.

Рис. 3. Робинзон проводит ночь на дереве.

IV
ПЕРЕВОЗКА ВЕЩЕЙ С КОРАБЛЯ

Робинзон проснулся, когда солнце уже было высоко. Он почувствовал, что хорошо отдохнул и силы вернулись к нему. Сойдя с дерева, он прежде всего побежал к утесу и взобрался на него, чтобы взглянуть на корабль. Что за чудо! За ночь тот оказался несравненно ближе, чем раньше. Очевидно, приливом он был снят с мели и подтащен к берегу. Медлить было нечего, сильный голод мучил Робинзона, а на корабле, он знал, хранился большой запас различной провизии. И нельзя было ручаться ни за один следующий час, что поврежденное судно не будет поглощено волнами.

Был отлив, берег обнажился на далекое расстояние, б***о***льшую часть пути до своей цели можно было пройти посуху. Робинзон поспешил этим воспользоваться, но шел в глубоком горе: его терзала мысль, что стоило им переждать шторм, как все, вероятно, остались бы живы и благополучно перебрались бы на берег. Теперь же все погибли, и он один остался, обреченный на одинокое, печальное существование. Дойдя до воды, он

разделся и бросился в воду. Доплыть до корабля — ничего не стоило, другое дело — взобраться на него.

Он три раза оплыл его вокруг и наконец заметил свешивающийся с одного борта конец веревки. Ему удалось схватиться за нее и с некоторым трудом взобраться на корабль. Грусть охватила его с новой силой при взгляде на знакомые, теперь опустевшие места, но голод не давал задумываться, и он поспешно бросился в столовую корабля, где знал, что хранятся в шкафу запасы морских сухарей. Жадно схватился он за еду, тут же, в другом отделении, нашлась фляга, наполовину полная рома. Несколько глотков сильно подбодрили его. Вдруг он вздрогнул, до слуха его донесся какой-то звук. Неужели он не один? Неужели осталось еще живое существо? Он бросился к закрытой двери, откуда слышались неясные стоны, и с силой распахнул ее. Большая черная собака, визжа, кинулась к нему, но вид у нее был такой измученный, что Робинзон сразу понял, что бедное животное изнемогает от голода и жажды. Он бросил ей пару сухарей и поспешно ушел искать воды. Так вот какого товарища посылает ему судьба! Это был Дружок, собака капитана, на которую он мало обращал внима-

ния до сих пор, занятый другими делами. Теперь собаке суждено стать его единственным другом, надолго ли? Но нельзя было терять времени на размышления, надо было использовать приближающийся прилив для возвращения на берег.

Дав собаке пищи и воды, Робинзон стал быстро соображать, что важнее всего сделать сейчас. Его окружало множество предметов, имеющих для него огромную ценность, полноправным владельцем которых он стал теперь, но надо было выбрать, что предпочесть, а главное, придумать, как переправить на берег. На корабле не оставалось ни одной шлюпки, только плот мог выручить его, надо было скорей браться за работу. На палубе остались запасные мачты, посчастливилось найти пилу, ею распилил он мачты на равные части, обвязал каждую веревкой, чтоб их не унесло волнами, и с большим усилием столкнул в воду. Потом спустился сам туда же и крепко связал все бревна между собой, скрепив еще крест-накрест положенными дощечками. Он увязывал все до тех пор, пока плот не приобрел достаточную прочность. Теперь можно было подумать о том, какой груз выдержит он и что нужно прежде всего взять.

Найдя несколько сундуков, в которых обык-

новенно матросы держат свои вещи, Робинзон принялся складывать в них сначала все съестные припасы, которые мог найти: сухари, рис, три круга сыра, пять больших кусков вяленого мяса, остаток ячменя, который брали с собой для кур, и несколько бутылок рома.

В одной из кают Робинзону попался на глаза ящик корабельного плотника, содержащий полный набор плотничьих инструментов. Можно себе представить, как драгоценна ему была эта находка и с какой жадностью накинулся он на нее. Теперь была очередь за оружием. Кто знает, что ожидает его? Дикари, дикие звери… Необходимо было забрать все возможное.

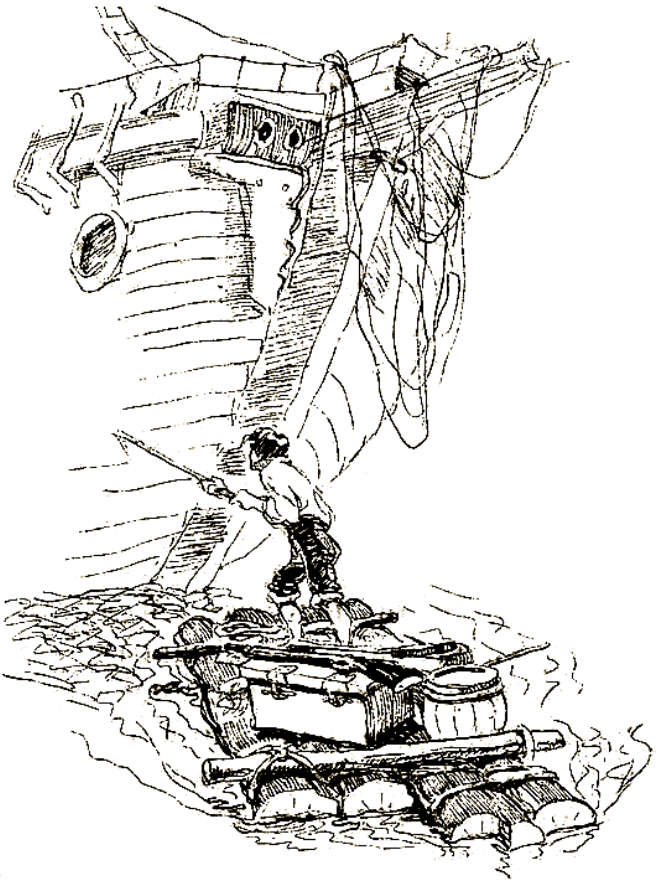


Рис. 4. С этим грузом Робинзон отчалил от

корабля.

Робинзон взял два хороших ружья, два пистолета, два бочонка пороха и ящичек пуль. Как хотелось ему взять еще многое, многое, но он боялся, что его жадность будет наказана и плот не выдержит тяжести.

Медленно, с большим трудом, переправил он все вещи на свой плот. Некому было помочь ему, некому дать хороший совет, даже вдвоем эта работа была бы легка. Только Дружок следовал за ним по пятам.

Пора было отплывать, начинался прилив. Робинзон увидел, как подступившая вода вдруг смыла с берега и унесла брошенную им на берегу одежду. Он поспешно захватил пару матросского платья, большой кусок парусины и спустился последний раз на свой плот. Он подобрал два сломанных весла от шлюпки, дул легкий ветерок, который, вместе с приливом, понес его послушно к берегу.

Дружок, который все время с тревогой следил за его приготовлениями и, повизгивая, бегал по краю судна, не стал дольше ждать, смело прыгнул в воду и поплыл за плотом, только его черная голова виднелась над поверхностью моря. Путешествие пошло благополучно, утлый плот

подвигался куда надо, но у самого берега его начало относить в сторону. Робинзон догадался, что попал в береговое течение, которое указывает на близость какого-нибудь залива. Так и оказалось: скоро Робинзон увидал довольно глубокую бухту с ровными, пологими берегами. Видимо, тут было удобно пристать, и он принялся грести изо всех сил, чтобы направить свое неуклюжее суденышко туда. Кое-как удалось повернуть его в желаемом направлении, но в последнюю минуту чуть было не погибло все дело. Плот наехал вдруг одним концом на плоский подводный камень, другой край его опустился, и все вещи поползли в воду. Робинзон в ужасе уперся в них руками. Не ужели все пропадет? Провизия, в которой он так нуждался, а главное — порох… Сдвинуть крепко засевший плот назад в воду не хватило бы сил, оставалось ждать, чтобы прилив, который еще не поднялся до последнего предела, о чем Робинзон мог судить по полосе, оставленной водой на берегу, выпрямил плот и тем спас его сокровища. Он рассчитал верно, мало-по-малу плот снова стал прямо, поднявшись и другим концом, но чего стоило долгое время, показавшееся бесконечным поддерживать от падения тяжелые ящики! У него разболелись плечи и руки от напряжения,

но до того ли было. Теперь, когда плот снова был на воде, Робинзон легко, упираясь в дно веслом, надвинул его целиком на камень, подтянул к самому берегу, и плот встал словно на столе. Так было отлично, теченье было слабое и не могло унести его, а с отливом плот должен был очутиться целиком на сухом месте.

Дружок, между тем, давно уже добрался до берега и теперь носился по нему кругами, катался по траве и всячески выражал свой восторг.

«Он радуется, как я, когда почувствовал, что спасся! — подумал про него Робинзон, — и даже больше, потому что он не думает ни о дикарях, ни о кровожадных зверях, а просто радуется, что еще жив и что кругом так прекрасно. Может быть, и мне недурно взять с него пример?»

Когда все вещи были в безопасности на берегу, закрыты тщательно парусиной, пора было подумать и о каком-нибудь жилище. Но Робинзон до сих пор не знал, где он находится.

«Быть может, — думал он, — стоит мне взобраться вон на ту гору, и я увижу дымки какого-нибудь поселка. Ничего нет невероятного в том, что я нахожусь недалеко от Бразилии, и человеческое жилье близко!»

Он кликнул Дружка и пошел в ту сторону,

где возвышалась острая, скалистая вершина горы. Внимательно озираясь, несмело проник он в чащу леса, но ничего пугающего не было заметно. Дружок, видимо, тоже не чуял никакой опасности, потому что весело шнырял крутом, но только птицы подымались стаями над его головой. Особенно много было попугаев всех цветов и величин: маленьких зеленых с красным хвостом, крупных серых с красной головой, снежно-белых какаду и других, которые перелетали с ветки на ветку, словно огромные цветы. Вероятно, они никогда не видали человека, потому что не обнаруживали никакого страха и садились чуть не на голову Робинзона. Только в одном месте из густого кустарника шмыгнул небольшой зверек, похожий на кролика, и моментально скрылся.

Скоро начался подъем, но до главной вершины еще было далеко, а Робинзон уже мог убедиться, что дальше и итти не стоит, потому что совершенно ясно определилась местность, в которую он попал: под ногами пышным ковром расстилалась роскошная растительность, светлая лента узенькой речки блистала тут и там, но нигде не было видно ни малейших признаков жилья, ни шалаша, ни вьющегося дымка, ни пасущегося скота, а, главное, кругом со всех сторон плескались без-

граничные синие волны океана: Робинзон был на острове, сомнения никакого быть не могло. Один! Совершенно один! Как жить совсем одному? Никогда не слышать человеческого голоса, не видеть ни одного лица, ничего не знать о жизни других, не читать ни одной книги! Стоит ли жить после этого? Не лучше ли желать, чтобы дикий зверь выскочил из кустов и растерзал его?

В унынии опустился Робинзон на землю и долго, понурив голову, сидел неподвижно. Дружок подбежал к нему и с разбега лизнул прямо в лицо: глаза собаки горели оживлением, бока раздувались от быстрого бега, красный язык далеко был высунут. Весь вид его как бы говорил:

— Ах, как весело, как отлично на свете! Ну-ка, побежим со мной!

Робинзон внимательно поглядел на собаку, провел рукой по ее шелковистой голове, мысли его незаметно приняли другое направление.

«Я грущу и печалюсь, что сижу тут один, но я жив, а остальные погибли. Я молод и силен, у меня есть все необходимое для жизни, надо стараться устроить ее получше, а дальше мало ли что может случиться? Разве не может зайти какой-нибудь корабль и увезти меня на родину? А пока надо устроить себе жилище, надо завтра снова поехать

на корабль, чтоб не дать погибнуть множеству нужнейших вещей. Вот скоро сядет солнце, надо успеть поужинать до темноты, покормить собаку и приготовить какой-нибудь ночлег. Будь что будет, а пока нечего вешать нос!»

И Робинзон бодро вскочил с места и быстрым шагом направился «домой», т.-е. к берегу заливчика, где были сложены вещи. Он срубил и заострил несколько кольев и при помощи их и куска парусины быстро устроил шалаш, кругом он кое-как навалил бревна от плота, чтобы несколько укрепить его на случай нападении зверя. Закусив чем попало под руку, он улегся на приготовленную постель, указал Дружку место в ногах и заснул мертвым сном.

V
ПЕРВЫЕ ДНИ НА ОСТРОВЕ

Следующее утро было такое же ясное и тихое, как накануне. Как только отлив сделал свое дело, Робинзон снова пустился вплавь к кораблю. Ехать на плоту заняло бы гораздо больше времени. На этот раз он на месте устроил новый плот легче и скорее первого. Прежде всего он спустил на него мешок с гвоздями разных величин, еще пару ружей, сундук с разной одеждой, матрас, гамак и несколько подушек… Путешествие на этот раз прошло вполне благополучно.

Боясь, чтобы Дружок не последовал за ним вплавь, Робинзон привязал его к дереву, недалеко от палатки.

Возвращаясь назад, он издали уж услышал визг и яростный лай бедного пса, и когда подошел ближе, то заметил небольшого зверька, очень похожего на кошку, сидящего на ящике с провизией. При его приближении зверек не шевельнулся с места и безбоязненно глядел с видимым любопытством. Робинзон бросил ему кусочек сухаря. Зверек спокойно обнюхал его со

всех сторон, съел с удовольствием и поглядел с таким видом, будто говорил:

— Это вкусно! Я бы не прочь и еще!

— Ну уж нет, извините! — ответил Робинзон и пошел отвязать Дружка, который немедленно бросился на гостя, но того и след простыл.

Все следующие дни прошли в поездках на корабль. Робинзон старательно обшаривал его и забирал все, что мог. Раз в трюме, к своей большой радости, он нашел целую бочку почти не подмоченных сухарей, мешок муки и ящик сахара: это была драгоценная находка, и он, чуть не дрожа от страха за сохранность ее, со всеми предосторожностями доставил ее на берег.

Затем Робинзон сосредоточил свое внимание на парусах и канатах, отделил их друг от друга, разрезал на части то, что было слишком тяжело для одного, и переправил на берег. Еще нашел он кусок свинца для изготовления пуль, но он был так непомерно тяжел, что не поддавался никаким попыткам поднять его. Пришлось удовольствоваться частью, отрубленной топором.

Плоты каждый раз он делал из распиленных мачт и, таким образом, тоже присоединил их к своему имуществу. Не забыл он и железа: в одну из своих поездок он отделил все металлические

части, какие мог. Но тут постигла его неудача: плот вышел так тяжел и неуклюж, что едва можно было им управлять. Недалеко уже от берега он слегка накренился от течения, железные вещи сдвинулись, перетянули, и весь плот опрокинулся со всем грузом и хозяином.

Для этого-то беда была невелика, но вещи утонули.

Впрочем, и так у него накопилось огромное количество разного добра, на берегу оно лежало большими беспорядочными кучами, уж одиннадцать раз совершал он свои плавания.

Собираясь в двенадцатый, он заметил, что находят облака и начинается ветер. Всякое волнение несомненно грозило гибелью кораблю и поэтому Робинзону не терпелось еще хоть разок побывать на нем, чтобы убедиться, что взято все нужное. Он поспешно переплыл к кораблю — везде было пусто, то, что оставалось, не стоило увозить. Зайдя на всякий случай в каюту капитана. Робинзон взломал бывшим при нем ножом ящик стоявшего там письменного стола и вдруг увидал, что тот полон золотыми и серебряными монетами. Он отшатнулся — какое богатство! Сколько можно было бы сделать на эти деньги там, у людей! Ах, вот и его кожаный мешочек с деньгами, кото-

рый он дал на хранение капитану и о котором совершенно забыл! Как любовно шила его мать, как заботливо собирал его в дорогу отец! Узнают ли они когда-нибудь о судьбе сына? Не лучше ли было остаться с ними? В глубоком волнении стоял Робинзон над этими, сокровищами.

— К чему мне вас! — сказал он, горько усмехнувшись, — вы ничем не можете изменить мою жизнь, ничем не можете ее улучшить! А как добиваются вас там у людей! Сколько слез льется, когда вас нет! А мне теперь дороже вас эти ножницы да молоток. Пропадайте же вы тут вместе с кораблем! Пусть будет он вам могилой!

Задерживаться было нельзя, ветер начинал завывать не на шутку. Робинзону вдруг стало все-таки жаль оставлять такое богатство.

А если он снова вернется к людям, не пожалеет ли даром погибшего богатства. Кто знает, что сулит будущее? Он поспешно схватил кусок материи, завернул в него деньги и, сделав из него род пояса, крепко обвязал себя им. На этот раз нечего было и думать делать плот. Волны уж подняло ветром большие, и он едва справлялся с ними, когда поплыл домой. Его тяжелая добыча в поясе тянула его вниз и не раз страх охватывал его — не доплыть, захлебнуться. Кушак был стянут

крепко, намок и развязать его сейчас было невозможно, но мысль погибнуть теперь, так близко от жилья, после всего пережитого, показалась ему так ужасна, что придала новые силы и помогла добраться до суши.

Едва нога его коснулась земли, как разразился жестокий шторм. В своей палатке Робинзон почувствовал себя в полной безопасности: дождь не проникал сюда, буря могла выть сколько ей угодно, он с наслаждением растянулся на постели, рядом сидел Дружок, чутко прислушиваясь к шуму ветра.

Когда на утро Робинзон выбрался из своей палатки, на море не оставалось ни малейшего следа корабля.

Оборвалась последняя связь его с прежней жизнью, надо было начинать новую. Волны выкинули впоследствии кое-какие обломки, но они не представляли уж особой цены.

Теперь необходимо было привести в порядок все вещи и озаботиться устройством настоящего жилища, потому что наскоро сделанная палатка не могла заменить его. К тому же место, на котором она находилась, было неудачно — слишком низко и сыро, а главное, скалы загораживали открытый вид на море. А видеть море было по-

стоянной заботой Робинзона. Что бы он ни делал, а взор его то и дело обращался к морской дали.

Итак, надо было найти другое место и притом такое, которое удовлетворяло бы нескольким условиям. Первое, конечно, — открытый вид на море, затем — близость пресной воды. Это было важно, чтобы не тратить лишнего времени и сил на принос ежедневно свежей воды.

Рис. 5. Устройство жилища в пещере.

И ещё нужно было устроить жилище на таком месте, которое было бы несколько защищено от полдневного зноя и, наконец, давало бы возможность как-нибудь укрепиться от нападения врагов.

Далеко отходить нельзя было, чтоб не затруднять чересчур перенос вещей, надо было осмотреть хорошенько местность вокруг. Робинзон это и делал и, наконец, через несколько дней решил, что его выбор сделан и что дальше и искать нечего. Это место была небольшая плоская полянка на скате высокого холма, спускавшегося к ней крутым обрывом, отвесным, как стена, так что оттуда никому подойти было невозможно. У самой полянки, в скате горы была неглубокая пещера. Робинзон решил поставить себе палатку у самой пещеры на плоской площадке, которая дальше круто обрывалась вниз неправильными уступами до самого моря. Расположена была эта площадка на склоне холма, так что весь день до вечера, когда солнце уж не так жгуче, находилась в тени.

Внизу, у самой горы, протекал ручеек чистой воды. Таким образом тут было все, что Робинзон хотел, оставалось взяться за работу.

Но чтоб сделать действительно безопасное и удобное жилище, предстояло совершить огромный труд, особенно для одного человека. Когда он обдумал все, его затея показалась ему непосильной. Будь он не один, найдись у него хоть один товарищ, все было бы совсем иначе, была бы помощь, и дружеским словом, и советом, и сильными руками, теперь же только Дружок ходил за ним по пятам, поглядывая умным взглядом, как бы спрашивая его:

— Хозяин, не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

Но если жить, так нельзя было оставаться, как зверю в лесу, да и зачем было беречь силы? Времени было довольно, а не будь труда, жизнь сделалась бы совершенно невыносимой. Итак, Робинзон решил сделать таким образом свое жилище: перед пещерой будет стоять палатка, служа как бы первой комнатой, второй же будет пещера, углубленная и расширенная по мере возможности. В ней будет он укрываться в сильную непогоду, в ней же устроит склад вещей. На площадке он наметил палкой полукруг, аршин в пятнадцать в поперечнике, как раз перед будущим жильем. Тут будет ограда из высоких заостренных кольев и даже не из одного ряда, а

из двух; промежуток же между ними заполнят привезенные с корабля канаты. Ограда должна быть вышиной около сажени, чтобы ни человек ни зверь не могли через нее перескочить.

Ежедневно трудился Робинзон над этим делом, но уделяя все же часть времени на другие работы.

Например, одна мысль не давала ему покоя: он боялся сбиться в счете времени и хотел непременно устроить календарь. Для этого он вытесал два толстых четырехугольных бруса, скрепил их в виде креста и вбил в землю на том месте берега, где его выбросило море.

На перекладине он выписал крупными буквами:

«Здесь я впервые ступил на этот остров 30 сентября 1659 года». С тех пор он каждый день делал на кресте зарубку в виде черточки, через каждые шесть черточек одну подлиннее: это означало воскресенье, зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, он делал еще длиннее. Таким образом он вел свой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Рис. 6. Робинзон делает календарь.

Другим делом были прогулки вглубь острова. Робинзон уж потерял надежду найти следы человека, но надо было узнать, природу места, куда закинула его судьба. В одну из первых же прогулок Дружок, его постоянный спутник, зачуяв что-то, скрылся в чаще, и скоро Робинзон

услышал треск ветвей, лай, и понял, что собака гонит прямо на него какое-то животное. Из предосторожности он приготовил для выстрела ружье, ожидая с некоторым опасением встречи, но это оказалось напрасной тревогой — на него выскочила красивая дикая козочка, испуганно взглянула и метнулась снова в лес так быстро, что Робинзон не успел выстрелить. Впрочем, он бы и не стал этого делать: козочка так напомнила ему дом, родную сторону, что у него задрожали руки. Но когда он успокоился, в голове зароилось множество планов: застрелить козу — прекрасное жаркое, но еще лучше приручить ее, завести целое стадо… Всегда будет молоко и мясо.

Тогда он начал выслеживать коз и не раз видел их издали, но они были необыкновенно чутки и исчезали при первой попытке приблизиться. Дружка нечего было и думать брать с собой на эту охоту, и приходилось его привязывать дома, несмотря на жалобный визг. Наконец, случайно, Робинзон напал на способ подкрасться к козам. Взобравшись как-то на пригорок, он увидел у подножья его целое стадо коз. Они, видимо, не замечали его, и Робинзон понял, что по устройству их глаз они не могут смотреть наверх. Осторожно подкравшись к отвесной скале, возвышавшейся

как раз над поляной, он выстрелил и увидел, что убил козу, при которой был козленок-сосунок. Когда Робинзон взвалил на плечи мать, козленок сам побежал за ним.

К сожалению, он был еще так мал, что не мог есть травы, молока у Робинзона не было, и козленка пришлось зарезать. Жаркое вышло отличное, но на третий день мясо начало сильно портиться, и остатки пришлось зарыть в землю.

Нашлось случайно и другое, не менее вкусное блюдо: как-то, проходя по морскому берегу, он заметил двух мирно дремавших черепах. Робинзон вспомнил, каким лакомым кушаньем считалось их мясо во время путешествия на корабле, и решил не терять случая. Он быстро бросился к одной из них, чтобы перевернуть на спину, потому что броня их так тверда, что ее невозможно пробить. Но черепаха ловко вывернулась из его рук и скользнула в воду. Зато другую ему удалось настигнуть у самой воды, перевернуть и убить прикладом. Мало того, что мясо было чрезвычайно вкусно, в ней нашлось до 50 яиц, тоже прекрасного качества. В лесу находил он различные плоды, названия которых узнал гораздо позже. Он старался запомнить места, где находил понравившиеся ему сорта. Встретил он и пальму

огромной вышины, с орехами величиной с детскую голову на вершине — это были кокосы. Их видывал он в Гулле, куда завозили их моряки, и он с удовольствием встретил старых знакомых.

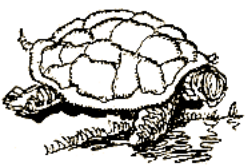


Рис. 7. Робинзон находит черепаху.

Работа его с устройством ограды между тем,

подвигалась вперед. Уж два месяца исполнилось его пребыванию на острове, пошел третий. Наконец, ограда была готова, укреплена подпорками и имела совершенно неприступный вид, возвышаясь по краю полянки. Теперь нужно было еще устроить палатку. Расширяя пещеру, он заметил, что передняя часть ее находилась в базальтовой скале, очень большой твердости. Только с большим усилием отбил он несколько небольших частей, чтоб расширить вход; чтоб увеличить ее больше, понадобилось бы взрывать камень, и на это ушло бы очень много пороха, так что об этом нечего было и думать. Но зато в глубине пещеры он обнаружил место другой горной породы — песчаника, очень рыхлой и мягкой. Рыть в этом направлении не представляло особенного труда, и Робинзон мог сделать себе комнату любой величины. Землю складывал он по внутренней стороне ограды и тем еще более увеличивал ее прочность. Таким образом у него мало-по-малу образовалась целая квартира: просторная, крепкая палатка, в которой он предполагал жить, к ней примыкала пещера, куда он думал укрываться в сильную непогоду, если палатка недостаточно будет защищать от нее, и, наконец, погреб и кладовая. Теперь можно было

приступить к переносу вещей с берега, где они лежали до сих пор, как были привезены с корабля, плотно закутанные парусиной. Это был тоже труд немалый, которым Робинзон занимался либо рано по утру, либо при закате солнца, потому что среди дня жар был настолько нестерпим, что невозможно было выходить. Робинзон знал по рассказам, что в жарких странах зиму заменяет время дождей, он не знал, когда оно начнется, но спешил окончить уборку до наступления ее. Наконец, последний ящик был втащен, остававшееся в ограде отверстие заделано. Для выхода и входа Робинзон сделал небольшую лесенку, которую можно было приставлять и убирать.

Рис. 8. Роскошные растения леса жарких стран.

И приятен был вечер, когда он уселся ужинать в собственном жилище и потом лег спать на удобную кровать в полной безопасности, рядом с верным Дружком. Цель, которую он себе поставил, была достигнута, и исключительно благодаря своим силам и терпению.

В последующие дни ему пришло в голову насадить ряд небольших деревцов по наружному краю стены, чтобы сделать ее незаметной для глаза снаружи. Зелень впоследствии так разрослась по склону, что скрыла всякие следы рук человеческих. Только чуть заметная тропинка указывала на присутствие живого существа.

VI
УСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ. БОЛЕЗНЬ. ПОСЕВ

К концу одного очень жаркого дня небо внезапно покрылось тучами, хлынул проливной дождь, потом блеснула молния, и раздался оглушительный удар грома. Робинзон в страхе схватился за голову.

«Порох мой! Порох! Стоит молний ударить в мой запас, и в один миг от него ничего не останется!» — в ужасе подумал он. Сгоряча он не сообразил, что от него самого в этом случае тоже осталось бы немного.

К счастью, гроза прошла благополучно. А Робинзон немедленно взялся за шитье мешков из парусины. Он решил весь порох рассыпать по мешкам и небольшим ящикам, чтобы в случае несчастья не погиб сразу весь запас, и закопать их в расселины горы, обозначив места вбитыми колышками. Он не успокоился до тех пор, пока это дело не было кончено.

Потом он принялся приводить в порядок все имущество, наваленное пока кое-как. В пещере

ему удалось приладить ряд полок, а на противоположной стене загнать в рыхлый камень ряд прочных колышков. Тут разложил и развесил он все в полном порядке, так что каждую минуту все могло быть под рукой. Робинзона позабавила как-то мысль, что склад напоминал несколько лавку его отца, но там никогда не заботился он так о порядке и сохранности вещей, как здесь, потому что здесь все было исключительно делом его рук.

Потом пришла пора подумать о мебели. Есть и работать, сидя на полу, было неудобно. Необходимы были столы, чтоб ставить вещи. Спал он в гамаке капитана и в кровати пока не нуждался. Столы пришлось сделать пока просто на врытых в землю ножках, вытесанных из сухих досок, их сделал он несколько разной величины. Потом из пустых ящиков сладил вроде стульев, один для палатки, другой для пещеры, гостей пока не предвиделось. Из ящиков же сделал он в палатке род шкафа, чтобы необходимые вещи были всегда под рукой. Вышел дом хоть куда!

Очень хотелось Робинзону завести какую-нибудь лампу для долгих вечеров, когда еще не хотелось спать. Он долго не мог придумать, из чего бы ее сделать?

Наконец, решил попытаться натопить жиру от коз, которых убивал время от времени для пропитания, и, слив этот жир в жестянку из-под какого-то товара, приладил к ней фитиль из обрывка рукава своей рубашки. Лампочка эта давала огонь довольно тусклый и чадила изрядно, но изобретатель и ей был рад. С корабля он привез несколько книг и, не разбираясь в том, насколько интересны они были, усердно читал по вечерам. Кроме того, он затеял вести записки о своей жизни на острове и писал до тех пор, пока не извел всю бывшую у него бумагу. Иногда находила на него тоска по людям, всякое дело валилось из рук, пропадала даже охота жить и, случалось, он плакал и рыдал, как безумный. Тогда он нарочно брался за самую утомительную работу и усталостью заглушал тоску. Да образовалась у него привычка думать вслух, т.-е. разговаривать самому с собой. А иногда вел долгие беседы с Дружком, а тот смотрел на него такими понимающими глазами, будто готов был ответить, да только не хотел.

Раз одно с первого взгляда маленькое происшествие глубоко взволновало Робинзона. Спускаясь как-то со своей горки, он увидел в тени ее какие-то молодые, ярко-зеленые стебли, которые

нежно напомнили ему что-то родное. Но он не обратил тогда на них большого внимания. Каково же было его изумление, когда спустя недели две стебли выкинули колоски, и он не мог не узнать в них родной ячмень, который сотни раз видывал дома.

Он был поражен сперва этим чудом! Как? У него есть ячмень? Откуда? Нигде на острове не росло ничего похожего. Потом, перебирая в памяти все бывшее, он вспомнил, что захватил с собой с корабля мешок с остатком ячменя, но тот оказался весь источенным мышами, и раз, когда мешочек понадобился на что-то другое, он вытряхнул шелуху около ограды. Значит, были и здоровые зерна, и они-то и дали всходы. Робинзон был так рад, что наглядеться не мог на колосья; проходя мимо, останавливался каждый раз и любовался ими. А ведь попади зерна немного дальше, то, вероятно, были бы сожжены солнцем. Здесь же они оказались на только что взрыхленной изготовлением забора земле и как раз в тени его.

Рис. 9. Робинзон находит колосья ячменя.

Когда месяца через полтора колосья налились и пожелтели, Робинзон бережно срезал и пересчитал их; всего оказалось 32 колоса.

— Это только начало! — сказал он себе. — Из каждого зернышка ведь снова будет колос, и из новых зерен опять то же. Было бы только терпение, а уж будет у меня хлебец!

И он вылущил все зерна и бережно высыпал их в мешочек. Сразу высевать их снова он не хотел, потому что стояла очень жаркая и сухая погода. К тому же надо было сперва приготовить поле. И старательно выбрав место, он очистил его от травы и вскопал как можно мягче: постелька была готова, можно было уложить туда зернышки, он стал ждать, чтоб дождь смочил землю.

Не думал Робинзон, какой вред причинит ему этот дождь.

Раз на прогулке, внезапно застала его непогода. Когда он выходил, было жарко и ясно, а тут вдруг полил такой дождь, какого Робинзон никогда и не видывал: капли были величиной с голубиное яйцо и следовали так быстро одна за другой, что, казалось, целые потоки воды падают на землю. Налетел ураган, ветер клонил деревья чуть не до земли, несколько раз огромные ветки или даже целые деревья валились с треском около Робин-

зона. Боясь быть раздавленным, он выбрался на лужайку и приник к земле, потому что стоять на ногах не было никакой возможности.

«Вот в такую же бурю погиб наш корабль! — думал он. — Не сладко мне и теперь лежать под дождем, мокрому до последней нитки, но скоро вернусь я к себе, обсушусь и согреюсь горячей пищей и буду в полной безопасности. Между тем, как тогда…» — и сердце сжималось у него при воспоминании о тех ужасных часах.

Он не знал, что и теперь грозит ему немалая неприятность. На следующее утро проснулся он с такою головной болью, что не мог двинуться, он дрожал от холода, несмотря на то, что покрылся всем, чем только мог, потом начался жар, словно огонь горел в его жилах; его мучила страшная жажда.

Сомнения быть не могло: он схватил тропическую лихорадку, от которой, он знал, погибает столько европейцев, переселившихся в южные страны.

На другой день стало легче, но Робинзон знал, что радоваться рано, потому что болезнь проявляется обыкновенно через день. Поэтому он спустился через силу к речке, сделал запас свежей воды и испек себе кусочек козлятины. Действи-

тельно, к ночи ему снова стало очень худо, он бредил, страшные видения преследовали его, порой сознание снова возвращалось к нему, хотелось пить, но едва хватало сил протянуть руку к сосуду с водой.

Неужели спасся он для того, чтобы одиноко погибнуть от мучительной болезни? Вот будет становиться все хуже и хуже и ниоткуда не явится ни малейшей помощи? Раз, в один из дней, когда болезнь несколько ослабела, ему вдруг вспомнилось, что, по словам матросов на корабле, хорошим средством от лихорадки считается настойка из табака. Так как этого добра было у него довольно, то Робинзон добрел кое-как до кладовой, налил рома в кружку и накрошил туда листового табаку. Через час он выпил это лекарство, едкое и горькое до того, что едва можно было проглотить его. Голова закружилась, он упал и немедленно крепко заснул. Никогда потом не мог он сообразить, сколько времени продолжался сон. Вообще в течение болезни он неясно сознавал время, и календарь его порядочно пострадал.

Но после приема лекарства болезнь, видимо, ослабела, приступы жара стали реже, силы начали понемногу возвращаться. Он почувствовал сильный голод, но не было ни мяса ни плодов,

приходилось довольствоваться остатками риса, взятого еще с корабля. Тут же дал он себе слово изобрести способ заготовлять впрок разные продукты, чтоб иметь пищу всегда под рукой. Как мечтал он о хлебе!

Как только силы настолько вернулись к нему, что он мог свободно держаться на ногах, он пошел взглянуть ша свое поле.

Шла полоса дождей, земля была сыра, как раз подходящее время для посева. И старательно, боясь уронить хоть бы зернышко, он в первый раз засеял свое поле.

Правда, величина его была такова, что стоило сделать три шага, чтоб пройти его из конца в конец, но ведь это было только начало!

В одной из книг, найденных на корабле, было описание климата Южной Америки, там нашел он очень полезную для себя таблицу времен года в тех местах, выписал ее крупными буквами и повесил на видном месте, чтобы всегда иметь перед глазами и сообразовывать с ней свою жизнь. Вот что гласила она:

> С половины февраля до половины апреля — дожди. С половины апреля до половины августа — засуха. С половины

августа до половины октября — дожди. С половины октября до половины февраля — засуха.

Итак, в году приходилось два сырых времени года и два сухих.

Робинзон помнил, что первое время его пребывания на острове дожди выпадали довольно часто, это соответствовало по таблице концу дождливого времени: с половины августа по половину октября. Теперь же шел следующий — с половины февраля по половину апреля.

Значит, прошло полгода с начала его пребывания на острове, записи календаря подтверждали это.

К следующим дождям он решил быть умнее, решил обильно запастись не только пищей, но и подходящей работой, чтобы время не пропадало даром. Это было обидно, потому что дела было довольно.

Вот, например, необходимо было попробовать наделать посуды из глины. О посуде он не подумал, забирая вещи с корабля, а ее у него пока не было, что было крайне неудобно. Как будет он делать запасы, если не во что класть? Часто хотелось супа, мяса было вволю, а сварить не в чем.

И как только позволили силы, Робинзон пошел на то место, где на скате горы давно уж заприметив подходящую глину. Но не так то просто оказалось что-нибудь вылепить из нее. Никогда в жизни не упражняясь в этом искусстве, Робинзон не знал, как взяться, и недалек был от ребенка, делающего пирожки из песку.

Посудины выходили у него такие неуклюжие, безобразные, что нередко с досады он тут же разбивал их кулаком. Иногда разваливались они от собственной тяжести, иногда трескались, когда бедный мастер выставлял их сушиться на солнце, уцелевшие же небольшие горшочки, даже хорошо, высушенные и твердые, как камень, начинали пропускать воду через несколько часов. О том же, чтобы варить в них пищу, нечего было и думать. Так продолжалось не день и не два, а больше месяца бился Робинзон, пока случай не помог ему. Как-то, разгребая угли костра, чтобы испечь в горячей золе клубни растения, вроде картофеля (их звали бататы, как он узнал впоследствии), он наткнулся случайно на черепок одного из разбившихся горшков. Черепок накалился докрасна, а когда остыл, то имел совершенно другой вид, чем остальная посуда: он затвердел, как камень, и блестел. Конечно, Робин-

зон слыхал, что глиняную посуду обжигают, но думал, что для этого нужны особые печи, теперь же решил попытаться обжечь свои произведения без долгих разговоров просто на костре. Надо было только сделать так, чтоб огонь продолжался долго и был, по возможности, одинаковым. Набрав хороший запас топлива, Робинзон составил один на другой пять горшков, внизу побольше, наверху поменьше, обложил дровами, хворостом и поджег костер.

По мере того как дрова прогорали, он подкидывал новые и продержал горение очень долго.

Почти всю ночь провел он у костра, только под утро одолел его сон. Проснувшись, он прежде всего кинулся к костру, нетерпеливо разгреб золу…

О, радость! Все горшки были целы; ни один не лопнул, вид их был гораздо красивее прежних. Дав совершенно остынуть, Робинзон с замиранием сердца налил в один из них воды: она не протекала нисколько! Никто не видел и некому было посмеяться на тот дикий танец, который с радости проделал Робинзон вокруг костра. Только Дружок, заразившись его весельем, с лаем скакал вокруг него.

— Погоди, Дружок, будет теперь и тебе плошка для воды, а то, я знаю, ты часто пить хочешь, а

на речку бежать далеко! — обещал счастливый хозяин. — Теперь мы с тобой заживем хорошо, Дружище! Сейчас сварим суп! Понимаешь — суп! Давненько мы его не едали?

И поставив на края двух камней самый большой горшок, Робинзон налил в него воды, положил кусок козлятины, несколько бататов, щепотку соли и осторожно развел под ним огонь.

Через несколько времени котел преисправно закипел, вода бурлила, как дома, вкусный пар подымался столбом. И собака, и хозяин остались очень довольны обедом и опустошили дочиста весь котел.

Робинзон был в таком восторге от своего изобретения, что все последующие дни только и делал, что лепил самую разнообразную посуду. Изредка бывали неудачи и посуда лопалась, но все-таки хозяйство его обогатилось чрезвычайно.

VII
«ДАЧА» РОБИНЗОНА. ГОДОВЩИНА НА ОСТРОВЕ

Когда силы Робинзона восстановились окончательно, он решил подробно осмотреть остров, или, по крайней мере, ближайшую его часть, потому что, как он убедился во время беглого осмотра с горы, остров все же был настолько велик, что надо было не один день, чтоб обойти его.

Прежде всего он пошел к той бухточке, куда причаливал свои плоты. В нее впадала узкая речка, и он пошел вверх по ее течению. По низким берегам тянулись ровной гладью луга с густой, мягкой травой, дальше они постепенно переходили в возвышенность. Тут рос в изобилии табак, роскошный, с высокими и сочными стеблями.

Было множество и других растении, названий которых он не знал. По наслышке, он вспоминал, что есть растение, называемое кассова, из корней которого индейцы делают хлеб, и очень хотел найти его, но это было невозможно, не зная его

с виду. Зато, по мере того как возвышенность покрывалась лесом, начал он встречать и знакомые плоды. На склоне, небольшой прогалины он вдруг увидел на земле круглые и продолговатые, большие, желтые дыни, как он убедился, разрезав и отведав одну. Такой завтрак пришелся по вкусу, но пройдя немного дальше в лес, он просто замер от восторга: деревья были увиты виноградными лозами и отовсюду красиво свешивались совершенно спелые гроздья винограда.

Только боязнь захворать умерила несколько аппетит Робинзона. Тут пришло ему в голову, что хорошо бы наделать изюма из винограда, и, таким образом, во-первых, сохранить его впрок, а во-вторых, сделать питательное и вкусное лакомство. Он решил в ближайшее же время заняться этим. Местность кругом становилась все прекраснее, светлый ручей протекал тут, все цвело и благоухало, казалось, что это роскошный, на-диво разведенный сад. Робинзону было и радостно и грустно смотреть на него.

«Скольким людям можно бы здесь жить счастливо и привольно! — думал он. — Я здесь полный хозяин, все это мое, я стал так богат, что невозможно даже оценить мое богатство, а что за радость мне в нем? Я бы предпочел сотую долю

всего этого, лишь бы разделить остальное с другими людьми!»

До вечера гулял и наслаждался Робинзон, темнота захватила его, он влез на дерево и заночевал тут. На другой день, набрав в бывший с ним мешок винограда и не совсем еще вызревших лимонов, которые тоже росли тут, он отправился домой. Предварительно много кистей винограда он срезал и развесил на кончиках ветвей, на самом припеке.

Виноград же, принесенный с собой, весь погиб: ягоды были так спелы и сочны, что все передавились и стали почти несъедобны, только лимонам не сделалось ничего.

Местность так очаровала Робинзона, что сгоряча он решил переселиться, туда совсем.

— Самое некрасивое место выбрал я для своего жилья! — говорил он себе. — Голые скалы надо мной, а деревья вокруг не приносят никаких плодов. То ли дело там! Глаз радуется, и стоит протянуть руку, чтоб иметь, прекраснейшие плоды! — Но, поразмыслив хорошенько, он увидел, что, пожалуй, преимущества на стороне прежнего места.

Во — первых, там не видно моря ниоткуда, он был бы там совершенно отгорожен от внешнего

мира, дикари могли бы притти и овладеть им, непредвиденно и неожиданно. А, потом укрепить свое жилище там нечем, да не было и крепкой пещеры, в которой можно бы укрыться, если непогода разрушит палатку.

И Робинзон решил устроить в лесу только «дачу», как он прозвал ее шутя про себя. Он разбил прочный шалаш, обгородил его наглухо высоким частоколом, и снова в два ряда, промежуток между которыми закидал хворостом; для входа была приставная лесенка. В шалаше устроил он кровать, стол, стул и шкафик для хранения провизии.

— Каков! — восхищался он, посмеиваясь. — Вот так богач! Теперь у меня есть и дом и дача, и я могу жить, где захочу!

И он, часто по несколько дней проводил на новоселье, Виноград, между тем, высох и превратился в превосходный изюм. С тех пор это лакомство не переводилось у Робинзона, он делал большие запасы его, и не раз пригождалось оно ему чрезвычайно.

Посев ячменя тем временем рос и вызревал на славу и обещал прекрасный урожай.

Когда пришло время, Робинзон бережно собрал его и когда, очистив зерна, смерил их, то получил

двадцать пять таких мешочков, каких высеял один, т.-е. урожай был сам-двадцать пят. Все же нечего было и думать еще употреблять ячмень в пищу, необходимо было засеять его снова в подходящее время.

Наблюдая окружающую его природу, Робинзон заметил, что плоды и зерна вызревали к полосе дождей. Таким образом, природа делала свой посев как раз перед дождями. Ее примеру решил следовать и Робинзон. Спешно начал он увеличивать свое поле и старался разработать его как можно лучше, а затем своевременно снова засеял его.

Кроме этой работы, он был озабочен изготовлением запасов пищи на время приближающейся непогоды.

Почти ежедневно ходил он на охоту и так как никогда не возвращался с пустыми руками, то мяса у него было в изобилии. Он научился его сушить впрок, разрезая на тонкие куски и вывешивая их на припек. Солнце было так жгуче, что мясо не гнило, а высыхало и могло потом сохраняться долгое время.

Но вот и снова пошли дожди. Этот раз Робинзон ждал их, и они не захватили его врасплох. Дела было довольно и теперь, и скучать было некогда.

Во-первых, он взялся снова расширять свою пещеру. Имущество его все увеличивалось, запасы требовали кладовой, и поневоле приходилось давать им место. Землю по-прежнему сносил он и укладывал вдоль ограды. Во-вторых, случай натолкнул его на новую работу, сослужившую ему хорошую службу.

Устраивая свою «дачу», он пользовался для ограды деревцами с очень гибкими и тонкими ветвями, вроде нашей ивы. Это навело его на мысль делать из них корзины. Когда-то, еще в детстве, был у него приятель — старый корзинщик; в те времена ему очень нравилось бывать у него, следить за его работой и тоже мастерить под его наблюдением маленькие корзиночки. Кто бы мог подумать тогда, в каких необыкновенных обстоятельствах пригодится ему эта наука! Но всякое знание дает неизбежно в свое время свой плод, и теперь Робинзон был очень рад, что понимал, как взяться за дело.

Нельзя сказать, чтоб корзины выходили очень красивыми, но они были достаточно плотны и удобны для употребления. И Робинзон наделал их всяких: и больших, спинных, вроде ранца, для охоты и сбора плодов, и очень плотных для хранения зерна, и плоских — для хранения плодов,

и много еще каких.

Приближалась годовщина его пребывания на острове, записи календаря подтверждали это. В глубокой задумчивости долго сидел Робинзон в этот день и смотрел на уходящие в бесконечную даль ряды морских волн, пустынных до самого горизонта. Как многое переменилось за этот год! Несчастный, потерянный, бесприютный бродил он здесь. Он один и теперь, но у него есть удобное и безопасное жилье, вволю вкусной и здоровой пищи, всего этого добился он сам, своими рукам и головой, и можно надеяться, что дальше будет не хуже, а лучше.

Даже товарищ у него есть, хоть и бессловесный; преданный взгляд Дружка часто утешал его. Если бы только иметь человека, как счастлив бы он был, как тяжело было все-таки нести одиночество!

Но Робинзон не позволял себе тосковать и всегда старался отвлечь себя работой. Да раз придумал себе забаву: на острове во множестве водились попугаи самых разнообразных цветов и величин. Робинзон знал, что попугая можно научить говорить, и решил сделать это, чтоб хотя от птицы слышать человеческую речь.

Раз удалось ему подшибить крыло маленькому

зеленому, с красным хвостом, попугайчику. Тот яростно защищался крепким клювом и сердито шипел, но Робинзон все же принес его домой и засадил в уже приготовленную из прутьев большую клетку. Скоро попугайчик стал ручным, но пока еще молчал, хоть хозяин и твердил ему терпеливо несколько раз на дню несколько слов. Прозвал он его «Поль».

Рис. 10. Робинзон учит попугая говорить.

VIII
ХЛЕБ. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ. ОСМОТР ОСТРОВА

Так и шла жизнь Робинзона на острове. Все расширялось его хозяйство, все больше требовало оно внимания и изобретательности.

Одним из главных дел считал он свое поле, которое сильно увеличивалось раз от разу. Но вот ему-то вдруг и стала угрожать большая опасность.

Однажды, радуясь на всходы, которые обещали дать обильный урожай, Робинзон вдруг заметил, что поле опустошается какими-то врагами. Проследив, спрятавшись в засаду, несколько дней, он убедился, что нежные стебельки очень пришлись по вкусу козам и каким-то небольшим зверькам вроде зайцев. Против этого было одно средство: огородить все поле. Труд, был нелегкий, но иного ничего не оставалось, кроме того приходилось очень спешить, пока не испорчено было слишком много.

Три недели проработал Робинзон. Днем зверье не смело приближаться при нем, ночью же он

привязывал к ограде Дружка, который лаял всю ночь напролет. Зато хлеб начал быстро расти и снова выкинул колос. Но тут пришла новая беда: целые стаи всевозможных птиц начали кружиться над полем. Это серьезно обеспокоило хозяина.

Он взял раз ружье, зарядил его дробью и выстрелил по непрошеным гостям. Кроме кружившихся над полем, тут же поднялась с земли другая стая птиц, сидевших в ячмене.

— Плохо дело! — сказал себе Робинзон. — Еще несколько таких дней, и я останусь без хлеба!

Надо было отстоять урожай во что бы то ни стало, и Робинзон решил сторожить поле хоть день и ночь. Чтоб подстеречь воров, он спрятался в кустах и мог убедиться в том, что как только птицы решили, что хозяин ушел, так стали опускаться опять целыми тучами. Тут он не выдержал, выскочил из засады и начал стрельбу. Птицы улетели, оставив несколько убитых.

Робинзону пришло в голову подвесить трупы за лапки на шесты по краям поля.

Успех был полный. За все время, пока дозревал хлеб, птицы не только не садились на него, но даже улетели совсем из этой части острова.

Тогда, наконец, Робинзон мог благополучно взяться за уборку урожая. Теперь уже колосьев

было столько, что срезать каждый отдельно было затруднительно, — но ни косы ни серпа у него, конечно, не было. Пораскинув умом и пошарив в своей кладовой, он соорудил что-то вроде косы из широкой сабли, захваченной на всякий случай с корабля. Срезал он одни колосья, солома была ему не нужна, и складывал их в большие корзины, которые потом перетаскал к себе в кладовую.

Теперь решил он себе позволить радость — испечь немного хлеба. Но сперва надо было подумать, как это сделать? как сделать муку? как ее просеять? где испечь хлеб? Целый ряд трудностей! Но Робинзон не унывал: он уж убедился, как много можно сделать при желании, а препятствия теперь даже возбуждали в нем какой-то задор. Ах, трудно? тем лучше! — и он словно вызывал препятствие на единоборство и побеждал его. Так и теперь он задал себе на урок, — придумать, как сделать муку? Мельницу делать было слишком трудно, оставалось — ступку. Но из чего? Не из камня ли? Но под руками был либо песчаник, настолько рыхлый, что при толчении зерна песок непременно попадал бы в муку, либо камень вроде гранита, с которым он ничего не мог поделать без инструментов. Оставалось сделать ступку из дерева.

Робинзон приглядел в лесу колоду очень твердой породы. Он обтесал ее снаружи топором, чтобы придать большую легкость и правильность формы, а потом частью выдолбил, частью выжег внутри. Пестик обтесал и потом сгладил из так называемого железного дерева.

А сито из чего? Долго ему казалось, что тут уже ничего не придумаешь? Наконец, он вспомнил, что где-то засунуты у него несколько шейных матросских платков из грубой кисеи. Вот и сито готово, стоило только натянуть на обод. Теперь очередь была за печью. С тех пор как Робинзон научился обжигать глину, он сделал себе род очага из больших выжженных кирпичей. Теперь он приготовил несколько сосудов, — вроде больших блюд с прямыми и довольно высокими стенками. Никогда не задумывался он на родине, что кусок хлеба, который он привычно отправлял в рот, брал столько труда и проходил через столько превращений.

Наконец, наступил торжественный момент: часть зерна была истолчена, просеяна, и у него в руках была мука.

Робинзон замесил тесто, наделал небольших, круглых булочек. На очаге уже горел хороший огонь. Когда он прогорел, надо было отгрести

угли, положить булочки на очаг, прикрыть блюдом и засыпать сверху жаром. Робинзон смеялся от радости, когда через несколько времени снял блюдо и увидел румяные, аппетитные хлебцы. Как напомнили они ему родину! Когда на его столе впервые был положен хлеб, шалаш его стал словно похожим на родной дом. Вот уж подлинно был это хлеб, добытый трудами рук своих, и он ел заработанное им! И вкусен же он ему показался, вкуснее не едал он никогда в жизни. В честь такого события он сделал торжественный обед, сбегал за фруктами, сварил суп из черепахи и устроил пир для себя. Дружка и Поля.

Хлеб все одобрили, всем пришелся он по вкусу.

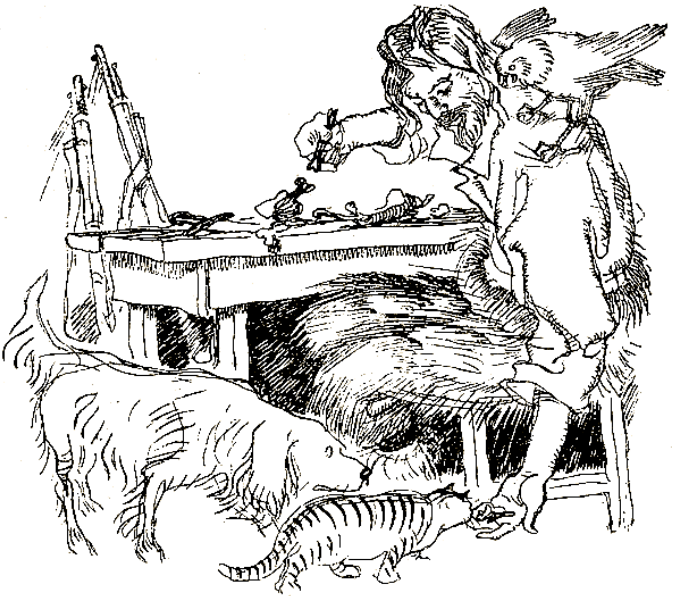


Рис. 11. Робинзон обедает в кругу своей семьи.

Шел уж третий год его пребывания на острове, и приобретение хлеба было одним из важнейших дел его жизни здесь.

Казалась, никакая опасность не грозила Робинзону в его налаженной жизни, в безопасном и удобном жилище. Но никто не знает завтрашнего дня. Мирно трудился Робинзон на другой день,

очищая зерна во дворике своей усадьбы, как вдруг был испуган страшным треском. Внезапно, без всякой видимой причины, обрушились деревянные подпорки, устроенные им в кладовой для предохранения осыпания потолка. Робинзон вскочил на ноги, ожидая, чем кончится обвал.

Вдруг с ужасом он почувствовал, что земля колеблется под ним, словно он стоит на палубе корабля.

— Землетрясение! — мелькнуло у него в голове. Дружок с визгом бросился ему в ноги. Вот-вот обрушится скала и раздавит их, как червяков. Он бросился к лестнице, перетащил собаку, и вмиг был уж на морском берегу. Ветра не было, но по морю ходили огромные, беспорядочные валы, из леса доносился испуганный птичий крик. Куда бежать?

Три толчка, один за другим, свалили его с ног.

Он видел, как от одной скалы, нависшей над морем, с грохотом откололась вершина и обрушилась в воду.

Робинзон слыхивал про землетрясения, но никогда не испытывал их и теперь был подавлен страхом и тягостным чувством совершенной беспомощности. Он почти лишился чувств от головокружения. Страшная мысль привела его

в себя.

А что если обвалами совершенно уничтожена его пещера и завалены его вещи? Что если похоронены его оружие, провизия, его хлеб?.. Он не решался встать и попробовать проникнуть домой, он не знал, что предпринять. Между тем, совершенно черные тучи заволокли небо, потемнело, как ночью, разразилась страшная гроза. Море, казалось, готово было хлынуть на берег и затопить все. Картина была так страшна, что Робинзон невольно закрыл глаза и заткнул уши руками, ему казалось, что пришел конец, и он умирает. Хлынувший дождь привел его несколько в себя. Дружок жался к нему, весь дрожа. Надо было куда-нибудь укрыться, колебания земли прекратились. Робинзон, как мог, поспешно взобрался на свою горку и проник во двор. Он не стал разглядывать следов разрушенья, пещера была цела, он бросился туда, как загнанный зверь, и упал на матрас в углу, спрятав лицо руками.

Его охватило полнейшее равнодушие, он лежал в каком-то забытьи. Иногда приходило в голову, что новый толчок мог бы обрушить камни над его головой, но не было ни силы, ни охоты двинуться. Смерть так смерть, будь, что будет, ему все равно…

Мало-по-малу буря утихла, стал слышен только ровный шум дождя, под этот звук Робинзон незаметно крепко уснул. Когда он проснулся утром, солнце было уж высоко и мирно сияло, как ни в чем не бывало. Робинзон бросился осматривать свои владения. В кладовой передние подпорки были сломаны, и вход с одной стороны засыпан землей, но дальше, по-видимому, все было цело, только вещи силой толчка сброшены на землю и лежали беспорядочной кучей. Палатка была расшатана бурей и несколько полотнищ оторвано, дверь была размыта ливнем и несколько кольев ограды подмыто водой. Все это были пустяки, но вставал важный вопрос: если остров подвержен землетрясениям, то не опасно ли жить в гористой части его? Не лучше ли перенести свое жилище в долину? Но как укрепиться там? Каких огромных и тяжелых трудов будет, стоить снова устройство ограды, палатки, кладовой? Да и как сделать их такими прочными и надежными, как его пещера? Но, с другой стороны, какая ужасная смерть — быть раздавленным в своем жилище… Несколько дней, чиня и поправляя беды, наделанные бурей, все думал он о том же, прикидывая и так и этак, по ночам то и дело просыпался в испуге, прислушиваясь к тому, что делалось снаружи. Но все

было тихо, в природе шла обычная жизнь.

Понемногу Робинзон успокаивался и наконец махнул рукой: будь, что будет! Не погиб же он этот раз! Может быть, землетрясение и не повторится больше, а слишком многого он лишался, покинув свое жилище, такое удобное, уже любимое и стоившее ему таких трудов. И он ограничился тем, что привел все у себя в полнейший порядок и снова взялся за работу.

Один убыток, сначала в страхе незамеченный, нанесла ему буря: пропал бесследно попугай Поль. По всей вероятности, напуганный землетрясением, он улетел в лес, а потом не захотел возвращаться. Робинзон очень пожалел милую птицу, ставшую уже такой ручной, что можно было ее свободно пускать летать, бравшую корм из рук и любившую сидеть на его плече.

Раз возвращался он с охоты домой, задумчиво шел он один, даже Дружка не было с ним, и вдруг совершенно отчетливо услышал голос, сказавший над ним:

— Бедный Робинзон!

Он так вздрогнул, что ружье выпало из его рук.

Растерянно оглянулся он кругом, думая, что ему почудилось. И вдруг снова услышал: «Бедный Робинзон!» — и с дерева слетел Поль, уселся на

его плечо и, прижимаясь ласково головкой к его щеке, все повторял:

— Бедный, бедный Робинзон!

Раньше он не говорил ни слова, а теперь, после разлуки, вероятно, от радости, он вдруг вспомнил старые уроки. Робинзон был вне себя от восторга: он целовал Поля в зеленую головку, гладил по спинке и наслушаться не мог его искусства; так отрадно было после стольких лег слышать человеческую речь, даже от птицы. Конечно, Поль был водворен на старое место и с тех пор стал делать быстрые успехи, так что учитель нахвалиться не мог понятливым учеником.

Каждый вечер, возвращаясь домой, Робинзон уж знал, что будет встречен картавым голоском:

— Где ты был, бедный друг? Ты устал, Робинзон?

А у него и действительно это время прибавилась новая работа: все платье его пришло в полную ветхость. Как ни чинил он его, как ни затягивал он дыр, все расползалось снова. Оставалось только несколько рубашек, захваченных с корабля.

Конечно, климат бы позволил ходить и совсем без одежды, но Робинзону этого не хотелось по многим причинам.

Во-первых, ему неприятно было видеть себя голым: это слишком уподобляло бы его дикарю. Во-вторых, без одежды его тело стало бы беззащитно перед укусами москитов, которых в некоторые времена года бывало очень много, и, в-третьих, одежда служила защитой от жгучих солнечных лучей. Несколько раз уж платился Робинзон ожогами до пузырей, когда случайно попадал на солнце раздетый.

Шапка нужна была прежде всего, с открытой головой на солнце нельзя было выходить.

Но из чего сделать все нужные вещи? Ведь нечего было и думать самому выделать какую-нибудь ткань. Обувь тоже давно вся износилась, и он приладил себе род сандалий из кожи козы, чтобы защитить ступни от порезов. Не сделать ли и все остальное из козьих шкурок? Их было запасено довольно, Робинзон, охотясь на коз, жалел выбрасывать шкурки и, очистив от мяса, высушивал на солнце. Сперва они выходили слишком жесткими, но потом он выучился убирать их во-время, разминать руками, слегка смазывать жиром, и шкурки стали очень хороши. Этого материала было довольно у него под руками, и Робинзон взялся за работу.

Начал с шапки, которую сделал высоким кол-

паком, мехом наружу. Нельзя сказать, чтоб она вышла очень красивой, но голову и шею защищала отлично от солнечных лучей. Потруднее было сделать штаны и куртку. Никогда в жизни не занимался он шитьем и долго не понимал, какой формы надо выкроить кусок, чтоб получилось подобие одежды. Наконец, сшил что-то вроде мешка, с разрезом посредине — вместо куртки; из другого мешка, прошитого вдоль — штаны. Их он сделал до колен, да и куртку короткую, потому что от холода защиты не требовалось. Работа была скучная и кропотливая, сидеть согнувшись подолгу надоедало и было утомительно, и Робинзон был рад-радешенек, когда все-таки довел дело до конца и мог нарядиться в новый костюм. От солнца он защищал его отлично, самый сильный дождь тоже должен был стекать по нему, не промачивая нисколько, одежда была хоть куда! Хоть бы полюбоваться на себя! Интересно видеть себя таким франтом. Он пошел к своей бухточке, дело шло к вечеру, и вода была гладка, как зеркало. Это-то и было на руку Робинзону. Он забрался на камень, наклонился и долго любовался на свое отражение.

— Ай да красавец! Вот хорош! Не то зверь, не то человек! Люди, пожалуй, и не признали бы

своего брата!

Как никак, а опасность остаться без одежды совершенно миновала.

Для отдыха задумал Робинзон предпринять большую прогулку, пройти весь остров поперек и выйти на морской берег с противоположной стороны. Давно любопытно ему было посмотреть — что же там? С горы он видел только смутные очертания берега: все-таки было слишком далеко, чтоб разобрать что-нибудь.

И вот он начал приготовляться к пути: в семенную корзину наложил своих любимых булочек, изюму, немного сушеного мяса на всякий случай. Ружье было с собой, так что дичи всегда можно было покушать сколько угодно. Прихватил топорик, хороший запас дроби, пуль и пороха, и на другой день, рано утром, чтоб пройти часть пути до зноя, кликнул Дружка и вышел из своего дома.

По знакомой уж дороге, не спеша, любуясь на окрестности, добрался он к вечеру до своей «дачи». Давно не приходилось ему бывать здесь, последний раз он собирал тут виноград перед дождями, а теперь они уж недавно миновали, и в природе была словно весна: распускались новые цветы, все было свежо и благоуханно. Ка-

ково же было его удивление, когда он подошел к своему шалашу: ограда его, сделанная из кольев, вся проросла, пустила молодые, тонкие веточки сверху, и теперь это уж были не мертвые колья, а ряд тесно насаженных деревцов. Робинзон видел, что когда они разрастутся еще, то сделают ограду окончательно непроходимой, да к тому же будут давать приятную тень. Так что он остался очень доволен работой природы. Даже для того, чтобы проникнуть в шалаш самому, ему пришлось прорубить промежуток.

Переночевав в шалаше, рано утром Робинзон пошел дальше. Он помнил направление, которого должен был держаться, чтоб выйти на берег и, действительно, через несколько времени услышал шум морского прибоя, а там, сквозь ветви деревьев, блеснули скоро синие воды моря, и он увидел его безбрежный простор. Нет, не безбрежный! — воздух был еще по утреннему чист и прозрачен, и Робинзон внезапно увидел на горизонте темную полоску земли.

У него даже ноги задрожали от волнения и без сил опустился он на песок. Пристально стал он вглядываться, ему казалось, что глаза обманули его и темная полоска померещилась на мгновение. Но нет, она все там же, совершенно ясно

видит он ее далекие очертания! Миль сорок было до нее, если не больше, но все-таки, значит, есть земля вблизи, а на ней люди. Но почему же никто не приезжал никогда на его остров? Почему на всей морской глади не видно ни одного паруса? Может быть, это такой же пустынный остров, как его, необитаемый ни одним человеком? Ведь если б это были владения европейцев, какая-нибудь испанская колония, то не может быть, чтоб за столько лет ни один корабль не показался в его водах, ни один человек не высадился на его берег. Нет, скорее это часть караибского побережья Южной Америки, обитаемая дикарями-людоедами, и тогда, наоборот, счастье для него, что они не приезжают сюда. Ничего нельзя было узнать!

Совсем взволнованный, решил он продолжать свое путешествие. Какие-то еще неожиданности найдет он на своем острове?

И он пошел дальше. Все подтверждало его мысль, что для своего поселения он выбрал, нечаянно, самую некрасивую часть острова. Здесь тянулись все время чудные леса, роскошные луга спускались пологими скатами к светлым ручьям, вытекавшим, вероятно, из гористой части острова, до которой он еще не дошел. Весеннее время года еще более скрашивало все множеством пест-

рых цветов, придавая местности волшебный по красоте вид.

Новые животные попадались ему: небольшие хищники, вроде лисиц, не раз любопытно выглядывали на него блестящими глазами из-под кустов, и только приближение Дружка заставляло их удаляться, злобно щелкая зубами. Робинзон не стал стрелять в них: в пищу они не годились, а убивать бесцельно он не хотел.

На лугах спугивал он во множестве зайцев или каких-то сородичей их, множество птиц, всевозможных пород и величин, кружилось и летало вокруг, воздух был полон их пением и щебетанием. Соперничая с ними в красоте, огромные бабочки вились над цветами, сами похожие на цветы. Робинзон не знал, куда и глядеть.

Не спеша, подвигался он вперед, кружил, возвращался, чтоб снова полюбоваться понравившимся местом. Когда уставал, выбирал хорошее местечко, разводил костер и жарил на углях дичь, которую успевал подстрелить к тому времени. К вечеру он всегда сильно уставал, спал либо на дереве, или устраивал на скорую руку ограду из кольев: он втыкал их один около другого от дерева до дерева, а так как крупных хищников на острове, видимо, не водилось, то эта охрана была

достаточна, и ни разу не один зверь не потревожил путника.

Через несколько дней Робинзон снова вышел на новую часть морского берега. Местность тут была скалистая, и каменные уступы круто обрывались в воду.

Прежде всего Робинзон стал пристально смотреть вдаль, но как ни напрягал он зрения, кроме рядов уходящих волн, ничего не было видно. Зато на берегу кипела жизнь. Уродливые черепахи, словно круглые камни, грелись на солнце на пологих местах, а все скалы кишели птицами. Когда Робинзон попробовал раз выстрелить, поднялись целые тучи их с оглушительным криком. Тут были еще невиданные им породы пингвинов, он знал, что они вьют гнезда в расселинах скал. Действительно, поднявшись на некоторую высоту, он нашел эти гнезда во множестве. Видимо, был период носки яиц, потому что в каждом гнезде было по несколько штук, и Робинзон набил ими карманы. На вкус они очень понравились ему, и ужин вышел хоть куда.

Дальше тянулись горы, среди которых далеко выступала одна вершина. Уж издали заметил Робинзон стада коз, ловко пробирающихся по скалистым высотам. Они прыгали через провалы

и с большой быстротой исчезали, когда он хотел приблизиться к ним.

Но стрелять в них и не входило в его расчеты, потому что нести с собой такую крупную дичь было затруднительно, да и незачем, потому что пищи и так было изобилие.

Наконец, Робинзон нашел, что пора возвращаться. Он воткнул на берегу высокий шест, чтобы заметить место, и решил в следующей раз притти туда с другой стороны, а теперь попробовать вернуться другой дорогой.

«Остров так невелик, что заблудиться на нем нельзя! — думал он. — В крайнем случае, взберусь на горку и посмотрю, куда итти».

Но вышло не совсем так. Отойдя от берега на некоторое расстояние, он незаметно спустился в широкую котловину, которую так тесно обступали со всех сторон холмы, густо поросшие лесом, что он быстро сбился с пути. День был пасмурный, так что по солнцу невозможно было определить направление, и он проплутал до ночи. На утро выбрался кое-как снова к морю, к поставленному им шесту и оттуда уже пошел домой старой дорогой.

Один раз, когда уже недалеко было до «дачи», Дружок спугнул в лесу козленка, принялся гонять

его, наконец, настиг, но тут Робинзону удалось отнять его у собаки. Бедное животное было чуть живо от усталости и испуга, Робинзону на руках пришлось донести его до дворика «дачи», куда он его и спустил. Нести до дома было слишком тяжело, и налив ему большую глиняную чашку воды и бросив вдобавок охапку травы. Робинзон оставил гостя одного, с намерением проведать вскоре. Давно уж хотелось ему приручить козочку, теперь случай как раз помог исполнить это. Вот бы хорошо завести не одну, или две, а целое стадо коз! Как бы это было удобно!

Так мечтал Робинзон, а сам спешил домой: его очень тянуло на старое место, где он не был уже более недели. Радостно увидел он снова знакомые картины — склон горы, чащу, скрывавшую его пещеру, ручеек внизу.

Трудно выразить, с каким чувством удовольствия и покоя очутился он дома. Ему казалось, что лучше и удобнее жилища не может и быть.

И как милы ему были все вещи, вышедшие из его рук, которые окружали его как друзья. Он осмотрел все, поздоровался с Полем, который тоже не знал, как и выразить свою радость, и кричал на все лады: «Где ты был, Робинзон? Милый друг, где ты был?» — прижимаясь, по своей

привычке, головкой к его щеке. Потом приготовил вкусный ужин себе и своим друзьям и с наслаждением протянулся на мягкой постели.

Дня три отъедался и отдыхал Робинзон, потом пошел навестить козленка, боясь за его участь.

— Уж верно он выпил всю воду и съел всю траву во дворике! — сказал он Дружку. — Пойдем же поглядим на нашего пленника и постараемся привести его домой!

Еще издали услышал он неумолчное жалобное блеяние, козленку действительно приходилось плохо.

Прежде всего Робинзон перебросил ему свежей травы, потом вошел сам во двор. От голода бедное животное так присмирело, что, когда Робинзон протянул ему пучок колосьев ячменя, нарочно захваченных с собой, оно стало есть их прямо из рук. На всякий случай Робинзон сделал козленку ошейник, чтобы вести домой, но он, в сущности, и не понадобился, потому что тот сам бежал сзади, как собачка. Дома Робинзон сложил наскоро в углу двора навес из ветвей и поселил там нового члена семьи. Снова вошла в уже налаженную колею жизнь Робинзона. Он становился спокойнее, те припадки отчаяния, которые бывали у него раньше, почти прошли. Случалось прежде, что,

взглянув на безлюдные леса, пустынное море, он вдруг начинал рыдать, как безумный, или бросал всю работу и часами сидел в тоске. Теперь все больше успокаивала его работа среди ручных животных, поля, возделанного его руками, дома, где каждая вещь стоила ему больших трудов.

Свой день распределил он правильно, отведя каждому делу свое время. Вставал очень рано, с восходом солнца, чтоб захватить прохладные утренние часы, и шел на охоту. Вернувшись, занимался стряпней и изготовлением различных запасов для дождливого времени года. Потом наступали самые знойные часы, когда нестерпимо было оставаться не под крышей. Тогда уходил он в пещеру, где всегда сохранялась некоторая свежесть, и отдыхал там. Вечерние часы шли на разные работы около дома — обработку поля или уборку хлеба, или столярничество. На закате любил он сидеть над морем и, любуясь на закат, размышлять о разных вещах — вспоминал прежнее, сожалел о потерянных годах, когда он мог бы многому научиться еще будучи дома, думал о своей теперешней жизни, строил планы на будущее. Одиночество, тишина и труд делали из него постепенно другого человека.

Ему казалось, что попади он снова домой, он

стал бы жить совсем иначе, был бы всегда справедлив к людям и научил бы их работать. Иногда перечитывал он снова бывшие у него книги и находил в них новые мысли, незамеченные прежде.

Днем, на работе, он был всегда терпелив и настойчив, потому что только таким путем можно было добиться успеха. Например, для столярничества у него почти не было инструментов, и всякая поделка брала очень много времени и сил. Когда ему понадобилась широкая и длинная доска для кладовой, то пришлось работать над ней целый месяц: сперва выбрать и срубить толстое дерево, потом обрубить все ветки, чтоб превратить его в бревно. Потом долго пришлось его обтесывать с одной стороны, а потом с другой, чтоб удалить лишнее и сделать мало-по-малу доску. Для двоих пильщиков с пилой на это дело понадобился бы едва ли целый день, для него же — несравненно больше. Но уж такой выработался у него нрав, что когда он видел, что какая-нибудь вещь ему нужна, то не отставал от своей затеи до тех пор, пока не добивался успеха.

IX
ЛОДКА. УТОПЛЕННИК. ОПАСНАЯ ПРОГУЛКА

Прошло еще целых пять лет, а всего с приезда на остров — почти восемь. Жизнь шла тихо и мирно, работы всегда было довольно, она всегда была разнообразна и интересна для Робинзона. Главные были — охота, посев и уборка хлеба и заготовление изюма.

Теперь уж он знал, какое количество продуктов ему нужно для жизни, и поэтому перестал расширять поле и винограда собирал не больше, чем надо. Но по мере того как жизнь становилась все легче, новое беспокойство овладело Робинзоном и чуть не привело его к гибели. Мысль о незнакомой земле, видневшейся вдали, не оставляла его и не раз ходил он на тот берег и подолгу смотрел, спрашивая себя:

— Что там? Кто живет, друзья или враги?

Наконец, он решил сделать себе лодку.

«Мало ли на что может она пригодиться? — думал он, — буду кататься, вот и все!»

Робинзон понимал, что переплыть в маленькой

лодке, какую только и мог он сделать, большое пространство открытого моря, которое отделяло его от незнакомой земли, вещь невозможная, но все-таки его неудержимо тянуло иметь что-нибудь для передвижения.

И вот, наконец, он вооружился самым большим топором и пошел в лес. Сделать лодку европейского образца нечего было и думать за неимением досок и нужных инструментов, оставалось попробовать выдолбить лодку из цельного дерева, как это делают дикари. Значит, прежде всего нужно было выбрать толстый и ровный ствол.

Давно уж заприметил Робинзон в лесу, недалеко от бухты, великолепный кедр, прямой как мачта; внизу он был по крайней мере аршина два в поперечнике. Его и обрек Робинзон для своей лодки. Жаль было рубить такого красавца, но кедровое дерево одно из лучших для этой цели, значит, нечего было и думать больше.

Но не легко было одолеть его. Десять дней рубил Робинзон, обходя дерево то с одной стороны, то с другой; наконец, оно рухнуло с шумом, все ломая и сокрушая на пути. Теперь приходилось рубить второй раз, отделяя кусок ствола нужной величины от остального дерева, на это тоже пошло не мало времени. Но торопиться было

некуда и ежедневно по несколько часов работал неугомонный плотник около своего великана, похожий на трудолюбивого муравья.

Следующей задачей было обтесать дерево снаружи, придать ему форму лодки и вытесать киль, иначе лодка не могла бы правильно держаться на воде. Очень важно было суметь равномерно расширить бока, чтоб не была она крива; трудностей было много. Не отставая, не смущаясь неудачами, тесал да тесал ее Робинзон, подстругивая, разглаживая, каждый день уходя домой с сознанием, что хоть маленький шаг вперед, да сделан.

Только в дождливое время бывали дни, когда непогода удерживала его дома, потому что он помнил, как опасно мокнуть под дождем. Отделав снаружи, начал огнем и стамеской делать внутреннее углубление.

Уж второй год пошел с того дня, когда простился с жизнью огромный кедр, наконец, лодка была готова.

Не раз обошел ее и оглядел до мелочей Робинзон: кажется, все было в исправности — оставалось плыть!

Но не так-то просто было это сделать — до берега было не ближе нескольких десятков саженей. Протащить все это расстояние лодку посуху было,

очевидно, невозможно, оставалось воду подвести к лодке.

И, не смущаясь, принялся Робинзон рыть канал от бухточки к лесу. На счастье грунт был сравнительно легкий, частью песчаный, и ему не приходилось наталкиваться на непреодолимые препятствия, вроде гранитных глыб. Терпение превозмогло и тут, и мало-по-малу светлая полоска узенького канала протянулась дорожкой до самой лодки.

Сделав катки из кусков дерева, Робинзон с большими усилиями вдвинул на них лодку и потом скатил в канал. И вот лодочка закачалась на воде! Пара весел была уж приготовлена давно, Робинзон вскочил в свое сооружение и, упираясь в берега, вывел лодочку в бухту. Как ровно и хорошо держалась она на воде! Как красиво покачивалась! Как радостно было чувствовать свою победу и видеть, что все-таки, в конце-концов, он добился своего, как всегда!

Легко и плавно скользила лодка, когда он объехал бухту, выехать на этот раз в море он не решился из-за довольно сильного волнения на нем. Он возвращался домой приятно взволнованный: хоть и понимал сам отлично, что на такой лодке далеко не уедешь, но все-таки словно

приблизился к нему остальной мир, словно протянулась какая-то незримая, тоненькая ниточка, связывающая его с остальными людьми.

В следующие дни он приладил к лодке небольшую мачту и сшил паруса. Потом в корме и на носу наделал небольших ящиков для провизии, зарядов и других вещей, которые могут пригодиться в плавании; в дне лодки выдолбил узкий жолоб для помещения ружья, а над ним устроил крышечку. Таким образом, в любую минуту можно было, при желании, пуститься в дорогу.

Несмотря на то, что лодка долгое время владела всем вниманием Робинзона, все же он урывал часы и для других работ, также необходимых ему. Понемногу все более совершенствовал он принадлежности своего обихода. Например, глиняная посуда, такая нескладная и некрасивая вначале, теперь понемногу приобрела правильную и красивую форму. Он ухитрился даже сделать глиняную трубку для курения, о которой давно мечтал. Множество корзин самых разнообразных форм и назначений украшали дом и кладовую. Даже у Поля была нарядная плетеная клетка из разноцветных прутьев, впрочем, всегда с открытой дверцей. У козочки были ясли в виде большой корзины.

Одежда Робинзона, все из тех же козьих шкур, становилась все удобнее. Шапку он снабдил назатыльником, который прикрывал шею от солнца, а в дождь не давал воде попадать за ворот. Куртка была широка и удобна, штаны до колен, из шкуры старого козла с очень длинной шерстью, которая покрывала ногу до половины икр. Вместо обуви кожаные же туфли, привязанные к ноге ремешками. Важную часть его утвари составлял кожаный же зонтик, что было необходимо в знойные дни, да не менее необходимо и во время ливней, под которые поневоле приходилось иногда попадать в пути. Зонтик был тяжел и неуклюж, но зато отлично нес свою службу. Но это было еще не все: поверх куртки одевался кушак, тоже из кожи, но очищенный от шерсти, с двумя ременными петлями для топора. Кроме того, через плечо была перевязь с двумя карманами для пороха и дроби, за спиной болталась корзина, на плече он нес ружье.

Снаряженный таким образом, он имел очень внушительный вид. У него отросла было огромная борода, но потом он подстриг ее, потому что она мешала в жару, цвет лица его сделался так темен, что никто не признал бы в нем европейца, но и на дикаря не был он похож.

В эти дни случилось одно событие, которое надолго потрясло его мирную жизнь.

Была бурная ночь, на дворе стояла такая темь, что не видно было собственной руки. Одни вспышки молнии освещали иногда на мгновенье гнущиеся от бешеного ветра деревья и бушующее море, Робинзон уже собирался ложиться спать, как вдруг, сквозь рев бури, ему послышался как будто пушечный выстрел. Он поднял голову, прислушался, весь сон соскочил с него. Вот и еще раз! Сомнения быть не могло: это стреляли с какого-нибудь бедствующего корабля! Едва пробираясь во мраке, Робинзон выбежал на свой дворик и стал смотреть.

И вот, при блеске молнии, он на несколько секунд отчетливо увидел вдали корабль. Сколько он мог заметить, двух мачт на нем не хватало, и весь он сильно кренился на один бок. Очевидно, он погибал? Чем помочь? В страшном волнении метался Робинзон, вдруг ему пришло в голову разложить костер на видном месте, чтоб на корабле хоть знали, куда направить лодку, если будут ее спускать. Спеша изо всех сил, он принес дров из своего запаса, сложил большой костер и зажег его. Потом, при свете его, набрал еще хворосту и навалил туда же. Большое пламя, раздуваемое

ветром, заколебалось туда и сюда. Несомненно с корабля это заметили, потому что выстрелы участились.

Но что мог еще сделать Робинзон? Он был бессилен!

В отчаянии бегал он по берегу и ломал руки. Там люди, о которых он так тосковал, его братья, долгожданные друзья, гибли в волнах, а он должен был оставаться только зрителем! Все свое достояние отдал бы он, чтобы спасти их, но некому было притти на помощь.

Выстрелы прекратились, только буря выла по-прежнему, так прошла вся ночь. Измученный Робинзон ушел к себе и упал на кровать; он спал недолго: тревога не оставляла его и во сне. Как только стало светло, он уже был на берегу: яростные валы с седыми гребнями бежали на берег, но ничего похожего на корабль не было видно, как ни вглядывался Робинзон. Значит, все было кончено — корабль погиб.

Не было сил итти браться за обычную работу; в унынии опустился он на камень и вдруг увидел на некотором расстоянии что-то белеющее на песке, у самой воды. Что это? Что выкинули волны? Человек! Несомненно, это был человек! Робинзон подбежал к нему, наклонился, тот был

мертв...

По одежде видно было, что это один из матросов погибшего корабля, совсем еще молодой человек. Но, несомненно, к жизни его вернуть было уж невозможно. С горькими слезами, словно над родным братом, сидел над ним Робинзон. Жестокая судьба! Как рад бы он был ему живому, какой заботой и лаской окружил бы, как хорошо зажили бы они вместе! Но теперь все-таки ничего не оставалось, как похоронить труп, что Робинзон и сделал. С этого дня тоска по людям охватила его с новой силой, он даже запустил на время все дела.

Но жизнь брала свое, хозяйство требовало заботы: Робинзон постарался овладеть собой и снова взяться за работу. Пороха становилось маловато, это было плохо. Надо было придумать какой-то другой способ добывания пищи, чтоб не изводить порох охотой. Если б удалось приручить несколько коз, вот бы хорошо! Та козочка, что жила у него уже несколько лет, начинала стариться, если б занести еще несколько штук, было бы молоко и мясо! Очень понравилась ему эта мысль, прямо не выходила из головы, что бы он ни делал!

Взяв старых бечевок. Робинзон устроил силок и поставил его возле того места, куда козы

обыкновенно ходили на водопой. Но несколько дней подряд приманка оказывалась съеденной, а силок прорванным. Вероятно, бечевки от времени сгнили, и поэтому козы разрывали их. Тогда Робинзон перешел к другому способу: он вырыл две глубокие ямы, прикрыл их крышками из плетушки, закидал ветвями и разбросал сверху колосья ячменя.

В первую же ночь обе ловушки сделали свое дело: утром, подходя к ним, Робинзон услышал блеяние. В одной яме сидел огромный старый козел, в другой маленький козлик и две козочки. Старик был такой злой и дикий, что не годился для приручения, и ничего другого не оставалось, как его выпустить.

Когда яма была открыта, козел не стал долго ждать, сильным прыжком выскочил оттуда и убежал в лес. Козлят же Робинзон вытащил по одному из ямы, связал веревкой и кое-как привел домой. Первые дни пленники были очень дики, пугливо жались в уголок двора, но когда сильно проголодались, то взяли все-таки из рук хозяина пучок колосьев. С этих пор они быстро начали привыкать. Но дворик был тесен, они, видимо, тосковали на нем, а, главное, весь корм приходилось приносить на руках из-под горы, а его

надо было не мало. И теперь уж на это шло много времени, а если стадо разрослось бы, то стало бы совершенно невозможным.

Необходимо было сделать выгон для скота, другого исхода не было. Пришлось спешно браться за эту работу.

Найти подходящее место для выгона было, конечно, не трудно: роскошная природа острова давала все, что угодно. Луг, покрытый сочной травой, пересеченный двумя светлыми ручейками, с рощицей для защиты от солнца с одного края, показался Робинзону вполне подходящим местом. Он уж взялся было делать изгородь и даже сделал порядочный кусок, как вдруг сообразил, что огородив такое большое пространство, он все равно не приручит коз. Конечно, им-то будет здесь хорошо и привольно, но поймать их снова, если понадобится, будет дело нелегкое, а про доение их нечего было, и думать. Лучше сделать выгон небольшой, где бы они всегда были под рукой, только не один, а несколько, чтобы можно было перегонять стадо из одного в другой по мере надобности.

Обдумав такой план, Робинзон уж уверенно взялся за работу. А чтобы козочки скорее привыкали, постоянно видя его перед собой, Робинзон

приводил всю компанию и привязывал их пастись невдалеке.

Только старая козочка пользовалась полной свободой, но сама не убегала никуда, видимо радуясь новым товарищам. К тому времени, когда изгородь была готова, вход заделан и козочки спущены, они так привыкли к своему хозяину, что бросались к нему навстречу, прося подачки, и давали охотно гладить себя.

К этому выгону Робинзон принялся делать второй, такой же величины, чтобы было куда перевести стадо, когда в траве почувствуется недостаток, оба выгона сообщались закрытыми теперь воротцами.

Козочки отлично прижились на новом месте, стали быстро расти, а потом и размножаться, так что года через полтора у Робинзона было их уж до десяти штук, если считать с козлятами. Стадо продолжало расти. Робинзон неутомимо приделывал все новые выгоны, их было уж теперь пять, один за другим, сообщающихся воротцами. Таким образом, травой стадо было обеспечено, козлят все прибывало, еще через два года было до сорока голов.

Образовался неистощимый запас мяса: при желании можно было совсем забросить охоту.

Кроме мяса, было и молоко, а следовательно и все, что можно делать из молока: масло, творог, сыр.

Конечно, до сих пор Робинзон никогда не занимался этим делом, а дома видел всегда эти продукты в готовом виде, но, собрав в памяти все, что знал о приготовлении их, начал пробовать и быстро выучился всему. Сыр не давался ему долго, да и потом выходил не такой, как в Англии, но это было не важно.

Пища Робинзона становилась все роскошнее. Как далек он был от голодной смерти, которой боялся в первые дни на острове! Обедал он всегда, окруженный своими любимыми животными: справа от него на полу садился обыкновенно Дружок, сильно состарившийся уж к этому времени, на плечо усаживался Поль, выхватывая из рук хозяина лакомые кусочки, а старшая козочка, которая по привычке часто прибегала с пастбища за Робинзоном, тоже вертелась тут же, выпрашивая кусочки хлеба, который очень любила. Иногда Робинзон, по сохранившейся привычке к вечерним размышлениям, раздумывал о своем положении. Он был теперь собственником огромного поместья, потому что никто не оспаривал его власть. Земля была так плодородна, что легко можно было бы получить гораздо больше хлеба,

чем нужно было ему. Леса были полны дичи, не составило бы никакого труда набить ее любое количество.

На морском берегу водились сотни черепах, прекрасные фрукты вызревали в изобилии.

Но все эти неисчислимые богатства не представляли для Робинзона никакой цены. Он брал от них самую ничтожную часть, остальное было ему не нужно.

Избыток хлеба сгнил бы в амбаре, избыток мяса уничтожили бы черви, срубленные деревья, из которых можно бы построить целый флот, гнили бы на земле.

Одним словом, Робинзон понял, что все богатства ценны лишь постольку, поскольку они нужны нам. И сколько бы сокровищ ни было накоплено, удовольствие от них получается лишь в той мере, в какой мы можем использовать их, но не больше. Самый скупой человек вылечился бы от своей скупости на его месте, потому что некуда было девать добра, принадлежащего ему. Даже деньги были у Робинзона, потому что золото и серебро, вывезенное с корабля, спокойно лежало на дне его сундука, как бесполезная, ни на что негодная вещь. С какой радостью отдал бы он их все за мельницу для размолки зерна или даже

за гораздо меньшее — за маленький пакетик семян репы и моркови или за бутылочку чернил. Теперь же на них ничего нельзя было сделать, все возможное в его положении было у Робинзона, и никаких желаний у него не осталось. Одиннадцать уж лет прошло его жизни на острове.

За все это время ему все-таки не удалось изучить свой остров окончательно. И вот он задумал в лодке объехать его кругом. До сих пор его лодочка служила ему лишь для небольших прогулок. То объезжал он бухту, то плыл недалеко вдоль берега и назад, в открытое море он все же не отваживался выезжать ни разу. А между тем она вышла на славу: была так легка на ходу, так послушна, что лучшего и желать было нельзя.

Робинзону немножко прискучило однообразие его жизни, да и дальний берег не давал покоя. Он решил попробовать сделать хорошую прогулку — объехать остров, но в глубине души, даже не признаваясь самому себе, может быть и лежало искушение — в случае удачи пуститься и в более опасное плавание.

И вот Робинзон приготовил все для пути: положил в лодку провизию: десятка два ячменных хлебцев, хороший кусок козлятины, сыру, масла, изюма, а также пороху и дроби. Взял также

одеяло, зонтик и подстилку из козьих шкур, на случай, если б ему захотелось полежать на дне лодки. Погода благоприятствовала, он поднял парус, и лодочка весело заскользила вдоль берега. Робинзон любовался уж знакомыми видами, тут был ему знаком каждый поворот, чуждой оставалась скалистая часть острова на противоположной части его. Он обогнул выдающийся мыс, и снова стала видна дальняя земля, потому что был ясный день. Вон она, вон, эта загадочная полоска! Сильно потянуло Робинзона попытать счастья и повернуть свой путь туда. Сегодня так близка она казалась, так манила его к себе.

Но он знал, что это было бы безумным поступком, и перевел свой взор на родной берег острова. Вон и столб, который он поставил как-то, осматривая свои владения, отсюда недалеко до его «дачи».

Дальше высились скалистые обрывы и шли уж менее знакомые места. И вдруг он увидел перед собой неожиданную преграду: от берега отделялась узкая гряда скал, частью подводных, частью выставлявших свои вершины над водой. Они тянулись очень далеко, едва глаз видел — куда уходила эта каменная стена, и только пена волн, разбивавшихся о них, указывала их присутствие.

А еще дальше, по цвету воды, Робинзон догадывался, что тянулась отмель.

Как быть? Отказаться от своего намерения или продолжать его во что бы то ни стало? Чтоб лучше понять свое положение, Робинзон пристал к берегу, спустил якорь, а сам взял ружье и поднялся на крутой уступ. Тут он увидел все, как на ладони: гряда тянулась, пожалуй, миль на шесть непрерывным рядом скал, и приходилось либо поворачивать назад, либо объехать ее и отмель, не смущаясь расстоянием.

Но со своей горки Робинзон рассмотрел еще одно обстоятельство, имевшее не меньшее значение: вдоль утесов, от берега в открытое море, шла очень сильная струя морского течения.

Видно было, как она огибает остров и уходит вдоль гряды в открытое море. И по ту сторону ее шла такая же струя, но несколько дальше.

В конце концов, вероятно, они обе соединялись в одну. Теперь Робинзон видел ясно свое положение. Поднялся довольно сильный ветер, тоже мешавший плаванью, Робинзон предпочел заночевать здесь. Но на утро, несмотря на то, что он был достаточно предупрежден об опасности, все же он решил продолжать путешествие: очень уж не любил он отказываться от раз начатого и

не доделывать его до конца.

Итак, он поднял якорь и взялся за весла.

Но не успела его лодка пройти и нескольких сажен, как вдруг была подхвачена течением; сперва ее закружило, как в омуте, а потом стремительно понесло вдоль гряды. Веслами помочь было невозможно, лодку несло, как соломинку в бурном ручье. Будь хоть небольшой ветер, можно бы попробовать поставить парус и выбиться из течения, но на море был полный штиль.

Тут только понял Робинзон, какую неосторожность сделал и в какую беду попал, но было уж поздно. О том, чтобы поворотить обратно к берегу или свернуть в сторону, нечего было и думать, все, что он мог, это стараться не попасть в самую толщу струи, а держаться края.

Опасность была смертельная, и Робинзон это отлично сознавал: он понимал, что если ему не удастся выбиться из струи до тех пор, пока она, обогнув подводные камни, не сольется с другой, то его унесет в открытое море, а там найдет он голодную смерть. Правда, был у него с собой порядочный запас провизии и большой кувшин пресной воды, но что это значило для путника, затерявшегося в безбрежной морской пустыне?

Он греб, не переставая, вот скоро и конец, уж

остров далеко позади, полоской лежит он вдали. Еще немного, и неудержимо понесется его лодка, увлекаемая двойной струей. Как привлекательна казалась теперь Робинзону та жизнь, от которой он ушел так легкомысленно! Как мил его прекрасный остров! Как горько упрекал он себя за то, что недостаточно ценил то счастье, которое у него было! С какой грустью вспоминал своих животных, свою уютную пещеру, поле, только что начавшее колоситься… С ужасом он глядел на бесконечную гладь океана.

На счастье, еще было ясно, будь туман, который скрыл бы уже смутные очертания острова, все было бы кончено. Но тут, прямо навстречу, стал подниматься легкий ветерок. С надеждой встретил его Робинзон, ветер начал крепчать, тогда можно было попробовать поставить парус. По цвету воды, которая все время была мутная, а теперь значительно посветлела, Робинзон понял, что течение по какой-то причине начинает терять силу; вскоре он разглядел группу утесов, далеко выставлявшихся из воды: это они-то и разбивали несколько главную струю. С восторгом увидел Робинзон, что парус действует, вот уж удалось повернуть лодку носом к исчезающему берегу, вот забурлила вода под килем, глубина

снова прозрачна и чиста, он выбился из мутного течения и плывет к берегу. Сердце его колотилось, он чувствовал себя, как человек, приговоренный к смертной казни и внезапно получивший прощение в последнюю минуту. С содроганием оглядывался он назад и протягивал руки к все яснее выступавшим очертаниям гор и лесов. Там его дом, его душевный мир и покой!

Но он оказался уж по ту сторону каменной гряды и теперь подходил к совершенно незнакомым местам.

Но он был так потрясен всем случившимся, что только о том и думал, как бы скорее пристать к берегу, и напряженно вглядывался вперед, выбирая безопасное место. Кругом — подводные камни, так легко было засесть на один из них, так возможно было снова угодить в какую-нибудь встречную струю. Попутный ветер продолжал помогать ему, и не прошло и получаса, как разбежавшаяся лодка коснулась дна у пологого, ровного берега, и Робинзон мог выйти. Едва нога его коснулась земли, как он торжественно дал себе обещание раз навсегда отказаться от намерения покинуть остров при помощи лодки. Каким безумцем казался он себе теперь!

Успокоившись, он почувствовал сильный го-

лод и усталость. Плотно закусив, он вытянул лодку подальше на берег, улегся на дно и крепко заснул. Утром первой мыслью его было — как быть дальше?

Вернуться домой тем же путем было невозможно: ни за какие блага не согласился бы он снова испытать вчерашние страхи. Возвращаться же вдоль другой стороны острова, где он еще никогда не бывал, тоже совершенно не привлекало его теперь. Оставалось одно — вернуться пешком, а лодку пока оставить тут. Но вставал вопрос — где именно? Бросить просто на открытом берегу, значило бы потерять ее совсем, потому что первая же буря сорвала бы ее с якоря и унесла. А лишаться после такого долгого и упорного труда так хорошо удавшегося суденышка было очень тяжело. Необходимо было найти надежное пристанище.

Робинзону удалось открыть дальше глубокую и узкую бухту, как раз подходящую для его цели.

Туда и завел он свою лодочку, старательно прикрепил ее там и тщательно запомнил местность кругом, чтобы легко было найти ее в случае надобности.

Потом поднялся на небольшую горку вблизи, чтобы сообразить дорогу домой. Снова увидел он на море пенистую гряду камней и еще раз

порадовался, что стоит на твердой земле, среди цветущего леса.

Он сразу узнал вдали место, откуда осматривал вчера море, и сообразил, как пройти туда.

А там без труда попал в уже знакомые места и к вечеру добрался до «дачи», где и заночевал.

Радостно было возвращение домой! Прежде всего Робинзон поспешил к своим козочкам, Поль вился над ним и цеплялся за его плечо, выбалтывая все знакомые слова, старый Дружок не отставал ни на шаг: опять он был в кругу своей семьи, опять перед ним была спокойная и трудовая жизнь.

X
ХОЗЯЙСТВО РОБИНЗОНА. СЛЕД НА ПЕСКЕ. ДИКАРИ

Хоть Робинзон и решил не совершать больше таких опасных морских плаваний, но мысль, что он почти лишился лодки, все же не давала ему покоя. Каждый день ломал он голову, как перевести ее снова домой? Напрасно успокаивал он себя мыслью, что и без лодки живется ему отлично, все же очень хотелось иметь ее под руками. Наконец, он не выдержал и пустился снова в путь, чтобы навестить лодку и еще раз хорошенько осмотреть местность.

Сначала он пошел морским берегом к тому месту, где приставал прежде, а потом прямо прошел на ту горку, с которой обозревал местность после своего спасения. Теперь, в безопасности, ему еще раз хотелось посмотреть на морское течение, едва не погубившее его. Но каково же было его удивление, когда он не увидел никаких признаков его: море было спокойно — ни волн, ни ряби, ни мутной, желтоватой полосы. Куда же оно девалось?

Всякие догадки приходили в голову Робинзону: не зависит ли бурное течение от направления ветра? Или оно в связи с приливом и отливом?

Он решил весь день посвятить наблюдениям и, в конце концов, его догадка подтвердилась.

Вечером, поднявшись снова на горку, он ясно увидел знакомое течение, только оно проходило на этот раз немного дальше от рифов. Конечно, оно не прекращалось и в другое время суток, но передвигалось с места на место. Значит, изучив это движение, можно было безопасно перевести лодку снова на другую сторону острова. Но при мысли, что тогда снова придется огибать рифы и на такое большое расстояние уходить в море, Робинзон пришел в ужас:

«Нет, уж довольно искушать судьбу! — подумал он. — Как могу я знать, на какие непредвиденные опасности можно там наткнуться? До сих пор леденеет кровь в жилах, когда я вспоминаю, как мою лодку уносило все дальше, и я терял уж из виду берега, бессильный чем-нибудь помочь себе, — чтобы снова начать эти опыты. Уж пусть эта лодка так и живет здесь, а на той стороне я сделаю себе другую, что будет даже очень удобно в конце-концов».

Так он и решил и с успокоенным сердцем

вернулся домой. Робинзона теперь тешило все б***о***льшее благоустройство его жилища. За все протекшие годы, проросшие колья наружной ограды превратились мало-по-малу в развесистые деревья, а так как потом он еще подсаживал их, то весь склон был покрыт густо разросшейся рощицей, за которой никому в голову не пришло бы искать человеческого жилья. Палатка для хорошей погоды на чисто выметенном дворике была всегда в полной исправности, жилое помещение пещеры снабжено необходимой мебелью, с аккуратно разложенными и расставленными вещами в небольших шкафах. Погреб и кладовая, значительно расширенные и укрепленные деревянными подпорками, содержали много добра. В главном отделении, из которого был прорыт ход наружу, за ограду, чтобы можно было выходить без помощи приставной лестницы, находился амбар, т.-е. тут хранилось зерно в больших, плотно сплетенных корзинах.

В другом отделении, самом глубоком, были запасы масла и других молочных продуктов в самодельных глиняных горшках и горшочках. У потолка висели связанные вместе гроздья изюма и пачки табачных листьев. Один угол был предназначен для запасов сушеного мяса. Даже

отрезанный от внешнего мира, Робинзон мог бы существовать долгое время при помощи этих запасов.

Под горой, вблизи дома, тянулись поля. Земля была так плодородна, что давала прекрасные урожаи из года в год на том же месте. В случае же истощения почвы легко было перейти на другое место — удобной земли кругом был непочатый край.

Вторая усадьба находилась в лесу. Деревья ограды тоже разрослись, и так как Робинзон подстригал их верхушки, то они шли не вверх, а внутрь и давали густую тень. В палатке тоже все было в порядке: была удобная кровать, с мягкой подстилкой из козьих шкур, одеяло и подушка.

Стояли стол и стул, а в шкафу на всякий случай всегда хранился некоторый запас сухой провизии.

Около «дачи» были главные виноградники, с которых Робинзон собирал виноград для изюма, и на время созревания его он всегда переселялся сюда.

Для стад его было сделано пять загонов с высокими оградами, сообщающиеся между собой воротцами. Таким образом козы всегда имели в изобилии пищу без всякого труда с его стороны.

Содержание стада было вопросом не только удобства, но гораздо более значительным делом: оно позволяло всегда иметь питание без помощи пороха и если бы запасы его кончились у Робинзона, он всегда бы мог прокормить себя, не горюя сильно о пропаже. А никто не знал, сколько лет продлится его заточение или владение (трудно было разобрать) на острове и прожить он мог и сорок лет и пятьдесят.

«Дача» была как раз на полпути между домом и покинутой лодкой, и Робинзон всегда делал там основательную передышку, а то и ночевку, когда шел на берег. Делал он это нередко и заботился, чтобы все снасти хранились в полном порядке.

Иногда он и катался на ней, но всегда совсем недалеко от берега и внимательно исследовав перед этим состояние моря.

Всего этого добился Робинзон только при помощи своих рук, трудом и терпением, и ему казалось, что никто и ничто уж не нарушит его покой, потому что прошло уже пятнадцать лет его жизни на острове без всяких перемен. Но вышло не так.

Однажды утром он шел по морскому берегу, направляясь к своей лодке. Вдруг он увидел на песке совершенно отчетливый след голой че-

ловеческой ноги. Словно гром поразил его! Он остановился совершенно ошеломленный. Потом оглянулся, прислушался — не было ничего подозрительного. Тогда он взбежал по береговому откосу, чтоб лучше осмотреть местность, быстро прошел немного дальше — нигде никаких других следов присутствия человека. Вернувшись к следу, он стал внимательно осматривать его. Сомнения быть не могло: пятка, пальцы, подошва виднелись совершенно отчетливо. Но откуда он явился здесь?

Рис. 12. Робинзон видит след человеческой ноги.

Робинзон терялся в догадках и не мог остановиться ни на одной. Не помня себя, он поспешил домой. Через каждые два-три шага он оглядывался назад, пугался каждого куста, каждого дерева, пень вдали принимал форму человека. Ужасные, пугающие образы проносились в его мозгу, все предметы принимали страшные формы в его взбудораженном воображении. Ни один заяц, ни

одна лиса, спасаясь в безумном страхе от собак, не спешили так укрыться в своем логове, как он. Добравшись до дома, он стремительно проник в него, но потом никогда не мог вспомнить, как он это сделал? По приставной ли лестнице или через наружный ход?

Всю ночь не заснул он ни на минуту. Если возможно, он боялся теперь еще больше, не видя предмета, который вызвал этот страх. Мучила совершенная непонятность появления следа. Где человек, которому он принадлежал? Где другие следы его присутствия? Где лодка, которая привезла его? Один ли он был или о товарищами?

Все было непонятно. Теперь Робинзон каялся, что оставил там лодку. Что если они видели ее? Нет, не видали наверно, потому что иначе принялись бы разыскивать владельца ее! Но, может быть, ничего не доказывает, что они уехали?.. Может быть, они вернутся целой толпой, доберутся до него и убьют?.. Убьют и съедят… Робинзон не сомневался, что след принадлежал дикарю-людоеду. А если даже не найдут его, то увидят поля и выгоны, угонят и перебьют коз, вытопчут хлеб, и голодная смерть ожидает его. Как был он так безрассуден, что никогда не подумал запастись хлебом по крайней мере года на два, на три, чтоб

быть обеспеченным при разных непредвиденных несчастиях, вроде этого. Как долго мечтал он о появлении человеческого существа на своем острове, каким счастьем считал возможность снова услышать человеческую речь, а теперь погибал от страха только от тени, от намека на приближение человека!

Первые трое суток после напугавшего его открытия он даже не высовывал носа из дома. Запас питьевой воды истощился, необходимо было выйти. Его мучила также мысль о козах, которых он доил каждый вечер. И вот, набравшись храбрости, он вышел. Действительно, это было необходимо, потому что некоторые козы уже захворали, не будучи подоенными во время. Робинзон старался успокоить себя: не раздул ли он понапрасну все происшествие?

Может быть, только и всего, что след этот его собственной ноги, оставленный в то время, когда он ходил в последний раз к лодке? Какого же дурака он разыграл, поверивши в им самим сочиненную страшную сказку!

И он понемногу снова приступил к необходимым работам: стал доить коз, толочь муку, печь хлеб. Но как неуверенно все же делал он все это!

Как несмело шел, с каким страхом озирался по

сторонам, готовый каждую минуту бросить все и удариться в бегство, спасая свою жизнь. То и дело прислушивался он, взбегал на пригорки, чтоб оглядеть окрестность. Но так как все было по-прежнему спокойно, то становился спокойнее и он. Чтобы окончательно утвердиться в своей догадке, что след был его собственный, он решил сходить еще раз на берег и сличить отпечаток со своей ногой. Дождей это время не было и, по всей вероятности, след был цел. С этой целью он отправился в путь. Но когда пришел, то во-первых, отчетливо вспомнил, что очень давно не был на этом месте берега, а, во-вторых, когда для сравнения он поставил ногу на след, то оказалось, что тот значительно больше его ноги.

Тогда Робинзон задрожал, как в лихорадке. Все закружилось в его голове. Нельзя больше обманывать себя: на острове есть люди, или хоть один человек.

Может быть, они только приплывают, а может быть и живут постоянно на отдаленном от него западном берегу, где никогда не бывал из-за трудной гористой дороги гуда. Каждую минуту могут притти и захватить его врасплох.

Как оградить себя от этой опасности?

Но страх плохой советник: решения, одно

другого неисполнимее, приходили в голову Робинзону.

Первой мыслью его было скрыть все следы своего пребывания на острове: переломать все изгороди и выпустить весь скот, а потом перекопать поле и тоже изломать его ограду. Затем уничтожить без следа свою «дачу», находившуюся ближе к тому месту, где был след.

Он не знал покоя ни днем ни ночью, наконец, раз, совсем разбитый, заснул крепко и глубоко и зато проснулся таким бодрым, каким давно уж не чувствовал себя. Теперь он мог рассуждать несколько спокойнее. Ведь он знал давно, что недалеко от острова находится какая-то неизвестная земля. Почему же предполагать, что она тоже необитаема? В противном же случае вполне вероятно, что на такой обильный плодами и дичью остров, как его, иногда приезжали люди. Но так как за пятнадцать лет одинокого существования своего, до последних дней не было и следа присутствия на нем других людей, то надо предположить, что дикари, приезжая сюда, оставались очень недолго. Вероятно, с попутным ветром приезжали и к вечеру с попутным же уезжали. Что было делать им здесь долго, не имея жилищ и имущества? И выходили они, по всей

вероятности, всегда на ближайшем берегу, т.-е. на противоположной стороне острова. Значит, вероятность встречи очень мала, если быть осторожным; надо только хорошенько укрепить свое жилище на случай каких-нибудь неожиданностей. На том Робинзон и успокоился.

В крепости его было одно слабое место: ничем не защищенный выход наружу через пещеру, служившую кладовой. Надо было так или иначе исправить Эту оплошность. Подумав, он решил построить вокруг жилья еще одну ограду на таком расстоянии от прежней стены, чтоб выход из пещеры пришелся внутри укрепления. Впрочем, это оказалось и не таким уж трудным делом: частый ряд деревьев, который он насадил когда-то, так разросся, что нужно было очень немного, чтоб заполнить промежутки между стволами. Внутренняя решетка, укрепленная широкой, плотно убитой земляной насыпью, была очень крепка и надежна.

Теперь две стены окружали крепость Робинзона. В наружной он оставил семь очень небольших отверстий и в каждую такую щель вставил по мушкету. Их он вывез когда-то с корабля, и до сих пор они лежали без употребления в кладовой. Вычистив их и приведя в полный порядок,

Робинзон рассчитывал, что в случае нужды они сослужат ему хорошую службу.

Но и на этом не хотел он остановиться. Большое пространство за наружной стеной засадил он теми деревцами, которые, как он видел, легко и быстро принимались и пускали ветви. По прошествии двух лет тут уж красовалась густо зеленеющая рощица, совершенно скрывающая следы человеческого жилья.

Для входа и выхода Робинзон пользовался двумя приставными лестницами.

Другой крупной заботой его было обеспечить безопасность своего стада. Им кормился он и одевался, и него вложил столько труда, что лишиться его было, бы чрезвычайно тяжело. Но как сохранить коз от дикарей, которые могли бы случайно набрести на загоны в один из ближайших своих наездов? Близ той горы, в которой были выкопаны кладовые, находились подобные же песчаные горы в большом числе. Не выкопать ли в одной из них пещеру, настолько большую, чтоб можно было загонять туда все стадо?

Но это дело потребовало бы очень много времени, да и ежедневный перегон стада был бы хлопотлив, несмотря на то, что козочки стали давно совершенно ручными.

Лучше было устроить еще хоть два загончика, удаленные один от другого и непременно в самом глухом месте острова, так что если бы даже погибла одна часть стада, то уцелели бы другие.

Робинзон немедленно принялся за работу. Место он нашел подходящее как нельзя более. Это была небольшая полянка в чаще леса, того самого, в котором заблудился раз Робинзон при осмотре острова. Полянку эту обступал лес со всех четырех сторон почти непроходимой чащей, и не стоило большого труда заполнить промежутки между деревьями.

Недели через четыре новый выгон был огорожен, и можно было перевести туда коз. Робинзон отделил десять штук и двух козлов в придачу и небольшими партиями переправил их на новоселье.

Таким образом те два года, которые следовали после того незабываемого дня, когда Робинзон увидел след человеческой ноги, были полны непредвиденного труда. Только страх, который никогда не покидал его окончательно, заставил взвалить себе на плечи работу, о которой он не помышлял раньше.

Спокойствие духа, которым наслаждался Робинзон последние годы, не возвращалось к нему

с тех пор. Редкий вечер не ложился он спать с мыслью, что, может быть, не доживет до утра, что ночью могут напасть дикари, убить и съесть его.

Борясь с трудностями, которые выдвигала ему одинокая жизнь на острове, преодолевая препятствия, неизбежные в каждой работе, Робинзон знал, с чем он имеет дело и чего следует ему добиваться.

Теперь же опасность грозила из-за угла; он не знал ни дня ни часа, когда она предстанет перед ним, и эта неизвестность держала его в постоянном беспокойстве.

Покончив, между тем, с первым загончиком, он собрался делать второй. Для этой цели он пустился в другую сторону острова и случайно вышел да западный берег, где еще никогда не бывал. Спускаясь с возвышенности, с которой открывался вид на море, ему вдруг показалось, что вдали виднеется лодка. Дома у него хранилась подзорная труба, теперь же, простым глазом, он не мог с достоверностью сказать, обмануло его зрение или нет, потому что быстро потерял из виду то, что принимал за лодку.

Внизу, на прибрежном песке, он заметил дымок, подымающийся от покинутого костра. Вот оно! Робинзон почувствовал, как бешено заби-

лось его сердце и, забыв весь страх, прыжками спустился с горки и подбежал к разбросанным головешкам, но в ужасе попятился назад: то, что принял он издали за головешки, были обугливши-еся человеческие кости, полуобглоданные куски ног и рук и головы с еще сохранившимися волосами. Невозможно выразить, какой ужас охватил его душу!

Он знал, что дикие племена часто воюют между собой и что побежденные становятся добычей победителей, об этом рассказывали ему когда-то еще матросы на корабле.

Отвращение и гнев сменили первое ощущение ужаса в душе Робинзона. До какой зверской же-стокости может дойти человеческая природа!

У него закружилась голова, потемнело в глазах, и он едва удержался на ногах. Ни минуты лиш-ней не захотел он оставаться на ужасном месте, а с возможной поспешностью поднялся назад на возвышенность и углубился в лес. Поселись он случайно на этой стороне острова, не добрым бы кончилась его жизнь! Ужаснейшая из казней ожидала бы его!

Но, странно, с этого дня он меньше стал бояться дикарей. Может быть, оттого, что омерзение и презрение к ним очень уж сильны были в его ду-

ше. Кроме того, он все больше убеждался, что эти незваные гости никогда не приезжают на остров за добычей. Вероятно, у них было все, что нужно, и им нечего было искать тут. Почти восемнадцать лет прошло жизни Робинзона на острове, и ни разу до сих пор не встречал он следов человеческого пребывания, значит, если сам он будет осторожен и постарается не попадаться им на глаза, то может еще прожить хоть двадцать лет в том же одиночестве. Теперь, при желании, он легко мог бы из какой-нибудь засады поглядеть на дикарей, но они ему были так отвратительны, что он и думать об этом не хотел. И вот, последние два года он почти безвыходно просидел в той части острова, где было расположено его хозяйство. Даже на лодку, стоившую ему таких трудов, ни разу не сходил он посмотреть, стараясь примириться с мыслью, что она окончательно для него пропала.

Больше всего опасался теперь Робинзон стрелять, чтобы выстрелами не привлечь внимания. К счастью, стада давали возможность прекрасно обходиться без охоты. Только силками иногда ловил он птицу, чтобы по-разнообразить свой стол.

Но все же без оружия никогда не выходил он из дома: ружье, два пистолета, топор всегда были

при нем. Он даже не мог быстро двигаться из-за тяжести своего вооружения.

Гнев его на дикарей все не проходил: целые дни, а подчас и ночи, ломал он голову, как бы наказать хорошенько этих извергов. Ему хотелось перебить их всех до одного и спасти несчастную жертву.

Но как это сделать? Сперва замышлял он подвести мину под их площадку для пиршеств, заложить туда 5–6 фунтов пороха и взорвать его в нужную минуту. Но, во-первых, жалко было пороха, которого оставалось немного, а, во-вторых, трудно было угадать как раз тот момент, когда все соберутся вместе.

А при неудаче, все дело кончилось бы так, что большинство отделалось бы только испугом.

Или не зарядить ли все ружья, спрятаться в засаду и в самый разгар кровавого пира, когда можно будет с уверенностью сказать, что каждый выстрел убьет или ранит нескольких, выпустить все заряды, а потом выскочить самому с пистолетами и саблей. Будь их хоть двадцать человек, он всех их истребит!

Эти мысли не давали совершенно покоя Робинзону, даже по ночам видел он во сне, что стреляет в дикарей.

Наконец, он решил начать приводить в исполнение свои планы. Осторожно начал он пробираться в другую часть острова, чтобы найти подходящие места для засады. Вид разбросанных костей уже не пугал его так, как в первый раз, а только увеличивал гнев и жажду мщения. Место для засады было вскоре найдено, и даже два. Первое — была небольшая пещера на склоне горы над местом пиршеств. Отсюда мог Робинзон издали завидеть приближение гостей и затем незаметно спрятаться в лес. А там, в одном огромном дереве нашел он дупло такой величины, что свободно помещался в нем. Отсюда можно было отлично наблюдать за дикарями и без промаха стрелять в них, выбрав удобный момент. Затем он привел в порядок все свое оружие, зарядил и пистолеты, и мушкеты, и ружья, теперь дело было только за неприятелем.

Но его-то как раз и не оказывалось. Ежедневно, вооруженный зрительной трубой, уходил Робинзон на свой наблюдательный пост и по несколько часов просиживал там в ожидании. Но море оставалось пустынно на всем протяжении, которое охватывал его глаз через подзорную трубу. Так прошло не меньше, чем месяца два, а то и больше. Наконец, ему это надоело.

К тому же, сперва смутно, а потом все яснее и определеннее стали пробуждаться в Робинзоне новые мысли. Успокоенный тишиной, он снова в вечерние часы смог наслаждаться красотой заката, снова увидел прелесть окружающей природы, и в душе его встал вопрос: а имеет ли он право убивать этих людей? Имеет ли он достаточно оснований, чтоб самовольно лишить их главного блага — жизни? Конечно, их зверские нравы отвратительны, но учит ли их кто-нибудь лучшему? Несомненно, в глазах людоедов — людоедство не составляет преступления, и совесть их не упрекает за это. Они делают себе пищу из своего собрата с тем же спокойствием, с каким мы убиваем быка. Откуда знать им всю омерзительность этого действия?

К тому же ему, Робинзону, они не причиняли никакого вреда. Другое дело, если бы пришлось защищать свою жизнь, но теперь зачем вмешиваться ему в их племенные распри? Почему он является мстителем за кровь, которую они проливают?

Эти размышления привели Робинзона к выводу, что большим счастьем для него явилась неудача его воинственных приготовлений, потому что она помешала ему совершить большую

несправедливость. Ведь если они и убийцы, то не более тех европейцев, которые убивают своих военнопленных без всякой пощады. И Робинзон окончательно охладел к своей затее и, наконец, отказался от нее совершенно.

Теперь ему казалось и крайней неосторожностью объявлять войну дикарям. Ведь только в том случае, если бы удалось перебить их всех до единого, можно было бы не бояться их мести. Если же дома узнают о несчастьи, постигшем единоплеменников, то, конечно, уж ему несдобровать.

И Робинзон решил окончательно вернуться к прежнему образу действия: как можно лучше заметать свои следы и всеми мерами стараться оставаться невидимым.

XI
ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ПЕЩЕРЫ. СНОВА ДИКАРИ

Жизнь Робинзона пошла по-прежнему. Он ни разу не побывал даже на западном берегу, боясь опять взволновать себя.

Только раз, набравшись храбрости, задумал он все-таки выручить свою лодку и, выбрав подходящий день и час, благополучно перевел таки на свой берег. Теперь на той стороне не оставалось никаких следов, и он мог успокоиться. Но во всех поступках Робинзон был осторожен: без крайней необходимости он не отходил никуда далеко от своего жилья. Только посещение нового выгона, где были дойные козы, заставляло его делать более продолжительные отлучки, но это было в сторону, противоположную опасным местам, и поэтому не слишком беспокоило его.

Вероятно, за это время дикари не раз успели попировать по своему обычаю, и иногда Робинзон снова воображал себе ту долю, которая досталась бы ему, если бы, ничего не подозревающий, почти безоружный, он встретил бы не след ноги, а

человек пятнадцать, двадцать владельцев таких ног. Несомненно, они погнались бы за ним, как за редкой дичью.

Постоянная тревога и сознание грозящей опасности совершенно отбили у Робинзона охоту заботиться об увеличении своего благосостояния. До того ли было, когда все мысли обращались лишь на то, как спасти свою жизнь. Он не смел вбить гвоздя, не смел расколоть полено, про стрельбу он и думать перестал. Сильно смущал его дым от разводимого огня. Ему пришло в голову заменить дрова углем. Он помнил, что еще в Англии видел, как добывают уголь, пережигая толстые сучья под слоем торфа. В дальнем конце леса производил он эту работу, а потом перетаскивал уголь к дому в больших спинных корзинах. Таким образом, дым почти исчез.

Неожиданно случай привел Робинзона сделать при этом открытие, которое его очень порадовало. Как-то, работая топором у подножья скалистой возвышенности и свалив одно густо разросшееся деревцо, он вдруг заметил за ним, в скале, узкую щель, за которой, по-видимому, была пустота. Его заинтересовало, куда может вести этот ход, и с трудом он пролез туда. Но вылез гораздо скорее и легче, чем влез: из глубокого мрака пещеры на

него смотрели два горящие глаза! Опомнившись и переведя дух. Робинзон стал стыдить себя. Что мог найти он страшного? Ни одного опасного животного на острове не было, а человеку эти глаза не могли принадлежать.

И он разжег смолистую головешку из костра, который тлел поблизости, взял ее и снова влез в пещеру. Но не успел он сделать и трех шагов, как попятился назад, перепуганный чуть не больше прежнего: он услышал громкий, прерывистый вздох или стон, словно кто-то жестоко страдал тут, и затем какие-то неясные звуки, вроде бормотанья. Холодный пот проступил по всему телу Робинзона, факел чуть не вывалился из его рук. Собрав всю свою волю, он снова шагнул вперед, подняв огонь над головой, и вдруг увидел на земле огромного, старого козла. Он лежал на боку и издыхал, очевидно от старости.

Робинзон знал обычай животных — перед смертью искать укромный уголок — и понял теперь все.

Он тронул ногой козла, тот пошевелился, но встать не мог. Не обращая больше на него внимания, Робинзон стал тогда продолжать свой осмотр. Пещера была очень маленькая, очевидно, природная, со стороны, противоположной входу,

она снова суживалась, уходя куда-то вглубь, так что можно было двигаться только ползком. Лезть туда без света было слишком опасно, и Робинзон решил вернуться завтра, захватив с собой свечи, которые он отлично научился лить из козьего жира.

На другой день он подошел к узкому ходу в глубине пещеры, стал на четвереньки и пополз в полном мраке. Ход мог кончиться пропастью, но Робинзону так хотелось узнать, что там дальше, что он и не думал ни о какой опасности. Через некоторое время он почувствовал, что щель становится шире и выше.

Он попробовал подняться и не мог достать рукой до потолка. Тогда он зажег две свечи и вдруг увидал такую великолепную картину, лучше которой он не видал на своем острове. Он стоял в просторном, очень высоком гроте (пещере), свет от свечей отражался от стен тысячами разноцветных огней, Робинзон никогда не узнал, какие камни были вкраплены в стену, но они сверкали, как алмазы, рубины, аметисты, а в иных местах ему казалось, что он видит куски настоящего золота. Он попал словно в волшебный замок, никогда не думал он, что под землей может быть такая красота. Пол был покрыт сухим и тонким

песком, нигде ни признака сырости.

Робинзон был в восторге от такого надежного убежища: узкий, темный вход обеспечивал ему полную безопасность.

Тут же решил он, не откладывая, перенести в грот все наиболее драгоценное из своего имущества: порох, часть оружия, свинец, из которого делались пули, а также часть сухой провизии. Пороха у него оставалось уж немного, но тут его ожидала радость; в его кладовой хранился бочонок подмокшего пороха, взятый с корабля, он собирался давно его выбросить. Но теперь, осторожно откупорив бочонок, он с радостью убедился, что подмокшая часть пороха отвердела и ссохлась в крепкую корку, в которой остальной порох, совершенно исправный, лежал, как ядро ореха в скорлупе. Весь бочонок был тут же переправлен в новое хранилище.

«Пусть-ка попробуют теперь разыскать меня! — весело думал он, — пусть хоть пятьсот дикарей рыщут по острову, им не догадаться проникнуть сюда. А если бы и догадались, все равно никто не посмеет войти!»

Старый козел, которого он нашел, издох на другой же день и, с огромными усилиями, Робинзон вытащил его наружу и закопал поблизости, чтоб

он не портил воздух гниением.

Шел уж, между тем, двадцать третий год жизни на острове, и Робинзон до такой степени привык к своему одиночеству, что, если бы не страх дикарей, то чувствовал бы себя совершенно счастливым и согласен был бы весь остаток жизни провести тут, хоть до того часа, когда, как старый козел, лег и умер бы от старости.

Последнее время даже кое-какие забавы появились в его жизни. Например, первый Попка научился так мило болтать, так ясно выговаривал слова, что положительно забавно и приятно было его слушать.

Затем Робинзон приручил еще трех попугаев различных цветов Эти хоть почти и не умели говорить, но радовали его своим ярким, красивым видом.

Дружок, его верный, преданный друг, прожил шестнадцать лет и, наконец, умер от старости. Еще приручал Робинзон птиц различных пород, он подрезал им немного крылья, чтоб они не могли улететь далеко. Мало-по-малу в разросшейся рощице вокруг дома поселилось множество птиц. Они вили там гнезда, выводили птенцов и неумолчно оглашали окрестности своим пением и свистом.

Среди своих стад Робинзон иногда отбирал два-три особенно красивых козленка и приручал их до того, что они ходили за ним по пятам, как собачки.

Робинзону казалось, что в настоящее время ему нечего желать для себя, кроме избавления от дикарей, но часто бывает, что то зло, которого мы страшимся больше всего, как раз и является для нас, наоборот, носителем блага и пользы. Впоследствии ему пришлось убедиться в этом.

Шел двадцать третий год его пребывания на острове, и было как раз время уборки хлеба, так что большую часть дня он проводил в поле.

Встав однажды очень рано, еще до восхода солнца, Робинзон был поражен, увидев огонь большого костра на берегу. Это было на его стороне острова, где еще никогда не замечал он никаких следов дикарей. В первую минуту он просто оцепенел от страха, но потом мысль, что если дикари немного углубятся в лес, то увидят поля, изгороди и не успокоятся тогда до тех пор, пока не отыщут владельца, заставила его живо перелезть обратно через ограду. Он поднял за собой лестницу и начал готовиться к обороне. Прежде всего он зарядил все имеющееся у него оружие, потом осторожно сходил за свежей во-

дой, чтобы сделать запас на случай осады.

Но из своей крепости Робинзон не мог ясно видеть того, что происходило на берегу, потому что деревья загораживали вид. Между тем неизвестность томила его. Тогда он решил подняться на самую вершину той горы, в которой находилась его пещера. Захватив подзорную трубу, при помощи лестницы, приставляя ее попеременно к уступам скал, он достиг верхней площадки, лег на нее плашмя и стал смотреть.

На берегу было человек девять дикарей, все они сидели вокруг костра совершенно нагие. Конечно, костер их был не для того, чтобы погреться, потому что стояло самое жаркое время года, а, вероятно, для обычного ужасного пиршества.

Дикари приехали на двух лодках, которые, вследствие отлива, лежали тут же на песке. Вероятно, они ждали прилива, чтобы уехать. Что именно делали гости, трудно было разобрать, но вот они вскочили на ноги и принялись исполнять вокруг костра какой-то дикий танец, прыгая, размахивая руками и всячески кривляясь. Когда прилив поднял их лодки, они уселись и уехали…

Как только лодки порядочно удалились от берега, Робинзон спустился с горы, взял два заряженных ружья, топор и сейчас же отправился к

тому холму, откуда он в первый раз увидел следы пиршеств. Добравшись туда, он взглянул на море и различил там еще три удаляющиеся лодки. Это открытие привело Робинзона в полное уныние, но когда, спустившись к берегу, он увидел свежие остатки ужасного обряда, прежнее негодование снова охватило его. Злодеи, пожирающие человеческое мясо, танцуя и веселясь, показались ему так отвратительны, что все благоразумные мысли вылетели из головы, и самые смертоубийственные замыслы сменили их.

Несомненно было все-таки то, что дикари чрезвычайно редко приезжают на остров: прошло более года с их последнего посещения. В дождливое и бурное время года они, наверное, не отваживаются на такое большое путешествие. Робинзону только сейчас пришло это в голову, и он пожалел о стольких часах напрасного страха и волнения, когда он ждал своих незваных посетителей почти ежечасно.

Но все же его дни протекали теперь в постоянной тревоге. Мысль, что все же, рано или поздно, а не миновать ему зубов людоедов, угнетала его ужасно.

XII
РОБИНЗОН, НАКОНЕЦ, НЕ ОДИН

Постоянная тревога плохо действовала на Робинзона. Ему становилось нестерпимым продолжать эту бесконечную пытку, вся прелесть жизни на острове потеряла цену в его глазах. Но вот явилась у него мысль, которая уж не покидала его. Если дикари решаются переплывать большое пространство от своей земли до острова в плохих лодках, то почему не сможет он сделать того же в своей лодке, снабженной парусом и более прочной, чем те? Но он не знал, что находится там, в той неведомой стране, и на какие опасности наткнешься.

Одно время желание во что бы то ни стало изменить томительное положение было так велико, что он готов был, очертя голову, ехать без всяких рассуждений, добраться до противоположного берега и плыть вдоль него, пока не доберется до поселений белых людей. Но потом опасность этого намерения немножко охладила его. Если бы иметь с собой человека, знающего местность, который служил бы ему лоцманом и

проводником…

Но кто же может им быть, как не дикарь же?

Что если попытаться спасти одного из несчастных, обреченных на съедение? Неужели из благодарности он не окажет ему любой услуги?

И вот Робинзон решил стремиться найти себе сотоварища, вырвав его от мучительной смерти. Но как это сделать? Добром дикари, конечно, не отдадут свою жертву, значит, придется вступить с ними в бой и истребить всех до одного.

Но такой отчаянный шаг не обещал верного успеха да и душа его содрогалась при мысли о том, сколько крови пришлось бы пролить для осуществления своего замысла.

Долго шла борьба в голове Робинзона, но наконец он все-таки решил искать первого случая, чтобы завладеть дикарем во что бы то ни стало.

В том, что он сумеет подчинить его себе, он не сомневался, и Робинзон поставил главной целью своей караулить и ждать. Почти ежедневно, запустив все дела, ходил он на свои сторожевые посты смотреть не подъезжают ли пироги (лодки) с дикарями, но напрасно, потому что на море никого не было видно. Больше года прошло опять в нетерпеливом ожидании, решение Робинзона не менялось.

И вот, наконец, раз, рано утром, взглянув на берег, он вдруг увидел недалеко от себя пять индейских пирог, лежавших на песке. Они были пусты, приехавшие куда-то ушли. По примеру прежних лет, Робинзон уже знал, что в каждую лодку садится от четырех до шести человек, значит, теперь их приехало около тридцати, что несколько смутило его. Как одному справиться с такой ватагой? Не зная, что предпринять, он собрал оружие и стал выжидать, прислушиваясь, не приближается ли неприятель к его крепости. Наконец, соскучившись ожиданием, он снял с себя оба ружья и полез на гору с подзорной трубой. Добравшись до вершины, он скрылся за выступ и оттуда стал наблюдать дикарей. Они уж вернулись, сидели у своих лодок, развели костер и что-то стряпали на нем, числом их было не меньше тридцати человек. Покончив с едой, они пустились плясать вокруг костра с обычными нелепыми ужимками и прыжками.

Рис. 13. Робинзон наблюдает за дикарями на берегу.

Вдруг несколько человек отделились от танцующих и побежали в ту сторону, где стояли их лодки, и вслед затем Робинзон увидел, что они тащат к костру двух несчастных, очевидно, предназначенных на убой. До того они лежали, должно быть, на дне лодки. Одного сейчас же повалили, ударив дубиной по голове, и тащившие его люди немедленно принялись за работу: распороли ему живот и начали потрошить. Другой пленник стоял тут же, ожидая своей очереди. Занявшись первой жертвой, дикари, вероятно, забыли о нем. Несчастный, вероятно, почувствовал себя на свободе, вдруг рванулся вперед и с невероятной быстротой пустился бежать. Он бежал вдоль берега, как раз в сторону крепости.

В первое мгновение Робинзон страшно перепугался, потому что не сомневался, что вся орава бросится за беглецом и таким образом очутится у него в гостях, но потом несколько успокоился, убедившись, что в погоню пустилось только трое, остальные преспокойно продолжали свое дело. Еще приятнее было видеть Робинзону, что беглец заметно опережает, своих преследователей. Но от крепости его отделяла узкая бухточка, та самая,

куда причаливались когда-то плоты с имуществом разбитого корабля.

С замиранием сердца смотрел Робинзон: ему казалось, что спасения нет, что теперь беглец очутится в западне. Но он напрасно боялся: тот, не задумываясь ни секунды, бросился в воду и мигом переплыл бухточку, вылез на другую сторону и, не сбавляя шагу, побежал дальше. Из трех преследователей только двое бросились вплавь, третий постоял, посмотрел вслед и, не спеша, пошел назад.

И вот Робинзон всем существом почувствовал, что пришла та минута, которую он так долго ждал. Он понял, что надо действовать немедленно, если хочет снасти жизнь дикарю. Не теряя времени, он спустился в крепость, взял там два заряженные ружья и побежал вниз, наперерез двум бегущим дикарям. Но он немного опоздал, человек, спасавшийся от погони, успел пробежать дальше, так что Робинзон оказался между ним и преследователями. Он громко окликнул его, дикарь оглянулся и испугался, кажется еще больше, чем своих врагов.

Сделав ему знак остановиться, Робинзон повернулся навстречу бежавшим. Когда передний поравнялся с ним, он внезапно выскочил из-за

дерева и сшиб его с ног ударом ружейного приклада: стрелять он не хотел из боязни привлечь внимание, звуком выстрела. Его товарищ остановился, видимо испуганный. Но когда Робинзон увидел, что дикарь поднимает лук и стрелу и начинает целить в него, ничего не оставалось больше, как выстрелить. Робинзон спустил курок и положил несчастного на месте.

Беглец, несмотря на то, что пали оба его врага, был до того напуган выстрелом, что потерял способность двигаться: он стоял, как скованный, не зная на что решиться. Робинзон снова стал кричать ему и делать знаки приблизиться. Дикарь понял, сделал два шага и снова остановился, снова шагнул и опять замер на месте, он весь дрожал, как в лихорадке. Вероятно, он думал, что пришел его смертный час и что теперь настала его очередь. Робинзон лицом, голосом старался его ободрить, как умел, дикарь подходил все ближе и ближе, через каждые несколько шагов он падал на колени, стараясь, должно быть, выразить свою покорность. Робинзон ласково улыбался и все продолжал манить его к себе. Наконец, подойдя совсем близко, дикарь снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лицом и, приподняв ногу своего спасителя,

поставил ее к себе на голову.

Рис. 14. Дикарь выражает Робинзону свою покорность.

Робинзон понял, что этим тот выражал свою благодарность и покорность, поднял его, потрепал по плечу и всячески старался показать, что ему нечего теперь бояться. Но в это время оба заметили, что дикарь, поваленный ударом при-

клада, был не убит, а только оглушен, теперь он начинал приходить в себя. Робинзон указал на это спасенному дикарю. Тот ответил несколькими словами, которых Робинзон, конечно, не понял, но как радостно было снова слышать человеческую речь после двадцатипятилетнего молчания! Между тем ошеломленный дикарь настолько оправился, что сидел на земле, и растерянно смотрел на них. С некоторым колебанием Робинзон взялся было за второе ружье, но спасенный стал показывать на саблю, висевшую у его пояса, и знаками просить, чтоб ее дали ему.

Робинзон отцепил ее от пояса и подал.

Дикарь схватил, бросился к своему врагу и одним взмахом снес ему голову. Он сделал это с такой молниеносной быстротой и ловкостью словно постоянно имел дело с подобным оружием. Сделав это, он снова вернулся к своему спасителю и проделав перед ним ряд каких-то странных движений, сложил торжественно на землю у его ног и оружие, и голову врага.

Дикарь видел, что другой его враг сражен выстрелом и, видимо, не мог этого понять — он не постигал, как можно убить на расстоянии. Указывая знаками, он попросил позволения посмотреть на него, побежал туда и остановился над трупом

в полном недоумении: постоял, поглядел, повернул на один бок, потом на другой. Пуля, вероятно, попала в сердце, и, действительно, видимых знаков почти не было. Сняв с убитого лук и колчан со стрелами, дикарь вернулся к Робинзону. Тот стал знаками звать его за собой, указывая, что может быть снова погоня, но дикарь ответил, тоже знаками, что следовало бы раньше зарыть убитых, чтоб остальные не нашли их, если придут на это место. Нельзя было не согласиться с ним; ловко и проворно взялся он за дело и вскоре голыми руками выкопал настолько глубокую яму, что похоронил в ней обоих убитых, плотно утоптав потом сверху землю.

Но Робинзон не решался вести своего гостя к крепости, он предпочел отправиться с ним к новой пещере. Там дал он ему воды, к которой дикарь припал с жадностью, потом кусок хлеба и ветку изюма. Не удивляясь невиданным блюдам, тот поглотил все в одно мгновение. Потом Робинзон указал ему на угол, где лежала подстилка из соломы, накрытая козьей шкурой, и знаком показал, что он может лечь. Тот доверчиво растянулся и сейчас же заснул. Тогда Робинзон подсел к нему и стал рассматривать его. Это был красивый малый, высокого роста, прекрасно сложенный,

с прямыми, стройными ногами и красивыми руками. На вид ему можно было дать лет около двадцати пяти. На его лице ничего не было дикого и свирепого, наоборот, это было мужественное, приятное, осмысленное лицо, его улыбка была добрая и доверчивая. Волосы были черные, длинные и прямые, не похожие на ту круто-курчавую овечью шерсть, что покрывает головы негров. Лоб у него был высокий и открытый, цвет кожи не черный, а темно-коричневый, очень приятный для глаз. Лицо было продолговатое, правильное, небольшой нос, хорошо очерченный рот с белоснежными зубами. Что глаза его быстры и блестящи, это Робинзон заметил уж раньше.

Оставив отдыхать своего гостя, он пошел доить коз в расположенный рядом загончик. Не более как через полчаса дикарь показался у входа в пещеру, он издали заметил своего спасителя, весь просиял радостной, детской улыбкой и двинулся к нему. Но вдруг остановился с выражением растерянности и испуга, его рука судорожно сжала лук: он увидел ручных коз и, видимо, пришел в полное недоумение. Робинзон поманил его к себе, осторожно, тихими шагами тот приблизился к изгороди и указал пальцем на милых животных, доверчиво потянувшихся к нему,

в ожидании привычной подачки. Выражение страха на мужественном лице этого сильного человека показалось так забавно Робинзону, что он громко расхохотался. Тогда улыбка вернулась и на лицо другого, но он все же не вошел во дворик, а остановился у ограды, внимательно наблюдая за происходившим там. Видимо, ему никогда не случалось видеть ручных животных, и власть над ними человека казалась чем-то непонятным и волшебным. Подоив, Робинзон протянул ему горшочек молока и предложил выпить, что тот и сделал, несколько раз останавливаясь, чтоб знаками выразить удовольствие. Прищелкнув языком, он улыбаясь подал обратно пустой горшочек.

Робинзона, между тем, беспокоила мысль о поведении остальных врагов. Что если теперь они все пустились на розыски? Кое-как знаками попытался он сообщить свою тревогу дикарю. Тот, вероятно, понял, потому что закивал головой и выразил готовность итти. Осторожно, молча, приближались они сквозь лес к берегу, тишина была полная. Прикинув глазом, дикарь выбрал высокое дерево и мигом, как кошка, взобрался на него. Оттуда он весело закивал головой и громко крикнул что-то. Успокоенный, Робинзон быст-

ро пошел дальше, и скоро оба вышли на место недавнего пира.

Весь берег был усеян человеческими костями, земля кое-где пропитана кровью, кругом валялись недоеденные куски мяса, черепа, ноги и руки. С омерзением и ужасом смотрел Робинзон, но дикарь был совершенно спокоен, очевидно, эти картины были ему не в диковинку. Но все было пусто, ни одной лодки не оставалось на берегу, все уехали, не потрудившись даже поискать убежавших товарищей. Эта беспечность поразила Робинзона. Спасенный, между тем, оживленно рассказывал мимикой, жестами, непонятными словами, что всех пленников было четыре, трех съели, и он был последний на очереди.

Насколько можно было понять, только что было большое сражение у племени, к которому принадлежал он сам. Чужие победили, пленники были поделены и обречены на съедение.

Робинзону захотелось уничтожить кровавые следы, он стал подкладывать сухие ветки на тлеющие еще угли, чтобы сделать большой костер и сжечь на нем все остатки. Дикарь охотно помогал ему, но когда он увидел, к чему идет дело, на лице его ясно выразилось недоумение, вероятно, он ждал другого конца и не прочь был полакомиться

уцелевшим кусочком человеческого мяса.

Покончив с костром, Робинзон решил итти домой и позвал с собой дикаря. Когда они проходили по лужайке, на которой были похоронены недавно убитые враги, дикарь вдруг очень оживился и, остановив своего спасителя, стал что-то усердно объяснять ему.

Наконец, Робинзон сообразил, что дикарь предлагает ему откопать убитых, сделать костер и съесть их. Сразу отвратителен и страшен показался гость Робинзону! Даже раскаяние в спасении того встало в душе! Но, взглянув на открытое, ласковое лицо, он понял, что иначе и не мог рассуждать в своем неведении этот человек. Тогда, сделав грозное лицо, он постарался как можно выразительнее объяснить, что ему противно и возмутительно даже слышать об этих вещах, что он запрещает строго прикасаться к убитым и, в случае неповиновения, убьет его самого без всяких разговоров. Очевидно, если не все, то главное, дикарь отлично понял. Он стих, понурился и со страхом поглядел на поднятое ружье. Потом несмело поплелся вслед за Робинзоном.

Куда его поместить? Несмотря на видимую покорность и послушание, Робинзону все же не хотелось пускать его в свое жилище. Но и

оставить снаружи было неудобно, пришлось взять среднее и поместить пока в первом дворе. С удивлением следовал за ним дикарь, лестница, ограда — все поражало его. Прежде всего надо было накормить гостя Робинзон принес большой кусок козлятины, разложил костер и, устроив вертел, стал приготовлять жаркое. Дикарь следил с удовольствием за этой работой, кажется, он боялся, что мяса вообще здесь не достанется ему отведать. Но когда дело дошло до обеда, то он решительно отказался приправить солью свою долю и с ужасными гримасами стал отплевываться, когда Робинзон хотел уговорить его отведать посоленное. У гостя был прекрасный аппетит, и хозяин подумал, что теперь придется делать запасы вдвое больше. Но это нисколько не смущало его: остров был богат, их руки сильны, а радость найти себе товарища, а быть может и друга, превозмогла все.

С наслаждением говорил Робинзон с себе подобным.

Правда, дикарь еще не понимал его; но все же это был человек, а не бессловесное животное. Тут же был дан первый урок английского языка, но дикарь получил его от совершенно непредвиденного учителя и натерпелся не мало страха. Едва

подсели они к поспевшему кушанью, как попка Поль, по своему обычаю, разыскал хозяина и, прилетев из своей клетки, уселся ему на плечо с криком:

— Робин, Робин, где ты был? Где ты был, бедный Робинзон?

Кусок мяса выпал из рук дикаря, он так и остался сидеть с открытым ртом, в глазах его и на всем подвижном лице ясно отразился страх и недоумение.

Он отодвинулся подальше от птицы и оторопело переводил взор с нее на ее владельца, очевидно, спрашивая себя, кто же это такой, что звери и птицы повинуются ему?

Попугай, между тем, болтал всякий вздор, терся головкой о щеку и всячески выражал свое удовольствие. Робинзон, которого очень забавляло недоумение дикаря, указал на себя пальцем и повторил свое имя.

Тут дикарь, видимо, понял, радостно закивал головой и совершенно правильно повторил: «Робин!» Потом ткнул пальцем себе в грудь и выговорил имя, похожее на английское слово — пятница. Так как их встреча произошла в пятницу, то Робинзон решил, что именно так он и будет называть нового товарища. Тот весело от-

кликнулся на свое имя. Потом он охотно повторял названия разных предметов, которые говорил ему Робинзон.

Несмотря на всю покорность своего гостя, Робинзон все же не решился сразу ввести его в свою пещеру и на эту ночь устроил ему наскоро палатку во дворе. Вход же во внутренний дворик загородил бывшими под рукой досками и, ложась спать, не забыл придвинуть к себе поближе заряженное ружье.

XIII
РОБИНЗОН И ПЯТНИЦА

Встав утром, Робинзон нашел уж Пятницу на ногах, видимо, нетерпеливо дожидающегося его. Увидав своего спасителя, дикарь весь просиял улыбкой, подошел к нему и снова поклонился до земли, выражая этим свою преданность и благодарность.

Робинзон весело поднял его: ему не хотелось, чтобы новый товарищ выражал свои чувства таким рабским способом.

День предстоял трудный, было много работы.

Вот хорошо, если б Пятница смог тоже помогать ему! На утренний завтрак Робинзон принес молока и несколько хлебцев. Пятница долго вертел в руках один из них, видимо, принимая за плод какого-то неизвестного дерева и не решаясь отведать его. Только пример Робинзона помог ему, и скоро он принялся уничтожать свою долю с большим удовольствием, подражая тому, обмакивал кусок в молоко, усмехаясь довольной, детской улыбкой.

Насытившись, Робинзон вскинул на плечо ру-

жье и, поманив с собой Пятницу, вышел из дома. Была пора уборки ячменя, но предварительно надо было позаботиться о мясе на обед, потому что из-за сильной жары эти дни дома не хранилось много дичи. Они углубились в лес, вдали показалась дикая коза с козленком, Робинзон прицелился и выстрелил, козленок упал.

В то же время упал на землю и Пятница, на лице его было выражение жестокого ужаса, он чуть не лишился чувств. Потом, приподнявшись, стал оглядывать свое тело, вероятно, чтоб убедиться, что он жив и не ранен.

Постаравшись ободрить беднягу, Робинзон знаками послал его за убитым козленком. Тот вернулся, с величайшим любопытством оглядывая животное: он все-таки не понимал, откуда пришла смерть. Чтоб дать ему наглядный урок, через несколько времени Робинзон заметил на дереве большую птицу, показал, пальцем сперва на ружье, потом на нее: «Вот, мол, смотри! Сейчас я в нее попаду!»

Выстрел раздался, теперь Пятница перепугался уже меньше и даже с видимым удовольствием сам побежал за упавшей птицей, но все же на ружье поглядел с боязливым почтением и недоумением. Робинзон сообразил, что дикарь ни

разу не видал, как ружье заряжается, и, вероятно, думал, что в этой вещи сидит какая-то живая, разрушительная сила. Но пока он предпочел и не объяснять ему всех подробностей.

Огражденное поле, поросшее одинаковыми злаками, тоже не мало удивило Пятницу. Робинзон вынул из кармана хлебец и старался объяснить его происхождение, но из этого ничего не вышло. Пятница помотал головой с видом полнейшего непонимания. Зато работу, за которую взялся Робинзон, он перенял очень быстро, хоть и не понимал ее цели и так хорошо помогал, что дело пошло вдвое быстрее. Как весело было работать вдвоем!

Когда жара начала становиться невыносимой, Робинзон решил взяться за приготовление обеда. Для этого не стоило возвращаться домой, он разложил небольшой костер у большого камня и взялся было за убитую птицу с намерением общипать ее. Но Пятница просительно протянул к ней руки, объясняя, что хочет, чтоб это дело было предоставлено ему.

Робинзон уступил, но к его удивлению и огорчению, тот, только выпотрошив птицу, во всех перьях бросил ее прямо в разгоревшийся огонь. Робинзон промолчал, утешаясь мыслью, что есть

еще козленок в запасе, которого можно будет зажарить при неудаче. Когда птица совершенно обгорела со всех сторон, черный повар вытащил ее из огня, счистил перья, ловко удалил обуглившуюся поверхность и подал хозяину кусок жаркого. Робинзон должен был признать, что такого вкусного и сочного мяса он не едал еще ни разу. Потом Пятница сбегал ненадолго в лес, принес пригоршню каких-то зеленых шишек, бросил в горячую золу и, когда они испеклись, предложил отведать Робинзону. И снова тот должен был признать, что эти плоды, которые он считал несъедобными, оказались превкусной пищей, напоминающей несколько картофель. Так прошел их первый общий обед.

Теперь нужно было отдохнуть.

Выбрав тенистое местечко с мягкой травой, Робинзон прислонил к дереву незаряженное ружье, топор же предпочел положить под себя и знаками предложил дикарю расположиться на отдых. Тот немедленно, с видимым удовольствием растянулся вблизи и тут же заснул. Но, несмотря на усталость, Робинзону не спалось. Вот, возле него доверчиво спит давно жданный человек, спутник его жизни. Но будет ли он ему братом и другом? Правда, он кроток и послушен, но, может

быть, он просто еще робеет? Ведь это дикарь, людоед, от которого вряд ли можно ожидать чувств настоящего человека. Можно ли, засыпая рядом с ним, быть вполне уверенным, что он не убьет спящего, чтоб остаться полновластным хозяином острова и владельцем всего виденного им?

Робинзон думал, что ружье внушает такой страх дикарю, что он не решится его тронуть, но топор придвинул поближе, чтоб удобно было, при надобности, сразу схватить его рукой.

Сон все-таки овладел им, и он крепко заснул.

Когда же открыл глаза, первое, что он увидел, был Пятница, который, сидя около него с зеленой ветвью, охранял его сон, отгоняя мух и москитов. Топор вывернулся из-под него и валялся около. Робинзону стало стыдно за свой страх.

Возвращаясь домой после работы, он решил немедленно взяться за одежду для Пятницы, потому что ему противно было видеть около себя совершенно нагого человека. За долгие дождливые дни он сработал кое-что про запас: были штаны из козьей шкуры да и у куртки не хватало только рукавов. На первое время можно было предложить хоть это.

Робинзону казалось, что дикарь, признавая, видимо, превосходство белого, будет очень доволен

уподобиться ему одеждой, но вышло не так.

Во-первых, очень долго тот понять не мог, как следует ему поступать с данными вещами, потом, как мог выразительнее, стал объяснять, что одежда ему вовсе не нужна. Он указывал на остатки каких-то черных и красных полос, накрашенных на руках и ногах, и только сокрушенно мотал головой, видя, что они стерлись во многих местах.

Но сделав строгое лицо, Робинзон все же приказал надеть все принесенное. Что за несчастный вид принял тогда Пятница! Он показывал, что куртка всюду жмет и трет его, а в штанах он не может ступить и шагу. Но настойчиво потребовал Робинзон, чтоб он не снимал одежды. Дикарь покорно смолк, но печально притих и не сказал ни слова весь вечер.

Когда же пора было итти доить коз и Робинзон позвал его с собой, то бедняга шел с таким трудом, словно гири были привешены к его быстрым ногам.

Козы, кажется, внушали ему сегодня еще больше страха, он, видимо, чувствовал себя совершенно беспомощным и опять не решился войти в ограду.

На обратном пути Робинзон дал ему нести один из горшков молока. Дойдя до дому, дикарь, едва

поставив горшок, повалился на землю в полном изнеможении. Робинзон сердито отвернулся, ему казалось, что дикарь хитрит и притворяется. Но ужин прошел в полном безмолвии и, когда, наконец, на ночь Робинзон позволил дикарю раздеться, тот с явным наслаждением отбросил от себя меха и угрюмо отошел для сна в самый дальний угол двора.

На следующее утро он оделся с большой неохотой, платье, видимо, продолжало сильно стеснять его, но он уж не просил разрешения раздеться. Работал несравненно хуже вчерашнего, собирал какие-то плоды с одного кустарника, которые Робинзон как-то отведывал, но счел совершенно несъедобными и теперь посмеивался про себя на невзыскательность вкуса дикаря.

Тот набрал их целую корзиночку, подобранную где-то на дворе.

Днем Робинзон позвал его купаться. Дикарь плавал и нырял, как рыба, но выскочил из воды раньше Робинзона и убежал в прибрежные кусты. Когда тот позвал его, одевшись сам, дикарь сейчас же выбежал, но в каком виде! Все тело его было покрыто красными полосами, разводами и кругами. Так вот на что понадобились ему неведомые плоды! Он, видимо, был очень дово-

лен собой: смеялся, прыгал, размахивал руками. Робинзон спросил его, куда дел он свою одежду? Он указал на кусты, но постарался объяснить, что теперь никакой одежды ему не нужно, что он красив и так.

Робинзону стало досадно на глупого дикаря, он строго приказал ему сейчас же смыть всю пачкотню и одеться как следует. Тот не сразу понял, чего от него требуют, но когда, наконец, сообразил, то лицо его выражало удивление и глубокую печаль. Он бросился к ногам своего владыки и стал умолять позволить не надевать ненавистного платья. Робинзону вдруг стало совестно: в самом деле, какое право имеет он мучить бедного человека? Платье, надетое на него насильно, не сделает его ни на шаг ближе к образованному миру, а только заставит видеть в Робинзоне сурового господина.

Он поднял Пятницу с колен и дал ему знак, что позволяет не носить одежды.

Каков был восторг бедного человека! Он сделал несколько отчаянных прыжков от радости, затем схватил в охапку платье и собрался отправить его в воду. Едва удержал его Робинзон, объяснив, что эти вещи пригодятся ему самому. По дороге дикий Пятница бегал, скакал, махал руками и

радовался, как молодое животное, освобожденное от ярма.

Но Робинзону очень неприятно было постоянно видеть около себя голого и еще раскрашенного человека, и он не всегда скрывал свое отвращение.

Пятница, видимо, замечал это и стал изо всех сил стараться вознаградить за уступку своей услужливостью и прилежанием. Он как будто чувствовал себя виноватым и хотел загладить свою вину.

Но было ли это так на самом деле? Не был ли больше виноват сам Робинзон? Можно ли было с первых же дней насильно подчинять дикаря своим вкусам? Правда, намерение у него было хорошее: ему хотелось поскорее сделать из дикаря подобного себе человека. Робинзон понял, что нужно прежде всего говорить на общем языке.

И принялся со всем усердием учить Пятницу по-английски. Тот с радостью перенимал каждый день новые слова, а Робинзон приучался видеть его без одежды.

Так как теперь пищи требовалось гораздо больше, а ручных коз Робинзон не хотел истреблять, то на охоту понадобилось ходить гораздо чаще прежнего. Пятница исполнял обязанности быстроногой охотничьей собаки, с необыкновенным

проворством бросаясь за раненым, но убегающим животным и по одному легкому шелесту листвы распознавая присутствие дичи. Но его, видимо, не удовлетворяло это, Робинзон заметил, что он часто осматривает деревья и кусты, словно разыскивал что-то. И раз подвижное лицо его выразило удовольствие, он знаком попросил у Робинзона топорик, бывший с ним, ловко срубил несколько тонких, прямых деревьев и, очистив от ветвей, взвалил на спину, потом заторопился домой.

За эти дни Робинзон настолько освоился со своим товарищем, что ввел его в свое жилище, где не мало забавлялся изумлению и благоговейному страху его перед незнакомыми вещами. Теперь Пятница уселся в угол, завладел ножом, который сразу полюбился ему, и взялся что-то мастерить. Через несколько часов он вскочил и диким прыжком выразил свое удовольствие, потом поднес Робинзону напоказ свою работу. Это был большой лук, сделанный на-диво, тетива была сплетена из крепких волокон какого-то незнакомого Робинзону растения, на земле были разбросаны тонкие прямые стрелы, с птичьим пером, вставленным в расщеп с одной стороны, и наконечником, отточенным остро из железного дерева. В нетерпении стал тащить дикарь Робинзона в лес, видимо,

весь горя желанием испробовать свое оружие. А тому и самому хотелось поглядеть на искусство чуждого племени.

Дичи не пришлось долго искать: заслышав их голоса и шаги, из густой травы выскочил, спасаясь, зайчик. Миг — и с тонким свистом настигла его стрела, и зверек упал мертвым. Торжествуя, проплясал Пятница свой танец, высоко подняв добычу над головой. Через час спинные корзины их были полны. С смешанным чувством восхищения и какого-то неясного недовольства следил Робинзон за охотником. Теперь он должен был признать, что силы их равны и что во всяком случае не беспомощности можно было приписать послушание и покорность Пятницы. Теперь же пора было остановить рвение охотника, потому что дичи было столько, что трудно будет переесть и в несколько дней. Но сделать это было трудно: глаза дикаря горели, все лицо выражало упоение охотой, движения сделались особенно ловки и гибки. В ту минуту, когда Робинзон окликнул его, он, как кошка, подкрадывался к дереву, где сидел большей серый попугай, мясо которого было так жестко и невкусно, что убивать его было только совершенно ненужной жестокостью. Попугай, спугнутый криком, улетел дальше, а Пятница с

видимой досадой оглянулся на Робинзона.

Тот, помогая себе и словами и движениями, указал на множество добычи и постарался объяснить, что жестоко убивать животных без всякой надобности. Пятница внимательно следил за объяснениями и, видимо, что-то соображал. Потом лицо его просветлело, и он несколько раз кивнул головой, выражая свое согласие.

— Да, да! Робин хороший! — и пошел за ним покорно, как ребенок. А Робинзон с невольным уважением вспоминал удивительную ловкость, догадливость и силу дикаря, добровольно признавшего его превосходство. Кроме того, оружие дикаря давало большую экономию пороха, потому что стрельба из ружья становилась совершенно лишней.

После сытного обеда и отдыха, Робинзон решил остаться дома и заняться уборкой впрок дичины, потому что в противном случае от жары на другой же день все протухнет.

Он поманил, было, на помощь Пятницу, но тот, подойдя и увидав, в чем дело, пренебрежительно передернул плечами, махнул рукой на лес — там, мол, этого добра много, — ушел и снова развалился в тени.

А, между тем, дело было скучное: надо было

очистить дичь, нарезать мясо ломтями, продеть его на прутья и выставить вялить на солнце. Через несколько времени Робинзону стало досадно: неужели он, белый образованный человек, должен трудиться для дикаря, а тот, посмеиваясь, будет только следить за его работой и потом пользоваться готовым? Нет! Этого не должно быть ни в каком случае! И, подойдя к Пятнице, он потянул его за руку и строгим голосом приказал взяться за работу. Тот подчинился, как всегда, но его движения были неловки и вялы, и Робинзону не раз пришлось учить его, как лучше приняться за незнакомый ему труд. Все же вдвоем они покончили гораздо скорее, и Робинзон с удовольствием поглядел на аккуратно связанные в пучки перья, кожу животных, положенную отмачиваться в воду, и ряд нанизанных кусков мяса. Приближалась дождливая полоса, и надо было серьезно позаботиться о запасах, принимая в расчет богатырский аппетит Пятницы.

Но тот совершенно не разделял удовольствия своего сожителя, работа утомила и надоела ему, и он лежал теперь в тени, угрюмый и мрачный.

На веселые заговаривания Робинзона он отвечал неохотно, в этом вялом, нахмуренном человеке трудно было узнать недавнего ловкого

молодца.

Робинзону стало досадно, он понять не мог, как такой неутомимый охотник мог устать от сравнительно небольшого труда. К этому лентяю не хотелось относиться с прежним, дружелюбием. Да и сам Пятница вел себя иначе.

Он еще боялся своего господина и смотрел, как на высшее существо, которое может его заставить делать все, что угодно, но его уж не тянуло самому поговорить и посмеяться с ним.

Между тем, ближайшие дни сулили много работы. Хлеб еще не весь был убран, кроме того необходимо было увеличить поле в виду нового едока и вообще позаботиться о запасах.

Робинзон боялся, что дикарь, перестав его бояться, перестанет и слушаться и будет годен лишь для охоты, и потому не бросал своего повелительного голоса и обращения. Чтоб объяснить ему необходимость работы, он постарался указать на приближающееся дождливое время. Оказалось, что Пятница отлично его знает. С забавными ужимками, стал он показывать, как несчастны бывают люди в это время года: как они прячутся в пещеры, как не находят достаточной пищи и худеют, как сыро и холодно бывает кругом. Робинзон одобряюще объяснил, что с ним Пятница

может не бояться всех этих бед, что они будут и сыты и в тепле. Тот внимательно выслушал это объяснение, но, по-видимому, не согласился с ним. Он ответил, что Робинзону хорошо, потому что он белый, птицы и звери слушаются его, ему же все равно будет плохо.

Трудно было объяснить что-нибудь яснее, и Робинзон решил, что время само докажет его правоту, пока же приходилось действовать просто приказанием.

Пятница был очень силен и ловок, но его усердие первых дней почти пропало. Он покорно делал все, что приказывал ему Робинзон, но, видимо, без малейшего удовольствия. Несколько раз случалось так, что объяснив ему, что от него требовалось, Робинзон уходил и работал в другом месте, но, вернувшись, находил своего товарища либо спящего в тени дерева, либо стреляющего в птиц. Только тогда и работал он, когда тут же, за его спиной стоял Робинзон и беспрестанно понукал его.

— Почему ты не работаешь? — спрашивал он лентяя.

— Устал! — неизменно отвечал тот.

Но все же, работая усердно сам и заставляя работать Пятницу, Робинзон успел и приготовить,

и засеять поле, и сделать все нужные запасы.

Раз утром он был разбужен жалобными стонами Пятницы.

— Что с тобой? Болит что-нибудь?

— Холодно… плохо… вода… — испуганно проговорил тот, указывая пальцем наружу.

Действительно, шумел сильный дождь, и слышно было завывание ветра. Пятница, должно быть, успел прогуляться, потому что волосы его были мокры, и он дрожал всем телом.

— Ничего, не бойся: тебе будет хорошо! — ободряюще сказал Робинзон и бросил ему одеяло из козьих шкур, в которое тот с наслаждением закутался.

— Есть хочу! — просительно протянул он опять, вероятно опасаясь, что с холодом пришел и голод.

— Сейчас поедим! Разве ты забыл, сколько мяса у нас насушено? А мука? А изюм? А кокосы и ананасы? Молока стоит два горшка!

Пятница даже привскочил от радости. Он, видимо, сейчас только в первый раз сообразил, как полезны запасы.

— Ай, хорошо! Ай, хороший Робин! — восклицал он.

— Ну вот, видишь! А ты ленился работать.

Теперь будет хорошо и тебе и мне. Не станешь больше, сердиться на работу?

— Нет! Белый хороший, запасы хорошие…

— Если так, затопляй-ка печку и давай варить горячий суп, чтобы согреться!

Пока дикарь проворно исполнял это приятное приказание, Робинзон, глядя на него, думал о том, что до сих пор тот повиновался ему отчасти из благодарности за спасение его жизни, отчасти из страха. Сейчас он, кажется, впервые сознал, насколько Робинзон умнее его.

Все последующие дни Пятница был необыкновенно услужлив и не переставал удивляться предусмотрительности Робинзона, которую он никак не мог понять. Так как он продолжал зябнуть, то Робинзон снова предложил ему одежду, которую на этот раз тот принял с удовольствием и часто сверху кутался еще в одеяло. Вообще, непогода действовала на бедного дикаря очень плохо: он целые дни готов был неподвижно сидеть у огня или спать, закутавшись как можно плотнее.

Робинзону казалось, что он похож на животное, переживающее зимнюю спячку.

XIV
НЕЛАДЫ.
БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Настали снова теплые дни. Солнце обсушило землю, все зазеленело и расцвело снова. Воскрес и Пятница. Прежде всего он схватился за лук и стрелы.

— Идем! Идем! Много птица стрелять будем! — тянул он Робинзона. За время дождей он сильно подвинулся в английском языке и теперь довольно свободно мог объясняться.

Но как ни полезно и приятно было сходить иногда на охоту, но не ждали и другие работы, а к ним у Пятницы не было ни малейшей склонности. Он словно забыл, почему был сыт во время дождей, и старался всячески избавиться от труда.

Раз Робинзон, обходя утром свое поле, заметил, что дикие козы сломали в одном месте изгородь.

Он позвал Пятницу, показал, в чем дело, велел заделать отверстие, а сам занялся чем-то другим.

Работа была нетрудная и небольшая, но, заглянув на другой день, Робинзон убедился, что отверстие разломано было шире, и порядочный

клин ячменя был объеден козами. Он очень рассердился.

— Смотри, что вышло из-за твоей лени! Отчего ты не сделал того, что я велел?

— Я не мог! Топор сломался! Не будь сердит! — робко ответил дикарь, явно испуганный гневом своего господина.

Он указал на топор, соскочивший с топорища.

— Так отчего же ты не поправил топора? Смотри, сколько ячменя теперь пропало!

Пятница равнодушно взглянул на попорченное поле.

— Не будь сердит! Топор сломался! — упрямо повторил он. Робинзон видел, что тот просто боится его, и до поля ему нет никакого дела. Ни слова не говоря, он сам взялся за работу, а Пятница куда-то исчез.

Дня через два снова повторилось приблизительно то же. Пятнице поручено было принести плодов из лесу, с корзиной за спиной он ушел с видимым удовольствием, но прошло очень много времени, а он не возвращался. Робинзон начал беспокоиться, не случилось ли с тем чего недоброго, почудились уж дикари, незаметно высадившиеся на остров и взявшие его в плен. Он вскинул ружье на плечо и пошел на поис-

ки. Пройдя немного, он вдруг заметил в кустах корзину, наполовину наполненную плодами, но самого Пятницы нигде не было видно. Робинзон решил подождать здесь. Немного времени спустя из лесу показался Пятница, За плечами у него были лук и стрелы, между тем, как из дому он вышел с пустыми руками. Не замечая Робинзона, он снял свое оружие, запрятал его глубоко в кусты и пошел за корзиной. И вдруг вздрогнул, встретив взгляд, следивший за ним.

— Где ты так долго был. Пятница? — спросил Робинзон.

— Не сердись! Мало было плодов! Искал далеко!

— Ты, верно, охотился?

— Не охотился, собирал плоды!

— А для чего же у тебя лук и стрелы лежат в том кусте?

Этот вопрос так смутил Пятницу, что он побледнел и выронил корзину.

— Белый все знает! — в ужасе проговорил он, падая на колени. — Не сердись! Не буду больше!

— Хорошо, Пятница, я не буду сердиться, только скажи мне правду, зачем ты обманывал меня?

— Я правду, — смиренно ответил дикарь. — Ты любишь хлеб и молоко, а я люблю убивать и есть.

Ты сердит… Когда не знаешь, я стреляю!

Робинзон постарался объяснить ему, что он не сердит, но необходимость заставляет работать, но что Пятница, покончив с ежедневными делами, может охотиться сколько душе угодно. У него же самого было очень горько на душе. Какое доверие можно иметь к человеку, который совершенно не понимает того, что от него требуют, и обманывает на каждом шагу? Как знать, что бродит у него в голове дикаря.

Все больше исчезала надежда найти себе в дикаре товарища и друга.

Раз вечером оба пошли на морской берег с намерением поймать черепаху. Погода была не очень жаркая, воздух был необыкновенно ясен, и полоска земли, видная вдали, вырисовывалась на этот раз вполне отчетливо.

Робинзон ушел несколько вперед, оглянувшись, он не увидел Пятницы. Тогда он повернул обратно и вдруг остановился в изумлении. Пятница стоял на коленях у самой воды, протянув руки к полоске земли, по щекам его текли крупные слезы, все лицо выражало такую тоску, что у Робинзона сжалось сердце.

— Пятница, что с тобой? — окликнул он его.

Тот медленно навернул голову и едва выгово-

рил от рыданий.

— Там, там моя земля! Мои братья!

— Тебе хочется вернуться туда? Тебе худо со мной? — дрогнувшим голосом спросил Робинзон.

Пятница уныло повесил голову.

— Там, что хочу, то и делаю, — проговорил он, и его блестящие глаза с нежностью устремились на родину, — там все мое, там мои братья, здесь я один!

— А я то? Разве я не с тобой?

— Ты? Ты — белый! Ты велишь, я делаю…

Больно кольнули Робинзона эти простые слова.

Вот и дикарь тоскует, он понимает, что они не друзья, не братья. На одну минуту у Робинзона явилось сильнейшее желание броситься к Пятнице на шею и сказать:

— Будем друзьями, я тоже одинок, как и ты! Не работай ничего, если не хочешь, я готов трудиться за обоих, только люби меня!

Но что-то остановило его.

«А вдруг Пятница ничего не поймет и просто обрадуется, что можно жить чужими трудами!»

И сдержав свой порыв, Робинзон просто ласково похлопал по плечу дикаря и сказал ему:

— Полно, Пятница, не горюй! Нам обоим скучно здесь, но пока делать нечего, надо терпеть, Пойдем-ка лучше домой, не надо нам и черепахи!

Пятница еще раз с тоской оглянулся на родной берег и тихо поплелся сзади. Обоим было очень тяжело.

На утро, оставив Пятницу толочь ячмень, Робинзон пошел доить коз, потому что это дело было особенно ненавистно его товарищу. На пастбище, среди травы, он заметил какой-то мясистый толстый корень, вероятно вырытый случайно копытами животных. По своей привычке пробовать все с виду годное в пищу, Робинзон отломил кусочек и положил в рот. Корень оказался очень приятного вкуса, и понемножку он съел его весь. Потом, взяв горшки с молоком, отправился домой.

Но едва пройдя часть пути, Робинзон почувствовал странную дурноту. Сперва ему казалось, что она происходит от того, что солнце пекло невыносимо, но потом начались ужасные боли в животе, сердце словно перестало биться и, совершенно обессиленный, он упал на землю, не будучи в состоянии даже позвать на помощь.

Тут только он понял, что отравился неизвестным корнем. Страдания были так велики, что

Робинзон рад был смерти, чтобы прекратить их.

Вдруг послышались шаги приближающегося Пятницы. С испуганным видом он бросился к больному, встал на колени, несколько мгновений вглядывался в него, потом разразился отчаянными рыданиями.

— Пить! — едва пролепетал Робинзон, надеясь водой залить огонь, жегший его внутри.

Пятница схватил горшок парного молока, стоявший тут же, и поднес его к губам. С жадностью глотал Робинзон, от молока тошнота еще усилилась, и началась жестокая рвота. Ему казалось, что пришли последние минуты его жизни, то же самое думал, вероятно, и Пятница, он стоял рядом, дрожа всем телом и бормоча какие-то слова на родном языке.

Но, передохнув немножко, Робинзон почувствовал, что ему значительно легче: резь в животе прошла, сердце не замирало больше, оставалась только сильная слабость Глаза его закрылись сами собой, и он крепко заснул.

Судя по солнцу, день уж шел к вечеру, когда он проснулся. Ему было гораздо лучше. Возле сидел Пятница, большим листом отмахивая мух, под головой у Робинзона была подушка, принесенная из дому. Такая заботливость тронула его, он

протянул руку Пятнице, улыбнулся и сказал, что здоров.

Дикарь пришел в неописанный восторг. Он вскочил с места, принялся скакать и кружиться, размахивая своим листом над головой.

Робинзон попробовал приподняться, но голова его закружилась, и он чуть не упал снова. Тогда Пятница, не слушая никаких возражений, схватил его и своими сильными руками понес, как маленького ребенка. Дома он бережно уложил больного в постель и опять уселся рядом, заботливо заглядывая в глаза. Робинзон едва мог уговорить его пойти приготовить себе какой-нибудь обед, потому что оказалось, что бедняга не ел весь день.

Три дня пролежал таким образом Робинзон, чувствуя легкую боль в животе, а, главное, сильную слабость. Вспоминалась ему часто его первая болезнь на острове, то, как он мучился, не имея сил добыть глотка воды, как одиноко и беспомощно лежал, тогда, как бесконечно тянулись часы выздоровления.

Теперь не то. Он видел, что каждая жалоба вызывает сочувствие на лице преданного человека, что все мысли этого человека направлены на то, чтоб помочь ему. Самая нежная мать не могла

бы лучше ухаживать за больным сыном. Зная, что Робинзона тревожат необходимые работы по хозяйству, Пятница, не ожидая приказаний, поспевал повсюду и, между тем, находил время ухаживать за ним. Приготовляя обед, он применялся к вкусам Робинзона и давал его любимые кушанья.

Если лицо больного было невесело, он садился рядом и начинал петь песни на родном языке или старался завязать разговор по-английски. До сих пор успехи были неважны, он часто забывал самые обыденные слова, но теперь он изо всех сил старался говорить как можно больше и лучше.

На четвертый день Робинзон встал и вышел немного подышать чистым воздухом на дворик.

Пятница так и сиял от радости, он бегал из стороны в сторону, стараясь чем-нибудь услужить больному, ежеминутно оглядываясь на него и весело кивая головой.

— Отчего ты так радуешься моему выздоровлению, Пятница? — спросил его, наконец, Робинзон.

— Ты спас мне жизнь! — отвечал тот, склоняя голову и прикладывая руку к сердцу, — всегда помню!

Слезы навернулись на глаза Робинзона.

За услугу, оказанную почти бессознательно, по невольному желанию каждого спасти жизнь своего ближнего от жестокой смерти, этот благородный человек считает своей обязанностью служить и угождать ему, мало того — любит его всем сердцем, прощая и забывая, что, спасши ему жизнь, Робинзон обратил его почти в своего слугу и беспрестанно заставляет поступать против его вкусов и наклонностей.

Робинзону стало очень нехорошо на душе, нежная заботливость Пятницы даже мучила его, потому что он понимал, как мало заслуживал ее. Ему хотелось хоть лаской загладить свою прежнюю суровость. Но Пятницу смущало непривычное обращение, он, вероятно, приписывал его слабости и из сил выбивался, чтоб угодить Робинзону.

Как-то к обеду он испек удивительно вкусные лепешки. Протягивая руку за второй, Робинзон поинтересовался узнать, из чего они сделаны. Ничего не говоря. Пятница встал и подал ему тот самый корень, которым тот отравился. Робинзон так и ахнул.

— Неужели из этого? Да ведь это яд! Я от этого чуть не умер!

— Нет! — засмеялся черный повар, — это касса-

ва. Сырой — умирает, на огне — очень хорошо!

Расспросив по возможности Пятницу, Робинзон, наконец, понял, что отравился корнем кассавы, о котором когда-то, еще дома, слышал рассказы, что им пользуются дикари вместо хлеба. Но для этого его растирают, выжимают весь сок и тогда пекут на огне.

Робинзону пришло в голову, что если бы он раньше не думал только о своем превосходстве над дикарем, так давно рассказал бы ему об этом растении. Так что вся болезнь его была следствием его самонадеянности и презрения к человеку, которого он считал ниже себя. А как часто в одинокие годы жизни на острове давал он себе слово в случае возвращения к людям быть всегда справедливым и добрым к ним, и вот сразу впал он в ошибку! Судьба свела его с человеком во многом лучше и добрее его самого, бывшим и сильнее и ловче, имевшим не мало знаний, не хватавших ему, но он не считал его равным, потому что тот был иной. О, как зол и неразумен он был! Робинзон мучился угрызениями совести и с нетерпением ждал своего выздоровления, чтоб переделать жизнь совсем на другой лад.

Силы его заметно прибывали, и скоро можно стало приниматься за работу. Это было насто-

ящим праздником для Робинзона! Он решил трудиться так же усердно, как до появления Пятницы. Никаких приказаний больше не будет никогда. Правда, тот сильнее его, но зато с детства не привык к правильному труду и не понимает необходимости его. Робинзон надеялся, что, поживши подольше на острове и убедившись в пользе разных работ, он сам захочет принять в них участие. А пока не надо трогать его.

Пятница, видимо, очень удивлялся, что его не заставляют больше работать, несколько раз он выжидательно подходил к Робинзону, но тот не звал его с собой. Но скоро неокрепшие силы Робинзона доказали, что он слишком понадеялся на них. Проработав час или два, он так уставал, что не мог двинуть ни одним членом.

Настала, между тем, пора подготовить землю для посева. Это была большая и трудная работа, и Робинзон попробовал пригласить Пятницу с собой. Но, поработав с полчаса, тот ушел под каким-то предлогом. Дело было спешное, и Робинзон решил не оставлять лопаты, пока не обработает известной части поля. День был жаркий, солнце сильно пекло, и скоро он почувствовал, что голова начинает кружиться, а руки и ноги дрожат.

Вдруг в глазах у него потемнело, и он без чувств упал на землю. Очнулся он от того, что Пятница дул ему в лицо и смачивал голову водой.

— Опять кассава? — спросил он тревожно.

— Нет, мой друг! — слабым голосом ответил Робинзон, — просто я устал немного, и закружилась голова. Помоги мне дойти до дому, я полежу и буду совсем здоров.

Пятница бережно уложил его в постель и с любопытством спросил:

— Зачем работал, когда устал?

— Надо было! Ты же знаешь, что скоро начнутся дожди и, если я не успею засеять поля, то у нас не будет хлеба.

— А зачем мне не велел?

— Я тебя звал, но ты ушел куда-то!

Пятница задумался и медленно отошел в сторону, но через несколько минут вернулся, неся в руках палку.

— Вот! Бей меня! — сказал он, поворачиваясь и подставляя спину.

— С какой стати? — удивился Робинзон.

— Бей! Я ленивый, плохой! Бей!

Робинзон засмеялся и отбросил палку.

— Полно! Ты же не бьешь меня, когда я бываю сердит и нетерпелив!

Пятница, кажется, не понял этих слов, но видно было, что он очень смущен нездоровьем своего товарища. Весь следующий день он усердно проработал в поле и вечером согласился уйти только вместе с Робинзоном. И странное дело! Раньше, когда он работал по приказанию, каким неловким и неумелым был он часто. Теперь же работа так и кипела в его руках, и он делал вдвое больше прежнего.

Так своевременно было засеяно поле, закончены запасы для холодного времени года, и можно было спокойно дожидаться его.

— Ну, Пятница, — сказал как-то Робинзон, — мы с тобой так хорошо поработали это время, что теперь можно трудиться меньше. Я отлично справлюсь теперь со всеми работами, а ты делай, что хочешь!

Пятница задумался и молчал несколько минут.

— Нет! — сказал он, наконец, тряхнув головой, — так нехорошо. Когда работы мало, и ты и я будем делать мало, когда много — будем делать много. Лучше так: вместе работать, вместе есть, вместе отдыхать!

Робинзон покраснел. Снова дикарь давал ему урок. Так ли рассуждал недавно он сам? Нет, он

выбирал себе дело по вкусу, не спрашивая другого, нравится ли ему его доля труда.

— Но послушай, Пятница, — попробовал он возразить ему, — ты не можешь работать столько, сколько я: ты не любишь труда, а я его люблю.

— Зато я сильнее тебя! Ты любишь одно, а я другое, так и будем делать.

Мысль была вполне разумная и пришлась по душе и Робинзону. Обсудив все подробно, оба решили поделить все дела между собой таким образом: Робинзон взял на себя весь уход за стадом, к чему Пятница питал непобедимое отвращение. Затем на нем же лежало приготовление пищи и содержание в чистоте двора и дома. На долю Пятницы досталась обработка поля и жатвы, снабжение дичью и плодами, заготовка дров. Таким образом, каждый делал, что ему было больше по вкусу, и у каждого оставалось достаточно свободного времени.

Так по-новому наладилась жизнь Робинзона и Пятницы.

XV
ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ С ПЯТНИЦЕЙ

Выдался особенно жаркий день, Пятница все же ушел на охоту. Но не прошло и получаса, как он вбежал назад, совсем перепуганный: длинные волосы его растрепались, глаза выражали ужас.

— Беда, беда! — задыхаясь, прокричал он.

Испугался и Робинзон, сидевший с какой-то работой у порога пещеры.

— Что такое? Дикари? Где они?

Последнее время, занятый своей жизнью, он совсем мало вспоминал о них.

— Нет! Нет! Хуже!

Пятница схватил Робинзона, потащил на открытое место и дрожащей рукой указал на подымавшуюся из-за горы огромную, свинцовую тучу. Гром глухо прогремел в эту минуту.

— Слышишь? Слышишь? — в отчаянии проговорил Пятница.

Робинзон вздохнул свободно и усмехнулся — беды никакой не было. Он попробовал ободрить товарища, но это ни к чему не повело: Пятница забился в самый дальний угол пещеры и скорчил-

ся там, закрыв лицо руками. Стемнело. Робинзон зажег светильник и взялся, чтобы не терять времени, за шитье начатой новой куртки.

На дворе, между тем, разразилась действительно ужасная гроза: оглушительные удары грома не умолкали, ослепительные молнии освещали пещеру, видно было, как ветер клонил деревья чуть не до земли. Жалобные стоны раздавались из того угла, куда забился Пятница.

Часа через два буря утихла, туча пронеслась, и снова засияло солнце. Робинзон потушил лампу, вышел во двор и вдохнул полной грудью освеженный душистый воздух.

— Пятница, все прошло, поди сюда! — позвал он того. Бедный дикарь осторожно показался у входа. Он опасливо поглядел на небо и, только убедившись, что оно ясно, осмелился присоединиться к Робинзону.

— Чего ты так испугался, Пятница? — спросил тот, — разве кого-нибудь из ваших убило молнией?

— Саваку всех может убить! И тебя, и меня, и всех, — мрачно ответил дикарь.

— Что это за Саваку?

Теперь удивился Пятница.

— Ты не знаешь Саваку? — недоверчиво

спросил он. — Ведь это Саваку гремел сейчас и блестел!

— А я-то и не знал! — засмеялся Робинзон. — Что ж, он очень страшен, твой Саваку?

— Очень страшен: кого захочет, того и убьет!

— Ну, теперь он ушел, пойдем-ка погуляем! Смотри, как стало хорошо!

Они вышли из дворика и спустились в цветущую долину у берега ручья. Везде на зелени горели алмазами необсохшие капли дождя, все цвело и благоухало, воздух стал необыкновенно прозрачен.

— Смотри, утром все цветы поникли и почти увяли, трудно было дышать, разве теперь не лучше? — спросил Робинзон.

— Лучше! — кивнув головой, ответил Пятница, но вдруг опять закрыл глаза руками и в страхе отвернулся. — Юлука глядит на нас, а мы ему ничего не дали!

— Какой еще Юлука?

Тот показал пальцем на яркую радугу, повисшую над морем.

— Юлука — великий господин, ему надо дать рыбы, а то будет плохо!

— Полно, Пятница! — дружески похлопал его по плечу Робинзон. — Никакого тебе зла не будет.

Я никогда не даю ничего твоему Юлуке, а, ты видишь, живу хорошо!

Рис. 15. Беседа Робинзона с Пятницей.

Как жалел он, что не может объяснить тому, что такое гром и молнии, он понимал, что Пятница, привыкнув с детства к этим верованиям-сказкам, не может сразу оставить их. Пока он решил сам хорошенько ознакомиться с ними.

— У вас, значит, есть только Саваку и Юлука? —

спросил он.

— Нет! — отвечал тот, — у нас много, много богов, всех не сказать, старики знают! Курумон сотворил, мужчин. Кулимина женщин, а Лагуо — зверей.

— И все они злые?

— Нет, не все! Есть и добрые, но всем надо давать мясо, и рыбу, и плоды, чтоб не были сердиты.

Робинзон в душе решил понемногу научить Пятницу высокому христианскому учению, пока же постараться как можно больше заслужить его доверие. Испортить легко, но поправить всегда трудно, и не сразу вернулась к Пятнице его прежняя веселая улыбка и доверчивое обращение с Робинзоном. На счастье, он уж порядочно болтал по-английски и сговориться становилось все легче. Вечером, отдыхая, или за едой их беседы становились все интереснее для обоих. Давно хотелось знать Робинзону о прежней жизни Пятницы, и раз он спросил его:

— А что, Пятница, храброе ваше племя? Побеждаете вы других?

Тот гордо кивнул головой.

— Да! Очень храброе! Мы всегда побеждаем!

— А как же это вышло, что ты попался в плен?

— Ну так что ж? Наши все-таки побили их! Где я был, чужих было больше. Они схватили — один, два, три — и меня. А наши побили их в другом месте, много — один, два, три, много больше.

— Почему же не отняли вас у врагов?

— Чужие посадили в лодки и скоро поплыли, а у наших не было тут лодок.

— А что же делают ваши, когда попадутся им чужие? Увозят их куда-нибудь и съедают?

— Да! Все так делают у нас!

— А здесь ты бывал со своими?

— Бывал! Только там! — махнул Пятница рукой в сторону западного берега острова.

С невольным содроганием взглянул на него Робинзон. Он был, значит, на том ужасном пире и принимал участие в нем, его смирный и добрый Пятница.

Теперь Робинзон не мог успокоиться, пока не выспросит Пятницу обо всем, что тот знает. Каждый вечер начинались эти разговоры. Так, Робинзон спросил: опасно ли переплывать с той земли на его остров, и узнал, что Пятница не знает случая, чтобы лодки погибали.

Земля, чернеющая вдали, оказывалась большим островом.

Робинзон засыпал Пятницу расспросами о его

родине, расспрашивал о берегах ее, жителях и их нравах. Но Пятница и сам знал не слишком много. Он твердил: «Карибу! Карибу!» и Робинзон догадался, что он говорит о караибах, которые действительно живут по берегам Южной Америки.

Когда же раз он спросил, видел ли когда-нибудь Пятница белых людей до встречи с ним, и был уверен, что получит отрицательный ответ, — тот неожиданно сказал:

— Да! Полная лодка белых людей!

— Где же они? Откуда взялись и живы ли теперь? — с замиранием сердца спросил Робинзон.

— Живы, не потонули, мы их спасли!

— Сколько же их?

Пятница на пальцах показал, что их семнадцать человек. Расспросив о времени, когда его соплеменники приплыли к дикарям, Робинзон сообразил, что это, наверное, была команда с того корабля, который разбился вблизи его острова и оставил ему печальный подарок в виде трупа молодого матроса. О, если бы к нему причалила та лодка! Почему нужно было, достаться им чуждому племени? И с волнением он спросил, как могло случиться, что дикари не убили и не съели их?

— Белые люди стали нам братья, они не делали нам худа. Наши едят только чужих на войне! — с некоторой обидой ответил Пятница.

Между тем, пришло снова дождливое время года.

Как тяжело и неуютно было обоим в прошлый раз, когда они чувствовали себя чужими друг другу, и как приятны и радостны стали теперь часы, проводимые вместе. Шитье обуви и одежды занимало Робинзона, Пятница же, наносив дров и разведя хороший огонь на очаге, до чего был великий охотник, потому что его зябкое тело сильно нуждалось в тепле, подсаживался близко к Робинзону и просил:

— Говори!

Как-то тот пробовал рассказать Пятнице о том, как попал на остров, как обзавелся всем хозяйством, и с тех пор дикарь не давал ему покоя. Боясь проронить хоть слово, сидел он неподвижно, не сводя глаз со своего нового друга. Все казалось ему чудесным, как волшебная сказка. Робинзон видел, что все с большим уважением и любовью смотрят на него правдивые глаза дикаря.

Но когда Робинзон захотел перейти к рассказам о своей родине, то удивлению Пятницы не было границ. Иногда долго приходилось объяснять ему

самую обыкновенную вещь. Например, никак не мог он представить себе, что такое лавка.

Когда же понял, наконец, то это так понравилось ему, что он принялся прыгать и хохотать от восторга. Не менее удивляли его рассказы о езде на лошадях. Тут уж он никак не мог поверить, чтобы дело обошлось без колдовства.

— Уж, верно, они боги, эти кони! — уверенно говорил он. — Какие вы, белые, умные! Все вас слушаются! Хорошо вам жить!

Но Робинзон печально усмехнулся.

— Не так-то хорошо, мой друг: и у нас есть война, злоба и несправедливость.

— Разве никто не говорит вам, как надо лучше?

— У нас есть Божественный Учитель, Христос. Он жил очень давно, но мы все знаем его ученье: Он велел любить всех, как братьев, трудиться, прощать обиды и делать добро. В память его мы называемся христианами. Самый дурной человек станет хорошим, если будет стараться жить по словам Христа. Но люди забывают их часто и живут дурно.

— А ты помнишь, друг? — задумчиво спросил Пятница, не спускавший глаз с Робинзона.

— Я стараюсь не забывать их... — смиренно

ответил тот.

— Скажешь и мне! — решительно заявил Пятница. — Хочу стать хорошим!

В пещере было тепло, на очаге варился вкусный ужин, а снаружи шумел дождь, и глухо ревело бурное море. Пятница поник головой, лицо его стало печально, он подошел к входу и долго вглядывался в ночную тьму.

— Что с тобой, Пятница? Хорошо ли тебе? — спросил, наконец, Робинзон, давно наблюдавший его.

— Хорошо! О, хорошо! — горячо воскликнул тот. — Мне тепло и много кушать, а братьям моим холодно, они дрожат и нет, что кушать! Я хотел бы отдать им все! Всем надо хорошо!

Робинзон вздохнул, на совести его стадо тяжело. Далеко ли то время, когда он чувствовал себя существом неизмеримо высшим, а на Пятницу смотрел только, как на дикаря и лентяя? А, между тем, сейчас он безмятежно наслаждается теплом и безопасностью, нимало не заботясь ни о чем, а дикарь этот страдает за своих соплеменников, и доброе сердце его чутьем угадывает то, о чем так часто забывают люди, называющие себя христианами.

XVI
НОВАЯ ЛОДКА. ДИКАРИ

Часто думалось Робинзону о тех семнадцати белых, что жили сравнительно так близко от него. Если бы он мог соединиться с ними, может быть, сообща они придумали бы способ вернуться на родину или хоть добраться до европейских колоний в Южной Америке.

Но как это сделать? Без большой лодки нечего было и думать пускаться в путь.

Робинзон решил как-нибудь поговорить с Пятницей о своих желаниях. Раз, идя вместе по лесу, он спросил его:

— А что, Пятница, хотел бы ты вернуться к своим?

— Да! — ответил он, — я бы много рад был воротиться домой!

— Что ж бы ты стал там делать? — продолжал Робинзон, — опять сделался бы прежним и стал бы есть человеческое мясо?

Пятница сильно замотал головой и воскликнул:

— Не стал бы! Никогда не стал! И им бы не

велел!

— Тогда они съели бы тебя!

Пятница даже рассердился немножко.

— Не съели бы! Я сказал бы им, что надо хорошо жить, любить друг друга и не ссориться. Они рады знать доброе!

Тогда Робинзон решил показать Пятнице свою лодку. Давно уж он доверил ему все свое имущество.

Трудно было научить Пятницу стрелять, потому что долго звук выстрела внушал ему ужас, но когда он попривык, то сам запросил ружье и прыгал, как ребенок, застрелив первую птицу.

С тех пор он сделался очень недурным стрелком, благодаря необыкновенной верности глаза.

Только лодку, глубоко запрятанную в глубине маленького заливчика, как-то не собрался показать ему Робинзон.

Теперь он провел его туда и с торжеством показал свое сокровище.

— Вот лодка, Пятница! Если хочешь, можешь ехать на ней домой!

С величайшим интересом тот прыгнул к лодке и стал ее подробно осматривать, покачивая головой и бормоча что-то вполголоса.

Потом печально поглядел на Робинзона и ска-

зал:

— Мала лодка! Нельзя ехать!

— А если мала, то надо сделать большую… Эту лодку я делал один, вдвоем мы быстро сделаем другую, и ты уедешь к своим!

Пятница не пришел в восторг от этих слов, как ожидал Робинзон, а неподвижно стоял, не то с недовольным, не то с сердитым лицом.

— Что с тобой, Пятница? Разве тебе не хочется сделать лодку? — наконец, спросил Робинзон.

— А зачем сердишься? — вместо ответа спросил тот.

— С чего ты взял, что я сержусь? Нисколько я не сержусь!

— Не сержусь! Не сержусь! — ворчливо передразнил Пятница, — зачем тогда гонишь Пятницу? Что я сделал?

— Да ведь ты же сам говорил, что тебе хочется домой?

— Да, хочется, только чтобы оба! Ты не едешь, я не еду. Один не хочу!

— Но послушай! — возразил Робинзон, — зачем я поеду к твоим? Что же я там буду делать?

Пятница живо повернулся, и его глаза заблестели.

— Много делать! Хорошо делать! Будешь учить

лучше быть, как я!

— Ну, будь по-твоему! Давай делать лодку, а там посмотрим! — весело ответил Робинзон.

Не поскупился Пятница на прыжки и танцы в знак своей радости, потом указал на топорик, висевший у его пояса, и полушутя, полусерьезно воскликнул:

— Если ехать не будешь, а меня посылаешь, лучше убей! Один не поеду!

На другой же день отправились в лес искать подходящее дерево. Конечно, деревьев было много, одно лучше другого, надо было выбрать такое, что росло бы недалеко от берега, чтобы не слишком трудно было спустить потом лодку в воду.

Выбор Робинзон предоставил Пятнице, потому что видел, что тот прекрасно понимает толк в этом.

Дело пошло живо, рубили вдвоем, но, когда ствол был готов для выделки лодки, вышел было маленький спор: Пятница хотел внутренность непременно выжигать огнем, как делают у них, Робинзон же настаивал на том, чтобы, главным образом, работать топором и стамеской. Скоро Пятница убедился на деле, что Робинзон прав, и охотно подчинился ему, впрочем, ворчливо заметив:

— Хорошо вам, белым! Вы в земле находите такие хорошие вещи: ножи и топоры! У нас только камни!

Робинзон расхохотался от души.

— Как? Ты думаешь, что мы находим их готовыми? Да, я тебе говорил, что железо находят в земле, только много работы над ним, прежде чем можно сделать из него топор или нож!

И, стараясь говорить понятно, Робинзон стал рассказывать о рудниках, плавильных печах и тяжелом труде, выпадающем на долю людей. Пятница слушал, полуоткрыв рот и застыв неподвижно, изредка только поглядывая на свой топор, о котором слышал такую удивительную историю.

Рис. 16. Робинзон и Пятница рубят лодку.

Когда Робинзон говорил о том, как трудно рабочим, Пятница не выдержал и прервал его.

— Зачем делают это, если трудно? — воскликнул он.

— Потому что они бедны! — грустно ответил

Робинзон.

Оказалось, что это понятие почти незнакомо Пятнице. Он долго понять не мог, как можно не иметь необходимого?

— У нас — иди и возьми! — говорил он. — Зачем работать? Птицы много, орехи много, всем хватит!

И окончательно не мог он в толк взять, что топоры, которые выделывают эти люди, достаются не им, а другим, богатым, у которых много всего.

— Разве богатые не любят бедных? — спросил он живо.

Робинзон в затруднении пожал плечами.

— Ты же говорил, что ваш учитель велел любить друг друга, отчего же вы его не слушаете? Я бы сказал: будем вместе работать, что твое, то мое, а я тебе работаю!

Робинзон вспомнил о роскоши, в которой живут одни люди, и о бедности, доставшейся на долю других, и тяжело вздохнул.

— Да, Пятница, у нас делается не все так, как надо! — признался он.

Пятница тоже затуманился и был неразговорчив весь день. Вероятно, ему грустно было расстаться с мыслью, что далекая страна, казавшаяся ему такой волшебно прекрасной,

населенной полубогами, оказывается, на самом деле, совсем другой.

А лодка, между тем, все больше и больше обозначалась из бесформенного ствола дерева. Она выходила гораздо больше первой. Когда обтесали ее снаружи топорами, чему Пятница мигом выучился, сгладили все неровности, а внутри сделали две скамьи, то вышла она хоть куда, настоящей морской лодкой. Спустить в воду тоже было не просто.

Делали деревянные катки и, перекидывая их все дальше и дальше, черепашьим шагом передвигали лодку. Слишком мало рабочих рук было для этого дела! Зато, как хорошо держалась лодка, когда наступил торжественный час, и она закачалась на воде. Пятница оказался гребцом на-диво: несмотря на величину лодки, она слушалась его всецело, он быстро поворачивал, менял, направление и, видимо, сам нарадоваться не мог на новинку.

Очень были довольны и Робинзон, и Пятница, но был еще один замысел, о котором Робинзон пока не говорил. Ему непременно хотелось поставить мачту и сшить паруса, в чем Пятница ничего не смыслил.

Для мачты было сколько угодно молоденьких

деревьев, прямых, как стрела, но сшить паруса было труднее.

За столько лет вся остававшаяся парусина порядочно подгнила, и лишь с трудом удалось набрать нужные куски. Немало изрезал ее Робинзон для Пятницы, вся одежда его состояла теперь из парусиновых штанов. Они стесняли его меньше меховых, и пришлось сделать ему эту уступку. К меховой куртке обращался он только во время дождей, когда готов было надеть на себя что угодно, лишь бы защититься от холода.

Два месяца трудился Робинзон над оснасткой своего суденышка. В этом деле Пятница не мог помочь ему.

— Ну что, Пятница, на такой лодке можно плыть к вашим? — спросил Робинзон.

— О! Много можно! — ответил тот в восторге.

Плавание не представляло особенной трудности, по мнению Робинзона. Если выбрать ясный день для путешествия, то земля не пропадала бы из виду, и было бы не трудно знать, куда держать путь. К сожалению, приближалась дождливая полоса, и нельзя уж было рассчитывать на постоянную погоду. Волей-неволей надо было переждать ее. Пятница соглашался с этим, но с большим неудовольствием, Робинзона же давно

жизнь научила терпению.

Пока необходимо было позаботиться о надежном приюте для новой лодки, потому что буря не редка в это время. Они перевели лодку в бухточку, памятную тем, что тут Робинзон впервые пристал со своим плотом. Дождавшись прилива, они подтянули лодку возможно выше к берегу. Когда же начался отлив и она очутилась на сухом месте, они с Пятницей выкопали возле глубокую яму такой длины и ширины, чтоб лодка могла поместиться туда. Когда со следующим приливом яма наполнилась водой и лодка встала, на приготовленное место, прочной плотиной они отгородили ее со стороны моря, чтобы держать в полной безопасности.

Наконец, чтобы предохранить от дождей, сверху накидали густо ветвей, образовавших непроницаемую крышу. Теперь можно было спокойно пережидать плохое время года.

Как только кончилось оно и погода стала устанавливаться, Робинзон и Пятница начали деятельно готовится к дальнему плаванию. В скучные дни они уж до мельчайших подробностей рассчитали и сообразили все, что может понадобиться им в пути, сколько провизии нужно взять и какой именно. Накануне отъезда,

утром, Робинзону вдруг захотелось прибавить еще черепашьих яиц к своим запасам, Пятница вызвался сбегать на берег поискать их.

Не прошло и получаса, как он прибежал назад. Как полоумный, не помня себя, он птицей перелетел ограду и, прежде чем Робинзон успел спросить, в чем дело, задыхаясь, закричал:

— Друг! Друг! Беда! Нехорошо!

— В чем дело? Что случилось? — спрашивал тот в тревоге.

— Там, на берегу лодки — одна, две, три… одна, две, три!

Потом оказалось, что их действительно три, а не шесть, как можно было бы подумать сначала.

— Ну, что за беда, Пятница? Не бойся, друг! — сказал Робинзон, стараясь его ободрить.

Бедняга был страшно напуган, вероятно, ему показалось, что дикари явились за ним, разыщут его и съедят. Он так дрожал, что Робинзон не знал, что с ним делать. Начал с того, что дал ему глоточек рому, которого еще хранилось немного на случай болезни, а потом стал доказывать, что ничего особенно страшного не случилось.

— Ведь мы же постоим за себя! — говорил он. — Смотри, сколько у нас ружей! Ведь ты хорошо стреляешь теперь!

— Да, только их много! — возразил Пятница, уже гораздо спокойнее.

— Не беда! Одних мы убьем, а другие сами разбегутся от страха. Я обещаю тебе храбро защищать тебя, но и ты обещай мне не трусить и во всем слушаться меня.

Он ответил просто.

— Я умру, если ты велишь. Скажи, что делать.

Они собрали все огнестрельное оружие, бывшее всегда в полном порядке, и зарядили его. Кроме того, Робинзон прицепил острую саблю, а Пятница, как всегда, свой любимый топор.

Приготовившись таким образом к бою, Робинзон взял подзорную трубу и влез на гору. На берегу моря он увидел дикарей, их было двадцать один человек, да, кроме того, на песке лежало двое связанных людей, очевидно, военнопленных, обреченных на съедение. Не было никакого сомнения в том, что предстоит обычный кровавый пир. С негодованием убедился Робинзон, что дикари высадились на этот раз значительно ближе к его жилищу и бухточке, где хранилась лодка. Надо было пытаться спасти несчастных жертв во что бы то ни стало и помешать их торжеству.

Живо спустившись с горы, он объявил Пятнице свое решение и еще раз спросил, готов ли он

помогать ему. Тот теперь совершенно оправился от испуга и с бодрым видом повторил, что готов умереть за него.

Тогда Робинзон поделил приготовленное оружие, а они тронулись в путь.

Пятнице он дал один из пистолетов, который тот заткнул за пояс, и три ружья, а сам взял все остальное. На всякий случай сунул в карман бутылочку рому, а Пятнице на спину повесил мешок с порохом и пулями. Оба захватили еще по хорошему ломтю хлеба. Он строго приказал следовать за собой молча и стрелять лишь тогда, когда он прикажет.

Пришлось сделать довольно большой крюк, чтоб обойти бухту и подойти к неприятелю со стороны леса, потому что только оттуда можно было это сделать незаметно. С всевозможными предосторожностями и полным молчанием подвигались они по лесу. Наконец, когда только несколько рядов деревьев отделяло их от открытого берега, где находились дикари, Робинзон подозвал Пятницу, указал на толстое дерево почти на выходе из леса, велел пробраться туда и посмотреть, что делают дикари. Не раз приходилось Робинзону видеть, с какой ловкостью пробирается Пятница по лесу, скользя беззвучно,

как змея, и потому и дал ему это поручение. Он скоро воротился и сообщил, что все отлично видел, что дикари сидят вокруг костра и едят мясо одного из привезенных ими пленников, другой лежит тут же, связанный, на песке.

— Должно быть, сейчас его есть будут! — прибавил Пятница совершенно спокойно.

«Пора действовать!» — подумал Робинзон, но каково было его отчаянье, когда Пятница сказал еще, что узнал в пленнике одного из белых, поселившихся с его племенем. В волнении выхватил Робинзон бывшую с ним подзорную трубу; сомнения быть не могло: продвинувшись немного, он ясно увидел связанного, белого человека. Руки и ноги его были стянуты гибкими прутьями или чем-то подобным. На нем была европейская одежда.

Еще ближе подошли они к дикарям. Приблизительно на расстоянии половины ружейного выстрела до них, росло еще одно толстое, развесистое дерево, до которого, соблюдая осторожность, можно было пробраться через кустарник.

Сдерживая свое нетерпение и пламенный гнев, Робинзон тихонько пробрался к дереву и оттуда увидел все, как на ладони.

У костра, сбившись в плотную кучку, сидело

девятнадцать дикарей, в нескольких саженях от них стояли двое остальных, нагнувшись над европейцем и развязывая ему ноги. Еще минута, и они зарежут его, как барана. Медлить было нельзя. Робинзон повернулся к Пятнице.

— Будь готов! — шепнул он ему, тот кивнул головой.

— Теперь смотри на меня и делай все, что я!

Робинзон взял одно из ружей и прицелился. Пятница то же.

— Ты готов? Стреляй!

Два выстрела прогремели одновременно.

Пятница оказался удачливее, чем Робинзон: его выстрел убил двоих да ранил столько же. Робинзону же удалось только убить одного и ранить двоих. Неописуемый переполох произошел на берегу. Все уцелевшие вскочили на ноги и заметались из стороны в сторону, не зная, куда бежать. Они видели, что им грозит смерть, но не понимали, откуда она. Не давая дикарям опомниться, Робинзон схватил другое ружье, то же сделали Пятница.

Рис. 17. Робинзон и Пятница выручают жертвы дикарей.

Снова грянули два выстрела. Они были заряже-

ны крупной дробью и, хоть не убили ни одного, но ранили многих. Обливаясь кровью, с дикими воплями катались они по песку, как безумные.

Взяв последнее заряженное ружье и крикнув Пятнице: «За мной!» Робинзон выбежал на берег.

Заметив, что дикари увидели его, с громким криком, который немедленно повторил и Пятница, бросился Робинзон к пленнику. Оба палача давно уж бросили свою жертву. В страшном испуге они стремглав бросились к морю, столкнули лодку в воду, вскочили в нее и стали отчаливать.

В ту же лодку успели вскочить еще три дикаря. Робинзон указал на них Пятнице. Тот мигом понял, что от него ждали, побежал в том направлении и выстрелил вслед. Все пятеро немедленно повалились в кучу на дно лодки, но двое сейчас же поднялись, очевидно, они упали просто от страха.

Покуда Пятница расправлялся с беглецами, Робинзон ножом быстро разрезал, путы, стягивавшие ноги и руки пленника. Он помог ему приподняться и спросил, кто он такой.

— Христианин! — ответил тот по-латыни.

От слабости он едва шевелил языком. Робинзон поднес к его губам бутылочку с ромом и достал из кармана кусок хлеба. Подкрепившись немного,

пленник указал на себя и по-латыни же сказал, что он испанец. Но разговаривать было еще рано.

Робинзон сунул ему саблю в руки и знаком предложил защищаться от врагов. Почувствовав в руках оружие, тот словно переродился. Откуда взялись у него силы! Он бурей налетел на дикарей, поражая их направо и налево. Впрочем, это было и не трудно: они были ошеломлены до такой степени, что и не думали защищаться.

Робинзон держал последнее заряженное ружье наготове, приберегая последний выстрел на случай крайней нужды. Вспомнив, что разряженные ружья остались в кустах, он послал за ними Пятницу и, получив их, отдал ему свое ружье и принялся заряжать другие.

Пока они занялись этим, у испанца завязался отчаянный бой с одним из уцелевших дикарей. Тому удалось повалить белого, и он изо всех сил вырывал у него саблю. Несмотря на слабость, испанец бился отчаянно, но дикарь, видимо, был сильнее. Последний выстрел из третьего ружья решил дело, и дикарь упал мертвым.

Между тем, Пятница продолжал свое дело, скоро врагов больше не оставалось, только трое, спасшиеся на лодке, гребли изо всех сил, да еще

один, по-видимому, раненый, все же бросился вплавь и догнал их. Пятница выстрелил вслед, но не попал. Тогда он стал убеждать Робинзона в необходимости пуститься в погоню. Тот и сам склонялся к тому же, потому что боялся, что, когда дикари вернутся домой и расскажут единоплеменникам о всем происшедшем, то те нагрянут несметным количеством, может быть, в числе двухсот-трехсот лодок, и тогда им несдобровать. В виду этих соображений, Робинзон уступил Пятнице, и оба побежали к покинутым лодкам. Каково же было их изумление, когда, вскочив в одну из них, они увидели лежащего на дне человека. Это был индеец, старик. Он лежал, связанный по рукам и ногам, как испанец. Очевидно, это тоже была жертва, обреченная на съедение. Скрученный так крепко, что не мог пошевелиться, он, видимо, был едва жив от страха.

Робинзон, который был ближе к нему, поторопился перерезать путы, старик жалобно застонал, он, кажется, вообразил, что его сейчас поведут на убой. Но что сделалось с Пятницей, когда он услышал его голос и затем заглянул в его лицо! Он бросился обнимать старика, заплакал, засмеялся, потом запел, заплясал, потом опять заплакал, принялся колотить себя по лицу и голове. Ро-

бинзон не сразу мог понять, в чем дело, наконец, Пятница крикнул ему, что старик был его отец.

Нельзя было без слез смотреть на глубокую радость сына при виде спасенного от смерти отца. Но в то же время проявления ее были так забавны, что нельзя было и не смеяться. Раз двадцать вскакивал он в лодку и выскакивал из нее, то садился возле отца и, распахнув куртку, прижимал его голову к своей голой груди, то принимался растирать тому руки и ноги. Робинзон посоветовал дать ему глоток рома и ромом же растереть затекшие руки и ноги, и это очень помогло.

Но о преследовании убежавших дикарей теперь, нечего было и думать — они почти скрылись из виду. На их горе скоро поднялся сильный противный ветер, который развел огромное волнение, и вряд ли смогли они справиться с бурей, бушевавшей потом всю ночь.

Пятница, между тем, был так поглощен своей радостью, что не видел ничего кругом. Переждав первые минуты, Робинзон окликнул его. Он подбежал вприпрыжку, улыбаясь во весь рот. Робинзон спросил, дал ли он поесть отцу? Пятница огорченно хлопнул себя по голове:

— Нет хлеба! Жадная тварь все сама съела, ничего не оставила! — и он показал на себя.

Тогда Робинзон собрал все, что у него оставалось: обломок хлеба и веточку изюма и передал для старика. Пятница благодарно кивнул головой, но через минуту понесся куда-то, сломя голову. Робинзон попробовав было окликнуть его, но парень и всегда-то был легок на ногу, а тут за ним словно гналась нечистая сила. Едва прошло четверть часа или около того, как он уж воротился, но уж не так шибко.

В руках он нес горшок молока, а локтем придерживал большую ковригу хлеба.

Молоко произвело живительное действие на старика, который, кажется, умирал от жажды.

Когда он напился досыта, Робинзон велел остальное отнести испанцу, прибавив к этому изрядный кусок хлеба. После временного прилива сил, он вдруг ослабел и сидел теперь под деревом в полном изнеможении. Робинзон подошел к нему, тот взглянул на него с глубочайшей благодарностью, но ноги и руки его так распухли от тугих пут, что он упал снова, когда попробовал подняться. Тогда Робинзон подозвал Пятницу и попросил его растереть испанцу руки к ноги так же, как он делал это отцу.

Пятница охотно взялся за помощь, но поминутно оглядывался, не нужно ли чего его отцу.

Ему видна была только одна голова старика, так как тот сидел на дне лодки. Вдруг, оглянувшись, он увидел, что голова исчезла. В тот же миг он уж несся, как вихрь, к лодке. Но, добежав, он убедился, что старик спокойно прилег отдохнуть, тогда Пятница, улыбаясь, вернулся к прерванному делу.

Пора было подумать о том, как доставить гостей домой. Робинзон хотел попробовать поднять на ноги испанца, но Пятница решительно отстранил его, взвалил испанца на спину и, как малого ребенка, понес его к лодке. Тут, осторожно спустил его, усадил против отца на дно, потом вышел сам на берег, столкнул лодку на воду, прыгнул в нее сам и взял весло. Робинзон пошел пешком.

Несмотря на ветер, лодка так быстро неслась вдоль берега, что тот, дойдя до бухты, нашел уж их там. Сам же Пятница опять мчался куда-то с быстротой ветра. По дороге он крикнул, что пошел за другой лодкой. Вскоре он показался с ней. Выскочив на берег, он стал помогать отцу и испанцу встать на ноги, но ни тот ни другой не могли этого сделать. Пятница растерялся: втащить обоих на гору было все-таки не под силу и ему.

Робинзон пришел ему на помощь. Усадив по-

удобнее гостей на мягкую траву, в тени, он позвал за собой Пятницу в ближнюю рощицу, там они вырубили несколько крепких жердей, на скорую руку сделали носилки и на них перенесли своих больных к наружной стене крепости. Но тут снова встало препятствие: перетащить двух взрослых людей через высокую стену было невозможно, ломать же ограду Робинзон ни за что не хотел. Наконец, он нашел выход. Закипела работа, и через два часа у наружной стены красовалась прекрасная палатка из парусины, густо прикрытая ветвями от солнца и дождя. В палатке они устроили две постели из соломы, прикрыв их козьими шкурами и положив в придачу по одеялу.

Улыбка полного блаженства показалась на лицах гостей, когда они протянули свои измученные члены на приготовленных ложах, в прохладе и безопасности.

XVII
РАДОСТЬ ПЯТНИЦЫ. СПАСЕНЬЕ ИСПАНЦА

И вот Робинзон уж не один! Остров заселяется, и ушло безвозвратно его одинокое житье. Сперва Пятница, с которым он успел так сродниться душой, теперь еще двое. Но он, несомненно, старший между ними, глава и хозяин.

Уложив удобно гостей, надо было позаботиться об обеде. Робинзон сейчас же отрядил Пятницу на ближний загончик принести годовалого козленка. Часть разрубили на куски и сварили из него превосходный суп, засыпав его крупой из ячменя; из другой сделали жаркое, поджарив его на углях. Костер, конечно, развели тут же. Потом все четверо уселись. За обед или, вернее, за ужин. Пятница служил Робинзону переводчиком для обоих гостей, потому что испанец довольно бойко изъяснялся по-индейски, по-английски же не знал ни слова.

Когда все насытились, Робинзон попросил Пятницу взять лодку и привезти с поля сражения брошенные там ружья. Нужно было еще, в виду

жары, поскорее закопать трупы и остатки отвратительного пира. Робинзону так невыносимо было видеть их, что добрый Пятница взял на себя все дело. И действительно, он так прекрасно исполнил его, что когда Робинзон пришел через несколько дней на место побоища, то только по расположению деревьев мог узнать его.

Робинзон часто вступал в разговоры со старым индейцем при помощи его сына. Ему хотелось расспросить старика, что думает он о бегстве четырех дикарей и не боится ли, что те могут вернуться на остров целым полчищем?

Но тот отвечал, что, по его мнению, беглецы никоим образом не могли выгрести в такую бурю и что они либо утонули, либо их занесло далеко на юг и прибило к берегам чужих племен, где им все равно несдобровать. Но если даже им удалось бы благополучно вернуться домой, то и тогда они не вернутся. Дикари были страшно напуганы неожиданным нападением, ведь они никогда еще не слыхивали ружейных выстрелов и, вероятно, остались в полной уверенности, что погибают не от человеческих рук, а от грома и молнии. Робинзона же и Пятницу они приняли за разгневанных духов, слетевших с неба, чтобы истребить их, он сам слышал, как дикари кричали это друг другу.

Они не могут представить себе, чтоб простой смертный мог изрыгать пламя, говорить громом и убивать, даже не взмахнув рукой.

Впоследствии оказалось, что старик был прав, но больше недели Робинзон ежеминутно ждал непрошеных гостей и все поглядывал на море. Но оно оставалось пустынно и в бурю, и в тихую погоду, и понемногу Робинзон успокоился.

Пятнице же, казалось, не было дела ни до чего на свете, кроме отца. Он все еще не мог нарадоваться на его приезд. На другое утро он взял его на руки и посадил на дерево, а сам лег возле него, потом встал, стал обнимать, гладить по лицу и любоваться на него, как на картину. Когда старик окреп настолько, что мог ходить, он водил его за руку, как ребенка, все время занимая какими-то веселыми рассказами и то и дело угощая изюмом, который, по-видимому, пришелся очень по вкусу тому. Робинзон с умилением глядел на эту сыновнюю любовь и снова не раз подумал, что она сделала бы честь лучшему христианину.

Пятница и отец его стали звать Робинзона к себе, уверяя, что он может рассчитывать на самый радушный прием их племени после всего, что он сделал. Робинзон начал уж склоняться к этому, когда один разговор с испанцем навел его

на другие мысли.

Разговорным языком их поневоле стал пока латинский, который знал испанец да и Робинзон изучал когда-то в молодости и не совсем еще забыл. Кроме этого, изо всех сил испанец торопился узнать английский язык и делал в нем большие успехи.

Таким образом вскоре они смогли разговаривать без посредничества Пятницы. И испанец рассказал, что, действительно, семнадцать человек из команды погибшего корабля, в числе которых был он сам, спасены племенем Пятницы. Дикари не обижают их нисколько, но сами живут так плохо, что и европейцам часто приходится терпеть крайнюю нужду. Племя не умеет строить хороших жилищ, не умеет делать ни одежды, ни запасов пищи и поэтому в непогоду бедствует ужасно. Слушая эти рассказы, Робинзон едва сдерживал свое изумление.

— Как? Их семнадцать человек, и они страдают от всяких лишений, окруженные столь же богатой природой, как здесь? Почему же он, один, без всякой помощи окружил себя не только всем необходимым, но даже сумел придать своей жизни полное удобство и достаток.

Испанец, между тем, рассказывал, что они

почти не могли пользоваться огнестрельным оружием, потому что тот порох, который был взят ими с собой, подмок в лодке, остатки же очень быстро расстреляли для охоты в первые дни, пока их не подобрали дикари.

Тогда Робинзон спросил, какая же, по его мнению, ожидает участь его соплеменников и неужели они не хотят попытаться выбраться оттуда? Но он сказал, что у них было много совещаний по этому поводу, но все они кончались слезами и отчаянием.

— Посудите сами, — говорил он, — какой выход из нашего положения могли мы придумать, не имея ни судна, на котором могли бы пуститься в плавание, ни инструментов и материалов для постройки нового, ни запасов провизии на дорогу!

Покачивал головой Робинзон. Испанец сидел теперь в уютном жилище, ел питательную и вкусную пищу, повидал уж стада коз и поле колосящегося хлеба.

Тогда Робинзон сказал.

— Я буду говорить с вами прямо. Как вы думаете, согласятся ваши товарищи, если я предложу им переехать сюда? Мы все сообща лучше придумаем, как нам добраться до какой-нибудь христианской страны. Одно только пугает ме-

ня: приглашая их сюда, я отдаю себя в их руки. Ведь их будет много, а я один. Что если за мое гостеприимство они заплатят изменой и сделают меня своим пленником. Это, согласитесь, было бы обидно.

Испанец отвечал, что товарищи его страшно бедствуют и так хорошо сознают всю безвыходность своего положения, что он и представить себе не может, чтоб они могли поступить с такой черной неблагодарностью.

— Если хотите, — предложил он, — я могу съездить со стариком-индейцем, передам им ваше предложение и привезу ответ. Если они согласятся на ваши условия, я с них возьму торжественную клятву в том, что они последуют за вами всюду, куда вы укажете, и будут беспрекословно повиноваться вам, как своему капитану.

За себя же он сказал, что клянется в верности Робинзону на всю жизнь и обещает, в случае нужды, защищать его до последней капли крови.

Впрочем, он не допускал возможности измены и со стороны своих земляков.

— Они терпят такие лишения: ни пищи ни одежды, полная власть дикарей и — никакой надежды вернуться на родину. Если только вы их спасете, я уверен, что они будут готовы положить

за вас жизнь!

Тогда Робинзон решил попытаться выручить их.

Он сказал, что отправит к ним испанца со стариком-индейцем для переговоров. Но потом новое соображение пришло ему в голову: на острове было теперь четверо, запасы же были рассчитаны на двоих.

Только соблюдая строгую аккуратность, можно было без ущерба прокормить всех до нового урожая. Следовательно, браться сразу за пропитание новых шестнадцати человек было бы большой неосторожностью. К тому же понадобились бы запасы для дальнего плавания. В виду этого, прежде чем приглашать гостей, следовало позаботиться раньше о том, чтоб они ни в чем не нуждались по приезде на остров.

Эти соображения свои Робинзон сообщил всем своим товарищам, и никто ничего не мог возразить против совершенной правильности их. Не откладывая дела в долгий ящик, все четверо немедленно приступили к обработке нового участка земли. Для еды Робинзон оставил в обрез количество зерна, нужное на шесть месяцев, до нового урожая, все же остальное было высеяно в поле.

Никто из них не чувствовал ни малейшего страха перед дикарями и все свободно разгуливали по всему острову.

В свободное время Робинзон предложил им рубить деревья на постройку будущего корабля. Он показал доски своего изделия, на которые пошло столько труда и времени, и посоветовал им заняться тем же. Понемногу около дюжины крепких и длинных дубовых досок было готово, а в лесу лежали и ждали своей очереди еще срубленные великаны.

В то же время Пятница с удовольствием взялся за увеличение стада. Он уходил с ружьем в самую дальнюю часть острова, подстерегал там козу с сосунками, матку убивал, а козлят пускал в стадо. Таким образом прибавилось до двадцати голов скота.

Робинзон же с испанцем занялись изготовлением изюма. Пришла как раз пора поспевания винограда, и Робинзон по-прежнему считал очень важным делом заготовку этого продукта. Хлеб и изюм составляли его любимую пищу, да и всем остальным он нравился чрезвычайно. Зато и насушили его теперь огромное количество!

А тут поспел и ячмень, надо было браться за жатву.

Урожай вышел средний, сам-десят, но его можно было целиком сохранить в пищу, потому что поле уж было засеяно прежним запасом.

Для хранения всего этого огромного количества пищи понадобилось много корзин, но тут оказалось, что испанец большой мастер этого дела. Он забраковал изделия Робинзона и научил плести прекрасные, прочные корзины, которых наделали не мало.

Не раз замечал Робинзон его удивление и радостные взгляды: человек, казалось, все еще не мог поверить тому, что видел кругом.

— Никогда в жизни я еще не был так счастлив! — сказал он как-то своему избавителю. — Я до сих пор и не замечал, что мир так прекрасен! Труд среди прекрасной природы, рядом с друзьями, на общую пользу, без злобы и зависти в сердце — вот в чем счастье человека. С величайшим нетерпением я жду того дня, когда приведу сюда своих товарищей и покажу им настоящую, достойную жизнь. Как жестоко они наказывают себя сами за свое бездействие!

И, действительно, он был неутомим в труде, ловок и силен, а громкое пение его, которым он часто сопровождал работу, разносилось далеко по лесу.

Иногда издалека вторил ему Пятница. Этот молодец поспевал всюду. Казалось, он ходит не по земле, а носится на каких-то крыльях. Старик-отец отдохнул, был теперь вполне здоров и тоже участвовал в общем труде. Сын постоянно приглядывал за ним, старался незаметно облегчить его работу и забавлял шутками и песнями.

Вечером, когда все сходились вместе за ужином, который старанием Робинзона, вкусный и обильный, был уж всегда готов об эту пору, всем было хорошо и спокойно на душе. Остров еще никогда не слыхивал столько людского смеха, не видывал таких веселых лиц.

Наконец, запасы были сделаны, все готово, и можно было ехать за ожидаемыми гостями. Робинзон дал испанцу самые точные указания насчет того, как и о чем вести переговоры. Прежде всего, конечно, надлежало взять с них клятвенное обещание не только не делать зла лицу, пожелавшему приютить их, но и добровольно подчиниться его воле. Кроме обильных запасов пищи, оба путника получили по ружью с хорошим запасом пороха и пуль, но с советом пользоваться последними только в случае крайней необходимости.

С надеждой и волнением снаряжал их Робин-

зон!

Это была первая серьезная попытка вернуться к прежней жизни. Двадцать шесть лет прошло его заточения на острове.

Наконец, наступил день отплытия. Робинзон условился с отъезжающими, что при возвращении они подымут флаг на мачте, чтобы можно издали было признать их лодку. Было полнолуние, свежий попутный ветер и все обещало благоприятное плавание.

Пятница волновался не менее Робинзона. Он сто раз подбегал к отцу, чтоб убедиться, что у того есть все, что надо и он ни в чем больше не нуждается. Самые лучшие плоды были уложены у его ног, на скамью была подостлана меховая куртка Пятницы, чтобы старику не было жестко сидеть.

Долго стояли Робинзон и Пятница на берегу, глядя вслед удаляющейся лодке. Когда она начала теряться из виду, оба вернулись к работе, снова одни, и тих и пустынен показался им дом. Обоим хотелось заглянуть вперед, какое будущее готовит им судьба? И скоро ли вернутся отплывшие? И все ли сложится благополучно?

Но никто не знает завтрашнего дня.

Прошло около недели, когда раз, рано утром, Робинзон был разбужен громким зовом Пятницы:

— Вставай скорей! Смотри! Едут, едут!

Мигом вскочил Робинзон, наскоро оделся и поспешно спустился на морской берег. Он был так уверен, что это были свои, что не захватил с собой никакого оружия. Взглянув на море, он действительно увидал на некотором расстоянии лодку с парусом, она шла прямо к острову и, подгоняемая попутным ветром, быстро приближалась. Через короткое время можно было уж ясно различить, что эта лодка была чужая. На всякий случай надо было подготовиться к обороне, так как неизвестно было, кого несет она — друзей или врагов.

Робинзон прежде всего сказал Пятнице, чтоб он спрятался в роще, недалеко от того места, где пристанет лодка, хорошенько разглядел бы, что делают люди, и пришел бы рассказать об этом. Сам же взял подзорную трубу и полез с ней на гору.

Оттуда вдруг он увидел корабль! Он стоял за изгибом острова, довольно далеко в море, вероятно, на якоре.

В подзорную трубу можно было совершенно ясно различить, что корабль был английский. Да и лодка, которая теперь совсем уж приблизилась, была несомненно английским баркасом.

Это открытие повергло Робинзона в неопису-

емое волнение. Его радость при виде корабля, так давно ожидаемого, притом же английского, ожидание близкой встречи с соотечественниками глубоко волновали его. Но какое-то неясное предчувствие, самому непонятный страх отравляли эту радость. Прежде всего ему показалось странным, что английский купеческий корабль зашел в эти места, лежащие совершенно в стороне от морских торговых путей. За каким делом зашел он сюда?

Так что, даже если на судне были действительно англичане, все же Робинзон счел более осторожным до поры до времени не показываться им на глаза, потому что выходило вполне правдоподобным, что эти люди явились сюда не с добром, и можно было, доверившись им, чего доброго — попасть в руки разбойников.

Робинзон решил пока продолжать свои наблюдения. Лодка быстро приближалась к острову, но вдруг сделала крутой поворот и пошла вдоль берега, высматривая, очевидно, где бы пристать. Несколько не доходя бухточки, они, наконец, причалили, чему Робинзон был очень рад, потому что боялся, что, очутившись чуть не у порога его жилища, люди не открыли бы его, а открыв, не стали бы разыскивать хозяина.

Когда лодка причалила и люди вышли, Робинзон мог хорошо рассмотреть их. Несомненно, это были англичане, всех их было одиннадцать человек. Но трое — были привезены, видимо, в качестве пленников: у них не было оружия и ноги их были связаны. Четверо или пятеро, выскочивших на берег первыми, вытащили их на руках. Один из пленников, должно быть, горячо о чем-то просил своих врагов: он, видимо, был в отчаянии и ломал руки. Двое других тоже говорили что-то, но в общем были спокойнее. Робинзон был в полнейшем недоумении, не зная, что происходит у прибывших. Вдруг за его спиной очутился Пятница.

— Друг! Смотри! Они тоже сейчас будут кушать человека, как и мои!

— Ты с ума сошел, Пятница! — воскликнул тот, — неужели ты думаешь, что они их съедят?

— Ну, конечно, съедят! — ответил он с полным убеждением.

— Нет, ты ошибаешься! — возразил Робинзон, — боюсь, что правда, что они собираются убить тех, но есть-то во всяком случае не станут!

Робинзон был в страшной тревоге, глядя на то, что разыгрывалось на его глазах.

Ежеминутно он ждал, что совершится убийство,

один раз ему показалось, что кинжал блеснул над головами пленников. Как жалел Робинзон, что испанца не было на помощь: как хорошо бы дать залп по злодеям, у которых, кстати, не видно было ружей!

Между тем, разбойники, должно быть, не имели намерения убивать пленников, потому что теперь они их оставили в покое, а сами углубились в лес. Сторожить их поручили двум товарищам, но те были, вероятно, пьяны, потому что, как только ушли остальные, так они сейчас же забрались в лодку и заснули.

Пленники остались одни. Но вместо того, чтобы воспользоваться явившейся свободой, они неподвижно сидели на прибрежном песке, очевидно, в глубоком отчаянии.

Это напомнило Робинзону первый день его пребывания на острове. Тогда он так же дико озирался кругом, так же считал себя погибшим!

Какие ужасы мерещились ему в первую ночь, когда он, несчастный и беззащитный, забрался на дерево, как птица. И как счастливо впоследствии сложилась его жизнь, но тогда он этого не предвидел! Такова уж участь человека.

Лодка подошла к берегу во время самой большей высоты прилива, а теперь начался отлив,

и лодка очутилась на песке. Через несколько времени один из спавших сторожей проснулся и увидел, что случилось.

Он разбудил товарища, и они принялись скликать остальных. Те сбирались на его крики, но песок был рыхлый, вода уходила все дальше, и они ровно ничего не могли поделать.

Убедившись в своей неудаче, они оставили лодку и снова ушли в лес. Робинзон далее слышал, как один из них крикнул по-английски:

— Джек! Том! Бросьте вы эту возню! Все равно она всплывет со следующим приливом!

Никому из них, по-видимому, не пришло в голову, что до тех пор пройдет около десяти часов, день кончится, наступит вечер, а с ним и темнота.

Робинзон сообразил, что вечером можно будет незаметно подкрасться близко и подслушать все их разговоры.

В ожидании вечера Робинзон стал приготовлять оружие и поделил его между собой и Пятницей, который стал превосходным стрелком. Оба знали, что если придется вступать в бой, то враг будет гораздо опаснее дикарей.

Но от нетерпения Робинзон скоро передумал и решил постараться помочь людям сейчас же. Он

видел, что сторожа продолжают спать в лодке, а пленники сидят в унынии совершенно одни. Что будет с ними дальше — неизвестно, жалко было терять такую благоприятную минуту. Живо позвав с собой Пятницу, Робинзон вооружился с ног до головы и направился на берег.

Ему удалось подойти сзади совсем близко к трем сидящим людям и оттуда он спросил:

— Кто вы такие, господа!

Они сильно вздрогнули, обернулись на голос и, увидев заговорившее с ними звероподобное существо, так перепугались, что хотели было бежать. Тогда Робинзон постарался успокоить их.

— Не пугайтесь! — сказал он, — вы найдете друга там, где меньше всего ожидаете этого.

— Мы уж вообще не ожидали больше спасения! — ответил один из них, снимая шляпу.

— Объясните же мне скорее, что я могу для вас сделать? Я видел, как вы высаживались, как просили о чем-то и как ваши спутники угрожали вам кинжалом.

Один из пленников в глубоком волнении закрыл лицо руками, потом он сказал:

— Долго рассказывать все, что было — злодеи наши близко. Вот наша история в двух словах. Я — капитан корабля, на моем судне произошел

бунт. Товарищи мои, которых вы видите — один — мой помощник, другой — наш пассажир, — едва упросили матросов не убивать меня. Наконец, те согласились, но с условием высадить нас и покинуть где-нибудь на безлюдном острове. Так они и сделали! Считая этот остров необитаемым, они решили тут обречь нас на голодную смерть. Теперь же… мы поражены… мы ничего не понимаем!

— Где ваши враги? — спросил Робинзон, — куда они пошли?

— Вон они! Они ушли в ту сторону и, кажется, все спят! Но у меня сердце замирает от страха при мысли, что каждую минуту кто-нибудь может проснуться и услышать нас!

Тогда Робинзон вынул нож и быстро перерезал веревки, связывавшие их ноги.

— Вы свободны, следуйте за мной!

Рис. 18. Робинзон спросил: «Кто вы, господа?»

И через минуту все были в густой чаще, в которой поджидал их Пятница.

— Есть ли у вас ружья? — снова спросил Робинзон.

— Только два, да и те лежат около лодки, в которой спят приставленные к нам сторожа. Это как раз и есть главные зачинщики бунта, пьяницы и негодяи.

Робинзон оглянулся на Пятницу, их взгляды встретились. Сняв с себя все оружие, кроме топорика, Пятница, ни слова не говоря, бесстрашно пошел к берегу. Дойдя до открытого места, он припал к песку и пополз, словно кошка, подбирающаяся к птичке. Вот уж он у лодки, беззвучно завладел он обоими ружьями, лукаво улыбаясь, заглянул он на спящих и пополз обратно; через минуту он уж вручил оружие капитану, с восхищением глядевшему на него.

— Не будем медлить, товарищи! — сказал Робинзон, — уйдем дальше и посоветуемся как быть.

Отойдя с другими в глубь леса, он остановился.

— Слушайте, капитан, — обратился он к тому, — я постараюсь выручить вас, но прежде поставлю вам два условия…

Капитан прервал его:

— Мы все в вашей власти, распоряжайтесь нами, как хотите! Если нам удастся отнять корабль у разбойников, то он тоже ваш со всем имуществом, пока же мы готовы, если понадобится,

умереть за вас!

— Если так, капитан, то мои условия не покажутся вам трудны. Во-первых, пока вы на острове, вы будете признавать мое старшинство; во-вторых, если вам удастся снова завладеть вашим кораблем, вы доставите меня в Европу!

Капитан дал клятвенное обещание исполнить все, что пожелал бы Робинзон. Потом он сообщил, что не все бунтовщики одинаково виновны. Несколько отчаянных негодяев, не годных ни на какую работу, захватили власть в свои руки, остальные подчинились им только из страха. Кроме того, на корабле есть человек двадцать пассажиров, которые не вмешивались в эти дела и теперь все заперты в трюме.

— Вы сказали, что двое главных зачинщиков спят в лодке, — сказал Робинзон. — Вы вооружены теперь, идите же и сведите счеты с вашими врагами.

Капитан и его помощник быстро вскинули ружья и пошли к берегу, остальные шли за ними и остановились в некотором отдалении от лодки. В это время один из спящих проснулся, его голова показалась над бортом лодки, он оглянулся в ту сторону, где сидели раньше пленники. Не увидев их, он с ругательствами стал будить товарища.

Пошатываясь, вылезли оба на песок и, видимо, хотели взять свои ружья. Недоумение выразилось на их красных, припухших лицах… Но им так и не суждено было понять, в чем дело: прямо навстречу им грянуло два выстрела, и оба грузно упали на песок. Разбуженные выстрелами, из леса выбежали еще трое, остальные, как сделалось известно позже, ушли в это время в глубь леса в поисках плодов.

К ужасу и изумлению своему они увидали, что стреляют не сообщники их, но пленники, теперь свободные и сопровождаемые двумя людьми в звериных шкурах.

— Сдавайтесь! — грозно крикнул им капитан, — одно движение, и вы будете убиты!

Те быстро сообразили, что дело их проиграно, метнулись было к лесу, но поднятые угрожающе ружья остановили их. Ничего не оставалось, как упасть на колени и просить пощады. Капитан отвечал, что дарует им жизнь, если они искренно раскаются в своей измене и поклянутся помочь снова вернуть ему свое судно.

Когда они поклялись, Робинзон посоветовал послать их на розыски остальных трех, с тем, чтобы, во избежание излишнего пролития крови, они по-братски посоветовали им подчиниться

общему решению. Безоружные люди не могли быть опасны, и капитан охотно отпустил их. Через полчаса к маленькому военному лагерю у лодки подошли все шестеро матросов с повинной. Но Робинзон потребовал, чтобы пока они все были заключены под стражу, не слишком доверяя людям, так легко изменившим своему долгу. Переговорив с Пятницей, он решил заключить их всех в запасную пещеру, к которой давно была приделана крепкая дверь.

Под конвоем всех пятерых, изменники были отведены туда и заперты на замок.

Сторожить взялся Пятница, гостей же своих, совершенно истомленных голодом и усталостью, Робинзон пригласил в свое жилище.

XVIII
УСМИРЕНИЕ БУНТА. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. ОТЪЕЗД

Накормив гостей всем, что нашлось лучшего в кладовой, Робинзон рассказал вкратце свою историю.

Капитан и его товарищи слушали с жадным вниманием и приходили в неописанное изумление перед всем, что они видели и слышали. Больше всего капитана поражало устройство жилища и укрепления, его защищающие. Робинзон обещал показать впоследствии все остальное хозяйство, теперь же торопился вернуться к более неотложному делу.

— На корабле осталось около двадцати человек команды, — сказал капитан, — все они более или менее замешаны в бунте. По морским же законам бунт на судне карается смертной казнью. Зная это, конечно, они будут отчаянно защищаться, потому что им нечего терять!

Это была правда, и все глубоко призадумались.

В это время с корабля раздался пушечный выстрел. Капитан встрепенулся.

— Это знак, чтобы посланные на остров возвращались! — воскликнул он, — я слышал, как они сговаривались! Что нам делать?

— Посмотрим, как сложатся обстоятельства, — ответил Робинзон, — теперь же, по-моему, надо привести в негодность ваш баркас, чтоб он не мог им пригодиться. Потом ничего не будет стоить починить его, пока же возьмите топор, прорубите ему дно и унесите парус!

Помощник капитана и пассажир поспешно пошли исполнять приказание, с корабля, между тем, раздавался выстрел за выстрелом. Наконец, в подзорную трубу Робинзон увидел, что от него отчаливает шлюпка с людьми, их было десять, как он разглядел позже. Тогда, вооружившись как следует, все спустились на берег и, спрятавшись в густой чаще, стали выжидать.

Ехавшие, между тем, приблизились к берегу и поплыли вдоль него, вероятно, высматривая баркас. Заметив, что им было нужно, они повернули к берегу и причалили.

Яростные крики донеслись до спрятавшихся через несколько минут; потом громкие голоса людей, вступивших, по-видимому, в горячий спор. Вскоре лодка снова отчалила. Капитан в ужасе схватил Робинзона за руку.

— Они уезжают! Они уезжают совсем! — воскликнул он. — Вероятно, они решили, что те все перебиты, и хотят по добру по здорову уносить ноги! Корабль снимется с якоря, уйдет и будет для нас окончательно потерян!

Новая мысль мелькнула в голове Робинзона.

— Подождите, может быть, мне удастся остановить молодцов! — сказал он, усмехнувшись. Затем приставил руки ко рту и закричал изо всех сил:

— Ого-го!

На лодке, очевидно, услышали, весла поднялись неподвижно в воздух. Тогда, дав знак помощнику капитана, они уже в два голоса снова прокричали свое ого-го!

Лодка быстро повернула снова к берегу, люди радостно и дружно откликнулись громким криком.

— Идите и старайтесь увлечь их подальше вглубь. На острове нет опасностей! — быстро распорядился Робинзон. Сам же с капитаном, прокравшись ближе к берегу, замер в кустах. Вновь приехавшие оставили двоих на лодке, сами же торопливо пошли по направлению доносившегося голоса. Между тем, солнце было уж близко к закату, и скоро должна была наступить

темнота. Два оставшиеся матроса вышли на берег и развели маленький костер вблизи лодки.

— Не пристрелить ли их без дальних разговоров? — спросил капитан Робинзона.

Тот покачал головой.

— А каковы эти парни?

— Они молоды и глупы! — ответил тот, — оба в первый раз пустились в плавание.

— Тогда не попробовать ли вам сговориться с ними добром? — посоветовал Робинзон. — Окликните их и потолкуйте. Остальные ушли далеко, и сила на нашей стороне!

— Том Браун, Джек Смит! — громовым голосом вдруг крикнул капитан. — С вами говорит тот, которого вы хотели убить, как изменники и последние негодяи! Встаньте и слушайте!

Оба матроса вскочили на ноги, дрожа всем телом и дико озираясь. Свет от костра мешал им видеть во мраке, сами же они были прекрасно освещены.

Капитан, между тем, объявил, что он не только спасен и свободен, но нашел сильных союзников и приглашает изменников немедленно принести повинную, в противном же случае они будут убиты без всякой пощады. Парни тут же повалились на землю и стали убеждать, что они никогда и не

собирались примыкать к бунтовщикам, но только под страхом расстрела исполняли их волю.

Робинзону показалось, что те говорят искренно, капитан и он вышли из лесу и предстали перед испуганными матросами. Кажется, им показалось, что перед ними грозный дух леса, потому что только строгий окрик капитана помешал им удариться в бегство.

Узнав, что первая партия вся сдалась, они усердно стали молить позволить им встать на защиту капитана и бороться за возвращение ему корабля.

Крики ушедших, между тем, раздавались все глуше, наконец, затихли совсем.

Долго сидели в ожидании Робинзон с капитаном и матросами, их начало клонить ко сну. Вдруг из темноты вынырнула фигура Пятницы. Смеясь, наклонился он к уху своего друга:

— Все устали, ходить не могут… Легли! Тот белый, что с нами, сторожит пещеру. Я ушел, хочешь, один перебью всех? Кричали много, теперь лежат.

Но Робинзону не хотелось крови, он предложил капитану другой способ. Ночь была безлунная, и под деревьями стояла полная тьма. Хорошо бы всем отрядом подойти к неприятелю и при

помощи двух матросов, удостоенных доверия капитана, предложить им сдаться, припугнув крупными силами, пришедшими ему на помощь. Все согласились и двинулись в путь, нарочно громко бряцая оружием и стараясь шумом изобразить большой отряд. Этот нехитрый прием снова увенчался успехом.

Люди с неспокойной совестью всегда бывают пугливы. Заслышав движенье, один из бунтовщиков; тревожно окликнул:

— Эй, кто идет там?

Матрос, назначенный для переговоров, заорал во все горло:

— Дик, это ты? И другие с тобой вместе?

— Ну, да, конечно! Это ты, Том?

— Да, да, это я! Пришел вам сказать, чтобы вы бросали оружие и сдавались скорей, не то вы пропали!

— Да кому же сдаваться-то? Этот остров как заколдованный: никого не видно, а лодка оказалась испорченной, и теперь нас два часа водила нечистая сила, пока мы не свалились с ног от усталости. Где же люди с баркаса?

— Они убиты все до одного, а мы взяты в плен! Наш капитан нашел здесь сильное подкрепление сдавайтесь же скорей!

— Ладно, Дик! Видно, ничего не поделаешь, мы совсем измучены. Но где же они? Кому нам сдаваться? Скажи им, что мы согласны!

Тут выступил сам капитан:

— Эй Дик, и все вы там! — закричал он, — узнаете вы мой голос? Так слушайте же: только тем, кто сдастся сию минуту, обещаю я пощаду!

Тогда бунтовщики смиренно сложили все бывшее у них оружие и выразили готовность присоединиться к отряду капитана.

Пятница, два матроса и первый пассажир подошли и крепко связали им руки, потом Робинзон приказал под конвоем отвести их на «дачу», вблизи которой они случайно находились.

Люди были совсем измучены и голодны, на счастье, кладовая «дачи» была хорошо снабжена провизией, костер вскоре разложен, Пятница взялся за стряпню, и через час все были накормлены. Затем пленников заключили в ограду, убрали лестницы и Пятница с матросами, зарядив ружья, взялись сторожить их. Впрочем, никто, кажется, и не помышлял о побеге, пленники немедленно повалились на солому и заснули, очень довольные, по-видимому, таким оборотом дела.

На другое утро капитан отправился вести переговоры сперва с теми, что были заключены в

пещеру, потом с остальными. Тем и другим он сказал приблизительно одно и то же.

Начальник острова, в виду раскаяния людей, которых сбили с толку, дарует им жизнь, но он властен только в своих владениях. Когда же корабль придет в первый же европейский порт, то их непременно повесят, потому что бунт на море карается всей строгостью законов. Только одной заслугой могли бы они попытаться искупить свою вину — помощью своей против бунтовщиков, завладевших кораблем. В этом случае он со владельцем острова будут стараться испросить им прощение перед властями.

Все эти люди, не уверенные до сих пор в том, что доживут до вечера, с восторгом ухватились за свое спасение. Они обещали драться до последней капли крови за восстановление капитана в его правах и говорили, что будут его неоплатными должниками на всю жизнь.

Когда капитан рассказал Робинзону о том, чем кончились его переговоры, тот посоветовал все же не доверять недавним изменникам до конца. Пусть передаст им, что начальник острова (никто не угадывал, что звероподобное существо и есть как раз то могущественное лицо) требует, чтоб капитан отобрал десятерых более надежных и,

вернув им оружие, дал возможность доказать свое раскаяние, шестеро же остальных должны остаться пока заложниками и, если товарищи их изменят своему долгу, то все они будут немедленно повешены на берегу в виду корабля.

Мера эта оказалась очень хороша: уж дело заложников было внушить остальным, что, видно, с начальником шутки плохи и что необходимо оправдать оказанное им доверие.

Теперь у капитана был отряд в десять человек, кроме его помощника. Пассажир и Пятница должны были остаться, чтобы стеречь и кормить пленников.

С корабля снова раздался пушечный выстрел, должно быть, там недоумевали и тревожились. Необходимо было действовать.

Капитан очень опасался матроса-бунтовщика, захватившего власть в свои руки. Он считал того очень опасным человеком, готовым на всякую жестокость, и тревожился за жизнь несчастных пассажиров, запертых в трюме.

Так или иначе, но решено было сегодня же открыть военные действия против неприятеля. Баркас был старательно зачинен, отряд поделен на две части, по пяти человек в каждом. На баркасе начальство принять должен был капитан,

на шлюпке — его помощник. Видимо, заметив движение на берегу, пальбу с корабля прекратили, но капитан не спешил выехать, ожидая наступления вечера, чтоб заговорщики в темноте не могли разобрать сразу, кто именно будет находиться в лодках.

Наконец, все было готово. Робинзон с капитаном сердечно обнялись, оба были в глубоком волнении: все будущее их зависело от исхода дела.

Капитан обещав в случае успеха дать семь пушечных выстрелов. Солнце садилось, пора было отчаливать. Долго следил Робинзон за удаляющимися лодками, пока они не потеряли ясные очертания в отдалении. Долго сидел в задумчивости совсем один в своем жилище. Что даст завтрашний день? Ожидание было слишком томительно, но ночь наступила, и работой, его обычным средством, нельзя было успокоить себя. Вдруг ударила пушка! Робинзон весь вздрогнул и замер в ожидании, его сердце словно перестало биться. Раз, два, три… Семь выстрелов один за другим прокатились в ночной тишине!

Рис. 19. Шлюпки поплыли к кораблю.

Не будучи в состоянии справиться со своим волнением, Робинзон опустился на землю и за-

рыдал. Свобода! Неужели свобода, и кончено его долголетнее заключение? До утра нельзя было ожидать вестей, но долго не мог успокоиться Робинзон и только под утро заснул глубоким сном.

Его разбудил гром новых выстрелов, таких близких, словно пушки стояли у порога его дома. Быстро вскочил он, в эту минуту он услышал голос капитана, который громко звал его. Он стоял над крепостью, на горе и, схватив лестницу, Робинзон поспешно поднялся к нему. Тот крепко обнял его.

— Мой дорогой друг! Мой избавитель! Вот мой корабль, он принадлежит вам!

Робинзон оглянулся на море и понял, почему выстрелы показались ему так громки: корабля уже не было на старом месте, он стоял теперь совсем близко от берега, как раз против его бухты. На всех мачтах его пестрели флаги.

Робинзон чуть не лишился чувств. Вот к его услугам стоит у порога дома большое океанское судно, которое доставит его куда угодно! От волнения он не мог выговорить ни слова, язык не слушался его. Если б капитан не поддержал его своими сильными руками, он бы упал на землю. Бережно дал он Робинзону глотнуть какого-то крепкого зелья из дорожной бутылочки, он и сам

опомниться не мог от радости. Потом вкратце рассказал о всем случившемся. Никак не ожидал он, что дело обойдется так легко. Под прикрытием темноты ему удалось за командой своей подняться на палубу и, пока остальные вступили в переговоры с бунтовщиками, пробраться с одним матросом к входу в трюм. Оглушив ударом приклада часового, они взломали дверь и выпустили заключенных, сообщив им вкратце все происшедшее. Те выразили полное согласие встать на защиту капитана, всегда относившегося к ним с величайшей заботливостью. Переговоры, между тем, еще не приходили к определенному концу. Заслышав о сильном отряде, пришедшем на помощь капитану и о товарищах-заложниках, большинство склонялось к покорности, и только новый капитан да его помощник повар — негр, отчаянный головорез, с ругательствами и угрозами пытались отстоять свою власть.

Незаметно подкравшись сзади, капитан вихрем налетел на злодея и с криком: «Сдавайся, негодяй!» — схватил его крепко за руки. Матросы, приехавшие с ним, бросились на помощь, а сзади бежали пассажиры, вооружаясь чем попало на пути и громкими криками приветствуя капитана. Самозванца и негра живо скрутили по рукам

и ногам и бросили в трюм. Все было кончено!

Теперь капитан предложил Робинзону спуститься вниз, сказав, что он привез ему кое-какие вещи, которые, по его мнению, могли бы ему пригодиться.

Пятница, прибежавший, тоже взволнованный, на берег, помог двум матросам переправить в жилище несколько больших тюков.

Это был поистине роскошный подарок! Сахар, вино, пшеничная белая мука, табак, ветчина, конфеты разных родов, а, главное, капитан позаботился богато снабдить Робинзона одеждой и бельем. Он привез полдюжины новых полотняных рубах, шляпу, башмаки, чулки и пару совершенно нового платья.

Дрожащими руками перебирал Робинзон эти давно невиданные вещи. Пятница, сгоравший от любопытства, и капитан торопили Робинзона примерять скорее обновки. Какое странное чувство испытал тот в европейской одежде! Словно Пятница, одевший впервые меховую куртку, не знал он, куда девать руки и ноги. Впрочем, он быстро забыл свою неловкость, занявшись Пятницей, который не хотел ни за что отстать от своего друга, и видя всех кругом одетыми, непременно просил одеть и его. Полная матрос-

ская форма с красным платком на шее и белым воротником удивительно пошла к нему, и только боязнь попортить эти сокровища помешала тем бешеным прыжкам, которыми он обычно выражал свою радость.

Между тем, шлюпка за шлюпкой приставали к берегу и, за исключением караула, оставленного на корабле, все матросы выстроились на берегу. Заложники были выпущены из заточения и с удовольствием присоединились к остальным.

Капитан просил разрешения у Робинзона представить ему всю команду и торжественно вывел его на берег. Матросы приветствовали их радостными криками.

Пятница не преминул тоже следовать в нескольких шагах за своим другом, необыкновенно гордый почестями, воздаваемыми тому.

Робинзон ответил на приветствие и пригласил матросов отдохнуть и пообедать на его острове, куда они явились теперь не в качестве врагов, но желанных гостей. Не мало было хлопот Пятнице! Как жалели они, что ни отец Пятницы ни испанец еще не возвращались! Но, неся свою сторожевую службу, добродушный парень успел подружиться со своими пленниками и теперь, при содействии их, живо взялся за устройство пира.

Рис. 20. Совещание Робинзона с капитаном.

Несколько козлят поплатились жизнью, две большие корзины изюма, кокосовые орехи, различные плоды были предоставлены гостям, в помощь той провизии, за которой послали на корабль.

Запылали костры, веселые песни раздались около них, пассажиры корабля, высыпав на палубу, махали платками и тоже кричали что-то в свою очередь.

Робинзона потянуло побыть одному: он так

отвык от людей. Он скрылся в свою пещеру и, присев к своему столу, за которым столько лет сидел один, прислушивался к крикам и пенью с смешанным чувством глубокой радости и самому непонятной печали.

Капитан попросил позволения войти: оставалось еще не мало дел, о которых им надо было посоветоваться. Главное заключалось в том, что необходимо было скорее довезти всех пассажиров до цели их путешествия, потому что иначе могло не хватить запасов.

— А кто они такие и куда едут? — спросил Робинзон.

— Это все мои соотечественники-англичане, бедняки, не нашедшие счастья на родине, — ответил капитан. — Я везу их в Южную Америку с тем, чтобы на свободных землях они основали свое новое хозяйство. Среди них и земледельцы, и мастеровые, так что, помогая друг другу, при удаче и усердии, они смогут вести сносную жизнь.

Неожиданная мысль вдруг блеснула в голове Робинзона.

— А что если бы я предложил им основать колонию на моем острове? — сказал он. — Земля здесь плодородна, природа роскошна и дает человеку все, что ему нужно. И никто не обидит их здесь!

Капитану эта мысль очень понравилась, и он обещал не позже завтрашнего дня переговорить со старшиной переселенцев.

Второй вопрос касался судьбы двух разбойников, засаженных в трюм. Держать ли их там до прихода в какой-нибудь порт и там передать в руки властей, или пристрелить немедленно?

Но Робинзону была тягостна мысль о казни, он не хотел брать на себя лишения себе подобного лучшего блага — жизни.

— А не согласились ли бы они высадиться и примкнуть к какой-нибудь колонии в Южной Америке? — спросил он. — Здесь я бы не хотел их оставлять среди людей, знавших их раньше, но на новой земле, среди новой обстановки, может быть, взялись бы они, за честный труд?

Капитан согласился попробовать поговорить с ними, и на другое утро отплыл на корабль.

В полдень вернулся он со старшиной и еще тремя переселенцами в качестве выборных. Все они, наслушавшись рассказов матросов, были в неописанном восторге от предложения. Когда же Робинзон показал им свои стада, поля, заросли винограда, как раз находившегося в поре созревания, то эти бедные, исхудалые люди не находили слов от радости. Решено было, что завтра придут

на берег люди, искусные в плотничьем ремесле, и возьмутся за устройство временных жилищ для всех.

Рис. 21. Робинзон обращается с речью к выборным из переселенцев.

Но этот день окончился еще одним событием неожиданным для большинства.

К вечеру, с началом прилива, вдали показались три лодки. Сторожевой матрос дал знать капитану об этом и запросил, не нужно ли дать залп по

ним, потому что лодки, по-видимому, индейские и весьма вероятно, что несут неприятеля?

Робинзон поторопился объяснить капитану, в чем дело, и вышел на берег для встречи новых гостей.

Пятница уж в нетерпении кружил по берегу, наконец, не выдержал, сбросил свою нарядную одежду и вплавь пустился навстречу лодке, в которой зоркие глаза его уж заприметили отца. Каково было общее удивление приехавших, когда вместо пустынного, необитаемого острова, они увидели шумную толпу на берегу, а на воде плавно покачивающийся большой океанский корабль! Бедняки, одичавшие, изнуренные, радостно смотрели на европейцев, и им казалось, что новая и прекрасная жизнь ждет их теперь. Приезжим тоже сладили на берегу шалаши на скорую руку.

Утром Робинзон пришел познакомиться со всеми и обсудить их дальнейшие намерения.

Оказалось, что пять молодых матросов обзавелись там женами — индианками, которые не захотели расставаться со своими мужьями и теперь приехали вместе с ними. Это были молодые, здоровые женщины, их лица были кротки и приятны, но они, видимо, были испуганы неви-

данной картиной.

Мужья их сообщили Робинзону, что не имеют ни малейшего намерения возвращаться в Европу и приехали теперь упрашивать Робинзона позволить остаться на его острове, чтобы работать под его руководством. Трое из шестнадцати испанцев успели умереть, схватив тропическую лихорадку, остальные же восемь человек бросились на колени перед Робинзоном, умоляя его ходатайствовать перед капитаном о том, чтоб он взял их с собой в Европу, в качестве ли матросов, или пассажиров, но его желанию.

Через два дня готовы были палатки для переселенцев, и начался перевоз их и их имущества на остров. С глубоким волнением вступали они на эту прекрасную землю, где ожидал их дружеский и теплый прием.

Когда все были в сборе, и англичане, и пятеро испанцев с женами, Робинзон захотел показать им все, чего достиг он своим упорным трудом. Он повел всех осмотреть слое жилище с его жилой частью к кладовыми, укрепления, защищающие его, и рощи, насаженные у подножья горы. Затем показал поля, покрытые поспевающим хлебом, загоны для нескольких стад ручных коз, прелестный уголок, где находилась его «дача»,

окруженная плодовыми деревьями и кокосовыми пальмами; объяснил, что лес, покрывающий остров, заключает в себе огромные сокровища, что земля плодородна и легко поддается обработке.

Два дня длился осмотр, и все ниже кланялись ему люди при встрече, все удивленнее покачивали головами и перешептывались между собой. Молодые же более бурно выражали свой восторг. Наконец, вечером Робинзон всех собрал вокруг себя:

— Друзья мои! — сказал он им, — вот я показал вам все, чего добился за мою одинокую жизнь здесь. Только последние пять лет разделял мое одиночество мой дорогой друг Пятница, но двадцать три года я не видел человека. Всего, что я показал вам, я добился один, долгим, упорным трудом, бесконечным терпением и настойчивостью. Я вижу, вам понравилось мое хозяйство. Подумайте, насколько легче предстоит жизнь вам! Вас много, общий труд неизмеримо легче. Дружными усилиями вы создадите себе прекрасную жизнь. Живите, как братья, помогайте друг другу, вы будете щедро вознаграждены изобилием тех даров, которые вам даст природа. Я уверен, что вы легко обеспечите не только свою жизнь,

но и накопите излишки для торговли. Корабли будут заходить к вам, забирать у вас хлеб и другие продукты и привозить вам те товары, которые вам будут нужны. Но не ленитесь, трудитесь усердно и любите друг друга!

С глубоким умилением подошли к Робинзону выборные от поселенцев, от лица всех благодарили его и обещали твердо держаться его советов.

Капитан, между тем, торопил с отплытием, потому что дождевая полоса была уже не за горами, и нужно было уйти заблаговременно в другие места.

Робинзон был один в своем жилище, когда к нему подошел Пятница. Лицо его было печально, и губы дрожали.

— Ты будешь ехать, друг!.. Обо мне не думаешь… Убей, я не хочу остаться без тебя… — проговорил он, со слезами на глазах.

Робинзон протянул к нему руки и ласково усадил у своих ног, как много раз сидели они вместе во время своих вечерних бесед.

— Напрасно ты думаешь, мой дорогой друг, что я не думаю о тебе! — начал он, — я много и долго соображал, как сделать так, чтобы тебе было лучше. Если б ты поехал со мной, конечно, тебе интересно было бы посмотреть на новые места,

новую жизнь и все диковинки Англии. Но там у нас с тобой уж не нашлось бы общей работы, как здесь. Мы не стали бы жить общей жизнью. Мне придется или служить где-нибудь или заняться торговлей, а ты будешь чувствовать себя всем чужим, да и мы с тобой не сможем, как здесь, проводить целые дни вместе. Волей-неволей ты станешь слугой моим, а не товарищем и другом, как здесь…

Внимательно слушал Пятница, но все ниже опускал он голову.

— Мне самому очень тяжело расставаться с тобой, продолжал Робинзон, но я думаю, тебе лучше будет остаться. Здесь твой старый отец, здесь знакомое тебе дело, здесь будут у тебя друзья. Поезжай к своему племени, выбери себе там жену, как сделали это испанцы, привези ее сюда, живи с ней мирно и хорошо, и ты будешь счастлив, дорогой Пятница. В Англии холодно и люди часто недобры, здесь земля прекрасна, и твоя жизнь будет легка и радостна!

Теперь Пятница поднял голову и смотрел перед собой с легкой улыбкой. В его воображении, вероятно, рисовалась картина семьи, друзей, радости старика-отца, которому не придется разлучаться с ним. Он глубоко вздохнул.

— Хороший друг! — проговорил он. — Всегда говоришь правду! Всегда знаешь, как надо! Как скажешь — сделаю. Только Пятнице много больно! — Он приложил руку к сердцу и горячо заплакал, прислонив голову к коленам друга. Не мог удержаться от слез и Робинзон. И он знал, что не встретит уж в жизни такого верного, преданного друга.

Чтоб утешить немного его, Робинзон сказал, что все жилище свое, с палаткой, кладовыми и двором, он дарит Пятнице с его будущей семьей. Его же назначит он старшим в земледельческих работах, чтобы все переселенцы обращались к нему за советом в новом для них месте.

— Ты их научишь так работать, как работали мы с тобой, и даже лучше, потому что вас будет много! — закончил он.

Пришел день отплытия.

Погода была прекрасная, и корабль заманчиво покачивался на водах, готовый к дальнему пути. Испанцы, взятые на корабль в качестве матросов, были уже на своем месте, два бунтовщика, находившиеся еще в заключении, должны были быть выпущены в первом городе, чтобы дать им возможность взяться за честный труд.

Все новые обитатели острова собрались на

берегу для торжественных проводов Робинзона.

Разбирая свои вещи, он взял с собой на память меховую одежду, самодельную корзину с изюмом и клетку для попугая. Все это было перевезено уже накануне на борт корабля, в его каюту, только Поль сидел теперь на его плече и, испуганный толпой, цепко держался за него и прижимался к щеке.

Раздались прощальные клики, все махали зелеными ветвями в знак привета. Пятница, рыдая, бросился к нему на шею.

— Приезжай, друг! Приезжай опять! Помни Пятницу! — едва проговорил он.

Вот уж отчалила шлюпка, вот пристала она к борту корабля, там взвился дымок и прощальный пушечный выстрел прокатился в утреннем воздухе. Подняли якорь, надулись паруса, и забурлила вода под носом судна.

Робинзон стоял на палубе, со стороны, обращенной к острову, и в глубоком волнении смотрел на удаляющиеся зеленые берега. Ему казалось, словно какая-то часть его остается там, и слезы застилали его глаза. Сколько радостей, горестей, труда лежит позади! Прощай, прекрасный остров!

Рис. 22. Переселенцы провожают Робинзона.

Когда все скрылось из глаз, и кругом раскинулась одна водная гладь, он стал спокойнее, сел, и

новые думы охватили его. Что ждет его впереди? Вот скоро будет он среди своих соплеменников, снова увидит города, снова приблизится к жизни образованных людей. Он узнает о новых открытиях и изобретениях, книги и произведения искусства будут к его услугам… Но в то же время снова встретит он праздность, богатство, полное довольство одних и непосильный труд и горькую бедность других, снова увидит неправду и притеснение слабого сильным. Как отвык он от этого!

Не начнет ли снова манить его тогда прежняя скромная трудовая жизнь среди прекрасной природы? Не пожалеет ли, что покинул ее?

Долго сидел в задумчивости Робинзон, потом встал, полный мужества и бодрости: он будет жить и служить правде, о которой так много думал в одиночестве. Если же силы его ослабеют и жизнь в Англии сделается невыносимой, то ничто не помешает ему снова вернуться на родной остров, где он прожил двадцать девять лет, к прежней трудовой, справедливой и счастливой жизни и к верному другу Пятнице.

ЗНАНИЕ
СИЛА
РСФСР